

*ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМЕНИ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК*

*Альманах Конференции молодых ученых
Института этнологии и антропологии
Российской академии наук*

Выпуск II

Том 2

*Москва
2021*

УДК 39+9+316
ББК 63.3+63.5+60.524
А 57

*Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Редакционная коллегия:

А.С. Басов, А.В. Белова, М.В. Васеха, А.А. Власенко, В.В. Илизарова, Д.А. Каунов,
Н.С. Любимова, Н.А. Маничкин, С.А. Орешин (отв. ред.), А.А. Плеханов, Т.Н.
Самарина, П.А. Серин (отв. ред.), Д.А. Трынкина, В.О. Филатова

Рецензенты:

д.и.н. Ю.Д. Анчабадзе
к.и.н. Н.П. Москаленко

***Альманах Конференции молодых ученых Институ-
та этнологии и антропологии РАН. Выпуск II / отв. ред.
С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. Т. 2. 296 с.***

ISBN 978-5-4211-0282-3

А 57 Сборник включает в себя статьи этнологов, антропологов, социологов, политологов, историков, культурологов, участвовавших в научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии», которая проходила 17–20 ноября 2020 г. в ИЭА РАН. Авторы – молодые сотрудники из академических институтов и университетов России, Белоруссии, Украины. Статьи сборника посвящены проблемам исторической антропологии и антропологии памяти, гендерных аспектов антропологии повседневности, реализации государственной национальной и языковой политики, медицинской и цифровой антропологии, этологии и психологии человека, исследованиям эзотеризма и взаимодействию деревенской и городской среды. Представленное издание предназначено как для специалистов в сфере социокультурной антропологии, так и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами современных исследований в сфере социокультурной антропологии.

ISBN 978-5-4211-0282-3

УДК 39+9+316

DOI: 10.33876/978-5-4211-0282-3/1-288

ББК 63.3+63.5+60.524

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

Содержание

Том 2

Раздел IV. Языковые процессы в мире

<i>Языковое региональное сообщество: очерки языкового сдвига в Кашубии</i>	5
<i>Динамика численности и владения родным языком у западных адыгов по материалам Всероссийских и Всесоюзных переписей населения (1897–2010 гг.)</i>	18
<i>Развитие языковых компетенций в рамках образовательной системы «Ключи к полилингвальному, межкультурному и креативному образованию»</i>	29
<i>Отношение к языковому сдвигу и ревитализации языков в Республике Карелия</i>	45

Раздел V. Этнополитические исследования

<i>Религия и общество в рамках эпидемии COVID-19 в Пакистане: взаимодействие – противостояние</i>	66
<i>Этнические конфликты постсоветского пространства в восприятии современной молодежи</i>	81
<i>Нагорно-карабахский конфликт в оценках азербайджанских и армянских студентов в свете современных межэтнических конфликтов: (этносоциологический анализ)</i>	87
<i>Политика органов государственной власти Российской Федерации по урегулированию Чеченского конфликта</i>	94
<i>О роли этнического фактора в афганском вооруженном конфликте 1979–1989 гг.</i>	110
<i>Этноконфессиональный фактор в общественно-политическом кризисе в Республике Ингушетия (осень 2018 – начало 2019 г.)</i>	121

Раздел VI. Гендерные исследования

<i>Вне рабочее время и отдых советских горожанок в женской социокультурной памяти 1950–1960-х гг. (региональный аспект)</i>	132
---	-----

<i>Гендерные аспекты выбора способов решения семейных конфликтов дворянами и крестьянами Российской империи в первой трети XIX в.</i>	144
<i>Осужденные по статье 121.1 УК РСФСР в социальной структуре тюремной системы в мемуарах Л.С. Клейна</i>	156
<i>Память об исторической родине в мемуарах иностранок и иностранцев в XVIII – I четверти XIX в.</i>	166
<i>Женское лицо Второй мировой войны: «фронтовые сестры» Германского Красного Креста</i>	173
<i>Блоги как источник по изучению проблемы гендерного насилия в постколониальной Тропической Африке</i>	187
<i>Практики наставничества в академической повседневности первых русских женщин-историков (XIX – начало XX в.)</i>	198
<i>Совмещение материнства и трудовой деятельности в воспоминаниях женщин ТДР</i>	208
<i>Воспоминания художницы Ю.Т. Араповой о 1920–1930-х гг.: трансформация мировоззрения</i>	222
<i>Женское движение на Кольском полуострове в 1990-е годы XX в. в социальной памяти его основательниц</i>	237
<i>Имя человека как элемент нормативного языка и как факт персональной биографии</i>	249
<i>Традиционная бинарная гендерная система в российском обществе и ее проблематика в контексте гендерно-бинарной идентичности</i>	263
<i>Электоральные предпочтения ЛГБЛП-молодежи 18–30 лет в России</i>	276
Сведения об авторах	290

РАЗДЕЛ IV. ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В МИРЕ*

Васюков Александр Дмитриевич

ЯЗЫКОВОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО: ОЧЕРКИ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА В КАШУБИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу языкового сдвига в Кашубии, который проявляется в повсеместном переходе местного населения на польский язык. Анализируя интервью с этническими активистами, а также фиксируя семейные нарративы их родственников разных поколений, автор демонстрирует, как низкий социальный престиж кашубского языка привел к его постепенной утрате речевым сообществом. Основываясь на собранном материале, можно утверждать, что последнее поколение моноязычных, или двуязычных, но не говорящих по-польски, кашубов ушло примерно в 1970-е гг. К началу 2000-х гг., когда кашубский получил правовое признание и зародилось последовательное движение за его кодификацию и стандартизацию, он уже перестал быть языком внутрисемейного общения для большинства членов сообщества, практически прекратилась межпоколенческая передача языка.*

Ключевые слова: *кашубы, кашубский язык, языковой сдвиг, ассимиляция, этническая идентичность, этнический активизм*

* Раздел подготовлен в рамках реализации проекта "Разработка модели научного мониторинга общественных запросов на языковое и этнокультурное образование" Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг.

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the language shift in Kashubia, which is manifested in the widespread transition of the local population to Polish. Analyzing interviews with ethnic activists, as well as recording the family narratives of their relatives of different generations, the author demonstrates how the low social prestige of the Kashubian language led to its gradual loss by the speech community. Based on the collected material, it can be argued that the last generation of monolingual, or bilingual, but not Polish-speaking, Kashubians left around the 1970s. By the beginning of the 2000s, when Kashubian received legal recognition and a consistent movement for its codification and standardization was born, it had already ceased to be a language of intra-family communication for most members of the community, and intergenerational language transmission practically ceased.*

Key words: *Kashubians, Kashubian language, language shift, assimilation, ethnic identity, ethnic activism*

Уже несколько десятилетий специалисты по лингвистической антропологии и социолингвистике занимаются изучением феномена языковой ассимиляции, или языкового сдвига (language shift). Под данным термином в науке подразумевается отказ общности от использования старого языка и переход на новый, что часто может сопровождаться длительным периодом двуязычия¹. Предпринималось множество попыток определить факторы и условия, влияющие на скорость и глубину языкового сдвига. Однако для антропологов и этнографов по-прежнему остается много загадок в том, почему та или иная этническая группа в определенный момент своей истории принимает решение не передавать родной язык последующим поколениям. Обращение к конкретным случаям различных миноритарных групп, переживающих процесс языкового сдвига, позволит нам глубже понять механизмы и принципы языкового выбора в

¹ Дориан Н. Утрата и сохранение языка в ситуациях языкового контакта. // Социолингвистика и социология языка. Т. 1. / Под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Издательство Европейского университета, 2012. С. 382.

коллективе, а также специфику языковых практик в сообществах, подверженных давлению другого доминирующего языка.

Статья представляет результаты полевой работы в Кашубии (каш. Kaszëbë), одного из наиболее своеобразных этнокультурных регионов Польши. Материалы для данной работы были собраны в рамках более широкого научного исследования, которое автор проводит с осени 2018 г. на территории Кашубии и Силезии среди этнических активистов и членов их семей. За прошедший период было осуществлено четыре экспедиции в поле, где автору удалось провести более 60 глубинных полуструктурированных интервью. Помимо интервьюирования применялся также метод включенного наблюдения во время публичных акций обеих этнических групп, а также в нескольких школах Поморского воеводства, где преподается кашубский язык.

Кашубы – западнославянская этническая группа, которая большую часть XX в. описывалась в польском научном и общественно-политическом дискурсе в качестве этнографической группы поляков, а их язык, соответственно, как один из наиболее специфических диалектов польского языка. Сегодня 98% кашубов Польши¹ компактно проживают в центрально-северной части Поморского воеводства, административным центром которого является популярный туристический город Гданьск (каш. Gduńsk). Регион Кашубия сегодня представлен примерно десятком повятов², которые с политико-правовой точки зрения не организованы и не воспринимаются как «этнические». Принцип проведения границ таких повятов никак не определялся этническим составом их населения, поэтому наряду с этнически гомогенными повятами (как Картузский или Косцежский) существуют отдельные кашубские анклавы в Хойницком, Лемборском, Члуховском и других повятах.

¹ Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Warszawa: Główny urząd statystyczny, 2015. s. 47.

² Повят – единица административно-территориального деления Польши рангом ниже, чем воеводство.

Во время последней переписи населения Польши в 2011 г. кашубами себя назвало 233 тыс. чел., из которых более 16 тыс. (7% группы) считало себя исключительно кашубами, а остальные указали две этничности¹. Данные результаты показывают сложную структуру предпочтений в этнической самоидентификации кашубов, для которой характерна бинарная (в основном кашубско-польская/польско-кашубская) модель этнического самоопределения. При этом мы предполагаем постепенный рост количества людей, которые считают себя исключительно кашубами. Материалы интервью служат основанием для такого предположения: *«Во время переписи я указал себя как кашуба и поляка. Кашуб как первая национальность, поляк – как вторая. Сегодня я жалею об этом. Думаю, сейчас я бы так не сделал. В следующий раз я укажу себя только как кашуба»*².

Помимо проводимых государством переписей мы также располагаем специальными этнографическими исследованиями, содержащими экспертные оценки, порой заметно контрастирующие с официальными. Еще в конце XIX в. численность кашубов оценивалась от 100 до 167 тыс. чел.³. В конце 1980-х гг., по подсчетам Марека Лятошека, в регионе Гданьского Поморья проживало уже около 0,5 млн кашубов, из которых приблизительно 300 тыс. сохраняло кашубский язык⁴. В 1997–2004 гг. в том же Поморском воеводстве проводил свои исследования географ Ян Мордавский, который насчитал 566 тыс. кашубов. Согласно ученому, в ряде повятов Гданьского Поморья кашубы должны составлять большинство или заметное меньшинство: в Картузском (83,8%), Пуцком (64,6%), Косцежском (61,4%), Вейхеровском (47,9%), Бытовском (34,9%), Гданьском

¹ Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski... s. 31.

² ПМА (М., кашуб, 27 лет, Вейхерово, запись).

³ Разные оценки см. в: Дорошенко Д. Слов'янський світ в його минулому і сучасному. Т. 1. Берлін: Українське слово, 1922. – с. 211; Ramułt S. Statystyka ludności kaszubskiej. Kraków: AU, 1899. s. 241.

⁴ Latoszek M. Pomorze: zagadnienia etniczno-regionalne. Gdańsk: Gdańskie Tow. Nauk, 1996. s. 12.

(21%)¹. Если опираться на эти данные, может показаться, что результаты переписи не видят до половины этнической группы. Среди возможных причин этого явления можно предположить несовершенство методики переписи, сознательное искажение ее результатов или же стремление части сообщества скрыть альтернативную (непольскую) этническую идентичность.

Кашубы, составляющие большинство в нескольких центральнопоморских повятах, – преимущественно сельское население (64,6% проживает в селах и лишь 35,4% – в городах)². В единственном крупном городском центре региона – агломерации Труймясто (1 млн. жителей) – кашубы составляют абсолютное меньшинство (от 4–5% в Гданьске до 15,8% в Гдыне)³. Значительное присутствие кашубов заметно лишь в небольших городках и поселках Кашубии с населением менее 50 тыс. чел.: Картузы (92% из 19 тыс. человек), Косцежина (82% из 23 тыс. человек), Пуцк (71% из 11 тыс. человек), Вейхерово (41% из 49 тыс. человек)⁴.

Если говорить о языке, то в ходе переписи 2011 г. лишь 108 тыс. чел. заявило о владении родным языком⁵. Согласно различным оценкам специалистов, сегодня кашубским языком владеет от 80% до 64,5% этнической группы⁶. Как предполагает Мордавский, по состоянию на 2005 г. лишь 80,9 тыс. чел. говорят по-кашубски ежедневно (14,2% от этнической группы) и еще 41 тыс. (7,3%) говорят часто⁷. Большая же часть носителей языка прибегает к нему крайне редко или почти никогда. Вполне возможно, даже такие цифры являются оптимистичными. В ходе личного общения с сотрудниками Центра кашубского языка и культуры Гданьского университета автору были высказаны предположения, что людей, регулярно говорящих на кашубском

¹ Mordawski J. Statystyka ludności kaszubskiej. Gdańsk: Instytut Kaszubski, 2005. s. 43.

² Там же. s. 50.

³ Mordawski J. Geografia Kaszub. Gdańsk: ZKP, 2018. s. 49.

⁴ Там же... s. 48.

⁵ Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski... s. 70.

⁶ Dołowy-Rybińska N. Odwracanie Zmiany Językowej Na Kaszubach // Studia Socjologiczne, 2010. № 3. s. 52.

⁷ Mordawski J. Geografia Kaszub... – s. 46.

языке, сегодня может насчитываться от 40 до 60 тыс. Главным образом это представители старшего поколения, а значит, языковая ситуация в Кашубии будет стремительно меняться в сторону польского монолингвизма, если срочно не предпринять эффективных программ ревитализации.

В 2005 г. в Польше был принят закон «Об этнических, национальных меньшинствах и региональном языке», согласно которому кашубский был признан единственным региональным языком в Польше¹. Такой статус позволяет признавать кашубский языком-помощником в гминах², где более 20% населения являются этническими кашубами, а также ограничено использовать его в школьном образовании, документообороте и установке двуязычных придорожных указателей³. Однако интервью с этническими активистами показывают, что информанты продолжают отмечать факт языкового сдвига и, как порой кажется, смирились с ним.

«Что я могу сделать?... Я уже не воскрешу язык. Очевидно, что этот язык будет исчезать. У языка есть еще несколько поколений, пока он не пропадет... и его не будет... Мы, конечно, можем его превозносить как декорацию, но какой в этом смысл?»⁴.

Пытаясь проследить траекторию языкового сдвига в Кашубии, мы обратились к материалам интервью и анализу семейных нарративов информантов. Это позволяет нам заключить, что последнее поколение моноязычных, или двуязычных, но не говорящих по-польски, кашубов ушло примерно в 1970-е гг.

«Родители работали, и нас воспитывала сестра деда. Мы называли ее просто тетей. Она вообще польского не знала... Родилась еще до Первой мировой войны. В костеле она, конечно,

¹ Закон от 6 января 2005 г. «О национальных и этнических меньшинствах и региональном языке» // Вестник Законов Республики Польша. 2005. № 17, позиция 141, № 62, позиция 550.

² Гмина – единица административно-территориального деления Польши рангом ниже, чем повят.

³ Bukowski Z. Prawny status języka regionalnego w Polsce na przykładzie języka kaszubskiego // Studia z Zakresu Prawa, Administracji i Zarządzania, 2016. – Nr. 9. – s. 93.

⁴ ПМА (ж., кашубка, 43 года, Дземяны, запись).

слышала польский, но не говорила... И когда мой отец хотел позлить ее, он всегда обращался к ней по-польски. Она этого терпеть не могла» (смеется)¹.

«Моя бабка, помню, польского не знала. Только кашубский и немецкий. По-кашубски дома говорила, в семье. А по-немецки – если в город выбиралась, на рынок там...»².

К началу 2000-х гг., когда кашубский получил правовое признание и зародилось последовательное движение за его кодификацию и стандартизацию, он уже перестал быть языком внутрисемейного общения для большинства членов сообщества, практически прекратилась межпоколенческая передача языка.

«Мы в семье не говорили по-кашубски, но постоянно слышали, как мама говорила с тетей, бабушкой, соседками по-кашубски... Все время была такая установка, что... все это поколение считало, что обучение ребенка кашубскому его испортит»³.

В картине, которую описывают информанты, рассказывая истории своих семей, переломный момент в судьбе кашубского языка приходится на начало 50-х – 60-х гг., когда поколение родителей, еще свободно владеющих кашубским, приняло решение начать говорить со своими детьми по-польски. Почему это произошло именно в тот момент? Возможно, сопоставление с опытом других миноритарных сообществ Польши позволит нам глубже понять эту проблему. Автор также проводил свои полевые исследования в Верхней Силезии, где фиксировал очень схожие воспоминания информантов-силезцев.

«Для меня силезский всегда был языком семьи, но не среды. Это очень важно... После войны силезский был языком, который власти очень негативно воспринимали. Будто на нем говорили худшие люди, необразованные из таких... низких сфер. И эта нагонка очень сильно отобразилась на сообществе. Многие люди старше меня до сих пор так считают, что это худший язык»⁴.

В своем социолингвистическом исследовании Силезии

¹ ПМА (м., кашуб, 53 года, Дзержонжно/Картузы, запись).

² ПМА (ж., кашубка, 36 лет, Слупск, запись).

³ ПМА (ж., кашубка, 31 год, Гданьск, запись).

⁴ ПМА (м., силезец, 41 год, Бытом, запись).

Йоланта Тамбор отмечает, что всю вторую половину XX в. на волне индустриализации и стремительной урбанизации в польском обществе сложилось вполне определенное представление о престиже и жизненном успехе, связанное с переселением из сельской местности в городскую. Диалекты, а именно таким образом трактовались тогда кашубский и силезский, считались неотъемлемой частью сельского образа жизни. Путь к социальному успеху лежал через забвение локального этнолекта и перехода к литературной норме основного (государственного) языка¹.

Действительно, описывая место кашубского языка в своей жизни, информанты устойчиво характеризуют его как язык непрестижный, низкостатусный, некультурный. В ситуации, когда кашубский язык был лишен официального признания, сами информанты трактовали его как «калеченный польский». Интервью с представителями старшего поколения изобилуют выражениями «*nieporowna polszczyzna*», «*nieporownie mówić po polsku*».² Информанты постепенно описывали классическую картину диглоссии, сосуществования двух вариантов языка, четко размежеванных по функциональной сфере и престижу³. В такой ситуации кашубскому отводилась роль языка домашнего общения, а польскому – языка общения с внешним миром, языка культуры и образования, костела и печати, языка, на котором говорит власть.

«В хлеве со свиньей можно было говорить по-кашубски... а чтобы ученый человек... этого себе невозможно было представить»⁴.

Когда титульный язык становится непрестижным, а доминирующий – престижным, возникают условия для языкового сдвига. Кроме того, падение или рост престижа языка не происходят сами по себе. Чтобы это произошло, язык должен

¹ Tambor J. Mowa Górnślązaków oraz ich świadomość językowa i etniczna. Katowice: WUŚ, 2006. s. 147.

² «Неправильный польский», «неправильно говорить по-польски».

³ Фергюсон Ч. Диглоссия / Ч. Фергюсон // Социолингвистика и социология языка. Т. 1. / Под ред. Н.Б. Вахтина. СПб: Издательство Европейского университета, 2012. С. 44.

⁴ ПМА (м., кашуб, 35 лет, Вейхерово, запись).

прочно увязываться с социальным, экономическим или иным статусом говорящей на нем группы¹. Нарративы информантов показывают, как преимущественно сельское кашубское население в индустриализующейся Польше постепенно приобретало низкий статус, а низкий престиж группы порождал низкий престиж его языка. Ведущая роль в процессе прививания такой оценки принадлежала школе.

«Случалось, мне мама рассказывала, что кашубский язык отождествлялся с... деревенщиной, с необразованностью. Учителя ее часто исправляли: «Не говори так! Говори по-польски правильно! Не говори, как деревня». Это остается в людях... Люди сами начинали стесняться говорить по-кашубски»².

«Во времена коммуны нам жилось нелегко... все было так политически направлено против кашубов, в школах наказывали за разговор по-кашубски, что в нас даже выработалось такое... будто это что-то худшее... [презрительно морща лицо]: “Эээ, кашуб, он говорит по-кашубски”» (М., кашуб, 61 год, Ястарня).

Как показывают интервью с молодыми информантами, определенная «инерция» этнического комплекса продолжается в сообществе и сегодня.

«Наши школьные учителя говорили нам: “Не говорите по-кашубски в Гданьске. Иначе к вам отнесутся как к деревенщине”» (М., кашуб, 27 лет, Вейхерово).

Однако мы полагаем, что фактор престижа лишь частично объясняет проблему языкового сдвига среди кашубов. Намного важнее обратиться к особенностям функционирования национального государства. Как отмечает Эйнар Хауген, внутренняя логика нации состоит в том, чтобы минимизировать внутренние различия и максимизировать внешние. Идеал нации – внутренняя сплоченность и внешняя разделенность³. Государство

¹ Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. С. 117.

² ПМА (Ж., кашубка, 35 лет, Гданьск, запись).

³ Хауген Э. Язык, диалект, нация // Социоллингвистика и социология языка. Т. 1. / Под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Издательство Европейского университета, 2012. – с. 104.

очень быстро улавливает тревожные сигналы языкового сепаратизма, поэтому группы населения, чьи языковые практики и идентичность не вписываются в унифицирующие рамки нации, становятся объектом языкового переучивания. Это должно было особенно ярко проявиться в регионах, окончательно вошедших в состав Польши лишь после Второй мировой войны. Полевой материал обнаруживает живую память этнической группы о практиках языковой гомогенизации, реализуемой государством в течении всей второй половины XX в.

«Родителям говорили... годах в 1950–1960-х... что дети должны правильно учиться говорить по-польски, потому что детям будет сложнее в школе, если придут в школу, не зная правильного польского. Это было довольно забавно, ведь большинство родителей тут на Кашубах... того поколения предвоенного... польский был для них как иностранный. И они пытались правильно говорить с детьми. Конечно, говорили они неправильно. Собственно, они сами учились польскому от своих детей, которые позже шли в школу»¹.

Как видно из цитаты, кашубский язык воспринимался как барьер для вхождения в школу, получения образования. В нескольких интервью мы фиксировали рассказы о том, как недостаточное владение польским служило причиной отказа для приема детей в школу.

«Случалось, моя мама вспоминала, такие ситуации острой дискриминации... детей, которые приходили в школу и не говорили по-польски, их отсылали в спецшколы. К сожалению, эта память во всем сообществе где-то там осталась»².

После признания кашубского языка региональным наблюдается определенный рост его престижа в этнической группе. Несмотря на то, что кашубский язык является лишь факультативным предметом в школе, сегодня его изучает более 16 тыс. детей в Польше³. Глубоко зашедший процесс языкового

¹ ПМА (ж., кашубка, 56 лет, Гданьск, запись).

² ПМА (ж., кашубка, 31 год, Гданьск, запись).

³ Oświata i wychowanie w roku szkolnym 2015/2016. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 2016. s. 106.

сдвига (например, в ходе работы автора в школе южнокашубского поселка Дземяны не было встречено ни одного ребенка, для которого кашубский язык был бы первым и основным языком общения в семье) вынуждает современных учителей кашубского преподавать его по методике иностранного языка.

Несмотря на всю важность языка как элемента этнической саморепрезентации кашубов, можно констатировать, что в дискурсе некоторых активистов происходит заметный дрейф от представлений, что именно язык – признак «истинного кашуба». Смирение с фактом вытеснения родного языка побуждает некоторых из них задуматься о том, что еще их объединяет, кроме языка? Что может прийти на замену языку, если он окончательно исчезнет?

«Кашубы – это не только язык. Более того, я думаю, что чем дальше, чем больше времени будет проходить... и мы, кашубы, будем решать, что нас объединяет, может так оказаться, что язык не является аж так важным»¹.

Кажется, мы наблюдаем то, что на примере каджунов в Луизиане Сильви Дюбуа и Маган Мелансон назвали переходом между разными типами концептуализации этнической группы: от речевой общности к культурной. Для культурной общности владение родным языком еще воспринимается как желательное, но уже не является обязательным².

Таким образом, мы затронули проблему языкового сдвига среди кашубов, славянского миноритарного сообщества. После Второй мировой войны вся этническая территория кашубов оказалась включенной в состав Польши, а само сообщество подвергалось мощному влиянию официального (польского) языка, единственного языка образования, печати и администрации. Сведение кашубского, как и ряда других региональных идиомов Польши, к статусу диалекта польского языка делало естественным,

¹ ПМА (ж., кашубка, 31 год, Гданьск, запись).

² Дюбуа С., Мелансон М. Каджун умер – да здравствует каджун: переход от языковой общности к культурной // Социолингвистика и социология языка. Т. 1. / Под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Издательство Европейского университета, 2012. С. 486.

понятным и даже желаемым его скорое исчезновение в глазах как носителей, так и этнического большинства. Первые послевоенные поколения кашубов не воспринимали титульный язык как ценность, которую необходимо передать потомкам. Ограниченная функциональная применимость кашубского, его низкий престиж и последовательная работа школы, направленная на пропаганду стандартного польского языка среди коренного населения Кашубии, привели к процессу языковой ассимиляции кашубов. И хотя сегодня для большей части сообщества кашубский уже не является основным языком общения, языковая специфика Кашубии (как реальная, так и воображаемая) продолжает оставаться важным элементом этнической идентичности местного населения. Наши дальнейшие исследования в Кашубии будут посвящены специфике языкового активизма, особенности языковой стандартизации и его рецепции среди носителей кашубского. Мы также планируем более подробно изучить практики ревитализации языка и феномен неоносителей кашубского.

Список литературы и источников

1. *Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* Социоллингвистика и социология языка. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
2. *Дориан Н.* Утрата и сохранение языка в ситуациях языкового контакта. // Социоллингвистика и социология языка. Т. 1. / Под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Издательство Европейского университета, 2012. С. 382–401.
3. *Дюбуа С., Мелансон М.* Каджун умер – да здравствует каджун: переход от языковой общности к культурной // Социоллингвистика и социология языка. Т. 1. / Под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Издательство Европейского университета, 2012. С. 459– 493.
4. *Фергюсон Ч.* Диглоссия // Социоллингвистика и социология языка. Т. 1. / Под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Издательство Европейского университета, 2012. С. 43– 62.
5. *Хауген Э.* Язык, диалект, нация // Социоллингвистика и социология языка. Т. 1. / Под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Издательство Европейского университета, 2012. С. 97–114.

6. *Bukowski Z.* Prawny status języka regionalnego w Polsce na przykładzie języka kaszubskiego // *Studia z Zakresu Prawa, Administracji i Zarządzania*. 2016. Nr. 9. S. 89–108.
7. *Dołowy-Rybińska N.* Odwracanie Zmiany Językowej Na Kaszubach // *Studia Socjologiczne*. 2010. № 3. S. 47–76.
8. *Latoszek M.* Pomorze: zagadnienia etniczno-regionalne. Gdańsk: Gdańskie Tow. Nauk, 1996. 219 s.
9. *Mordawski J.* Statystyka ludności kaszubskiej. Gdańsk: Instytut Kaszubski, 2005. 94 s.
10. *Mordawski J.* Geografia Kaszub. Gdańsk: ZKP, 2018. 108 s.
11. Oświata i wychowanie w roku szkolnym 2015/2016. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 2016. 236 s.
12. Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Warszawa: Główny urząd statystyczny, 2015. 256 s.
13. *Tambor J.* Mowa Górnolązaków oraz ich świadomość językowa i etniczna. Katowice: WUŚ, 2006. 313 s.

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ВЛАДЕНИЯ
РОДНЫМ ЯЗЫКОМ У ЗАПАДНЫХ АДЫГОВ
ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКИХ И
ВСЕСОЮЗНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ
(1897–2010 гг.)**

Аннотация. Основная тема этой работы – соотношение этнической самоидентификации адыгейцев и адыгейского языка в переписях населения. Автор использует материалы 1897 г., Всесоюзных, а также Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг. как основной источник информации. Это позволяет отследить динамику взаимосвязи этнической идентичности и родного языка на продолжительном временном отрезке. Заметно, что для адыгейцев адыгейский язык до сих пор является важным параметром «адыгскости». Это подтверждается численным преобладанием тех, кто указывал во время переписей населения адыгейский язык в качестве родного.

Ключевые слова: адыгейский язык, численность адыгов, перепись населения, этничность, идентичность

Abstract. The main theme of this work is the relationship between the ethnic identity of the Adyghe and the Adyghe language. The author of the article uses the materials of the 1897 census, the All-Union, as well as the All-Russian censuses of 2002 and 2010, as the main source of information. This allows you to track the dynamics of the ratios over a long period. For the Adyghe people, the Adyghe language has been an important parameter of their ethnic identity until now. The author argues that the great number of those who indicated the Adyghe language as their mother tongue during the censuses

confirms the importance of the Adyghe language as a part of Adyghe ethnic identity.

Key words: *adyghe language, number of Adygs, population census, ethnicity, identity*

На протяжении последних тридцати лет адыгейская общественность обеспокоена вопросом утраты адыгейского языка. Отмечается, что молодежь все хуже и хуже владеет родным языком. Также существует тезис, что городская молодежь, в среднем, владеет адыгейским языком хуже сельской. Заострение внимания на теме языка является следствием четкой взаимосвязи в общественном сознании: знание адыгейского языка равно принадлежности к адыгейцам и адыгам вообще. В интервью для портала Адыги.гу Мажид Утиж, владелец магазина «Адыгэунэ», турецкий адыг-репатриант отмечал, что: *«Без языка нет народа, и его надо обязательно знать»*, *«Для сохранения народа нужно многое, но ничего невозможного нет. Однако самое главное, вместе с тем простое и действенное – сохранить язык. Конечно, если ты считаешь себя адыгом, то и жить должен как адыг»*¹. Как указывает З.А. Жаде, 55% адыгейцев в качестве определяющего в идентификации параметра отмечали язык². В связи с этим особый интерес представляет соотношение адыгейского языка, как символа этнической идентичности и этнической самоидентификации в материалах Всесоюзных и Всероссийских переписей населения.

Основными источниками моей работы стали опубликованные итоги переписей населения: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; Всесоюзные переписи населения – 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.; Всероссийские переписи населения 2002 и 2010 гг. В прошлом, как и сейчас, не производились специальные статистические исследования о взаимосвязи этнической идентификации с родным языком, поэтому

¹ Мажид Утиж. Легко называться адыгом, труднее быть им. URL: <https://www.adygi.ru/index.php?newsid=2358>

² Жаде З.А. Региональная идентичность населения Республики Адыгея в условиях социальных трансформаций // Россия: тенденции и перспективы развития. 2011. № 6–2. С. 331–336. Стр. 335.

единственным источником данных по этому вопросу для исследователей остаются итоги переписей населения. Следует признать, что не все переписи содержали вопросы, учитывающие родной язык опрошиваемых. Как следствие, имеющиеся сведения не всегда достаточно полны, что связано, в том числе, со спецификой каждой переписи: изменениями в переписных листах, задаваемых вопросах и методах шифровки полученной информации, кем проводилась перепись и в каких условиях.

Первой всеобщей переписью населения России явилась перепись 1897 г. В связи с ее особенностями численность адыгов на указанное время можно определить только приблизительно, поскольку приходится опираться на данные по графе «Родной язык». Первая Российская перепись предполагала категоризацию по двум основным группам: «родной язык» и «вероисповедание». В материалах переписи 1897 г. адыгский язык был отнесен к группе «Наречия кавказских горцев». В общей сложности 38 488 человек указали в качестве родного черкесский и 14 340 кабардинский языки¹. Здесь важно обозначить, что на момент проведения этой переписи адыги подразделялись на две большие группы: на черкесов (условно – западные адыги) и на кабардинцев (восточные адыги). С 1936 г. классификация изменяется. Теперь, выделяются: адыгейцы – адыги проживающие на территории Адыгейской автономной области, позднее Республики Адыгея; кабардинцы – адыги, проживающие в Республике Кабардино-Балкария; черкесы – адыги в Республике Карачаево-Черкесия; шапсуги – адыги из причерноморской части Краснодарского края. Подобное деление во многом обусловлено территориальной раздробленностью адыгского народа, ставшего следствием колониальных войн XIX в. на Северном Кавказе.

Перепись 1920 г., проводившаяся во время Гражданской войны, не смогла охватить территории Северного Кавказа, где проходили боевые действия. Поэтому ее материалы не могут быть использованы в настоящей работе.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской империи кроме губерний Европейской России: Кубанская область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=414

В 1926 г. Всесоюзная перепись населения проходила в условиях, когда новой властью уже была создана Адыгейско-Черкесская автономная область. На 1926 г. население области, образованной из частей Екатеринодарского и Майкопского отделов, составило 113 481 человек (55 893 мужчин, 57 588 женщин). Новая область не располагала городскими поселениями, из-за чего все население оказалось сельским¹. Если рассматривать национальный состав автономии, то можно выделить три крупные этнические группы: «черкесы» – 50 821 (если суммировать их численность с «кабардинцами» (1 466 человек), то общая численность адыгов – 52 287 человек); «русские» – 29 102 человека и «украинцы» – 26 405. В материалах переписи указывалось, что в Адыгейско-Черкесской АО насчитывалось 52 671 человек – носителей черкесского языка². По «Перечню и словарю языков», выпущенному для Всесоюзной переписи 1926 г., кодировка языков предполагала присвоение шифра 91 целой группе языков: абадзехский, абазинский, адыгейский, бжедухский, кабардинский, черкесский, темиргойский, шапсугский, убыхский³. Т.е. 52 671 человек – это общая численность носителей идиомов, приведенных выше.

В 1936 г., уже переименованная к тому времени, Адыгейская автономная область территориально расширилась, включив в свой состав Ханский сельсовет, Гиагинский район и город Майкоп, который стал новой столицей ААО. Вместе с изменением границ заметно изменились численность и состав населения. Всесоюзная перепись 1939 г. показала, что население области насчитывает 241 799 человек (прирост – 128 318 по сравнению с предыдущей). Поскольку новые области и город Майкоп были большей частью заселены русскими, то их общая доля в автономии значительно

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. РСФСР и ее регионы. Населенные места. Наличное городское и сельское население: Адыгейско-Черкесская АО. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_26.php?reg=351

² Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. – М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. Стр. 79.

³ Программы и пособия к разработке Всесоюзной переписи населения 1926 года. Выпуск VIII. Перечень и словарь языков. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР – 1927. Стр. 6-8.

выросла, достигнув 171 960 человек. Численность адыгейцев составила 55 048, а кабардинцев 59 человек¹. Если до 1936 г. городского населения в области не было вовсе, то соответственно после включения Майкопа в ее состав численность городских жителей стала 55 871 человек. Из этого количества, только 1 828 были адыгами (адыгейцы – 1802, кабардинцы – 26)².

Следующая перепись была проведена только в 1959 г. По ее итогам, численность населения ААО составила 284 690 человек, из которых русского населения – 200 492, адыгейцев – 65 908, черкесов – 71³. По сравнению с предыдущей переписью доля городского населения среди адыгов значительно увеличилась и достигла 5964 (вместе с черкесами: 27 ч.)⁴. Данные по родному языку свидетельствуют, что у адыгейцев доля тех, кто считает адыгейский родным, составляет 95%⁵. Тем не менее здесь стоит отметить, что данные приведены в целом по стране, т.к. опубликованных материалов конкретно по области нет.

Между переписями населения 1959 и 1970 гг. произошли последние территориальные изменения ААО. В состав Автономии перешла территория Тульского района Краснодарского края. Малоаселенная, преимущественно предгорная, она не сильно отразилась на структуре населения. В конце 1960-х гг. из-за строительства Краснодарского водохранилища жители

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России: Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=4

² Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу. Адыгейская автономная область. Городское население. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=3&gor=1&Submit=OK

³ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России. Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=4

⁴ Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности. Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=3

⁵ Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. – М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. С. 39 – Стр. 11.

многих населенных пунктов Теучежского района были переселены в поселок Адыгейск, который вскоре получил статус города. Таким образом, еще недавние сельские жители стали частью городского населения региона.

За десять лет произошел очередной скачок численности населения: 385 644 человека в 1970 г., что более чем на 100 тыс. человек больше, чем в 1959 г. Адыгов насчитывалось 81 729, из которых 81 478 адыгейцы, 115 кабардинцы и 136 черкесы¹. На 4 тыс. человек выросла доля адыгов-горожан, с 6 тыс. в 1959 году, до 10 555 человек в 1970 г.: 10 397 – адыгейцы; 94 – черкесы; 64 – кабардинцы².

В 1979 г. население Адыгейской автономной области оценивалось в 404 390 человек. Виден продолжающийся рост населения, который в целом замедлился и продолжит замедляться к переписи 1989 г. Из указанного числа 126 человек указали себя кабардинцами, 173 черкесами и 86 388 человек адыгейцами³. Продолжается рост городского населения среди адыгов: 22 417 адыгейцев, 119 черкесов, 86 кабардинцев, что в общей сумме больше более чем на 16 тыс. человек, чем результаты переписи 1959 г.⁴.

Перепись 1989 г. выявила, что население Адыгейской автономной области в указанный год насчитывало 432 046 человек. Из них 95 439 составили адыгейцы, 240 кабардинцы и 238 черкесы⁵.

¹ Всесоюзная перепись населения 1970 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности. Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=3

² Всесоюзная перепись населения 1970 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности. Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=3

³ Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=44

⁴ Всесоюзная перепись населения 1979 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности. Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=3

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Адыгейская автономная область. – М.: Государственный комитет СССР по статистике, 1990. Стр. 2

На момент последней советской переписи, адыгов-горожан было 32 153 человека, что на 10 тыс. больше, чем в 1979 г. Из этого числа 31 841 являлись адыгейцами, 158 кабардинцами и 154 черкесами¹. Материалы этой переписи позволяют сравнить, какое количество сельчан и горожан адыгейцев, указывало в качестве родного адыгейский язык. Так, из более чем 31 тыс. адыгейцев горожан, 30 746 человек, или 97%, указало в качестве родного адыгейский язык². В это время, сельчан, указавших адыгейский язык оказалось больше: 99% или 63 179 человек из 63 598 адыгейцев сельчан³.

Первая Всероссийская перепись населения показала, что население Адыгеи в 2002 г. составило 447 109 человек. Общая численность адыгов составила 109 074 человек, или 108 115 адыгейцев, 309 кабардинцев, 642 черкеса и 8 шапсугов⁴. Численность горожан среди адыгов (60 053 человека) почти сравнялась с численностью сельского населения (68 475 человек). 104 956 адыгейцев указали, что владеют адыгейским языком⁵.

Последняя на сегодняшний день Всероссийская перепись населения была проведена в 2010 г. На тот момент в Адыгее насчитывалось 439 996 человек, что на 7 тыс. оказалось меньше,

¹ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности. Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=3

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Адыгейская автономная область. – М.: Государственный комитет СССР по статистике, 1990. Стр. 38.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Адыгейская автономная область. – М.: Государственный комитет СССР по статистике, 1990. Стр. 38.

⁴ Всероссийская перепись населения 2002 года: Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_03.xls

⁵ Всероссийская перепись населения 2002 года: Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_03.xls

чем в 2002 г.¹. Из указанного количества 110 226 указали себя адыгами: 107 048 адыгейцев, 2 651 черкесов, 519 кабардинцев и 8 шапсугов². Городское население составило 56 980 человек, сельское – 67 855 человек³. Данные по родным языкам показали, что 412 кабардинцев и 797 черкесов владеют кабардино-черкесским языком, а 102 400 адыгейцев отметили, что владеют адыгейским⁴.

Приведенные материалы позволяют увидеть, что за период с 1897 по 2010 г. численность адыгейцев, проживающих на территориях нынешней Республики Адыгея, увеличилась более чем вдвое. В 1897 г. связь между родным языком и принадлежностью к тому или иному народу, по всей видимости, воспринималась как сама собой разумеющаяся. Поэтому итоги переписи 1897 и 1926 г. можно считать схожими: доля тех, кто указывал в качестве родного «черкесский» либо же «кабардинский» языки равна числу адыгов, проживавших в этой местности. Для 1959 г. опубликованные сведения описывают ситуацию в целом по стране. Во время этой переписи населения 95% адыгейцев отметили адыгейский в качестве своего родного языка. В 1989 г. доля таковых составила 98% от общей численности адыгейцев в области. В 2002 и 2010 гг. – 97 и 93% соответственно. Опубликованные материалы переписей не позволяют проверить распространенное утверждение о том, что среди городской молодежи количество владеющих

¹ Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Адыгея. Т. 11. Федеральная служба государственной статистики по Республике Адыгея. Стр. 8. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/Том%2011.%20Сводные%20итоги%20Всероссийской%20переписи%20населения%202010%20года%20в%20Республике%20Адыгея.pdf>

² Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Адыгея. Т. 11. Федеральная служба государственной статистики по Республике Адыгея. Стр. 69, 71. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/Том%2011.%20Сводные%20итоги%20Всероссийской%20переписи%20населения%202010%20года%20в%20Республике%20Адыгея.pdf>

³ Всероссийская перепись 2010 года. Национальный состав населения. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.xlsx

⁴ Всероссийская перепись 2010 года. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf

адыгейским языком меньше чем среди сельской, т.к. в них нет соответствующих данных. Полевые наблюдения указывают на то, что даже среди адыгов совсем не владеющих адыгейским языком, большая часть считает его родным. Т.е. владение языком и отношение к нему как к родному не всегда коррелируют между собой. Это указывает на отношение к адыгейскому языку как одному из определяющих параметров этнической идентичности адыгов.

Список литературы и источников

1. Всероссийская перепись 2002 года. Национальный состав населения. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_01.xls (Дата обращения: 20.09.2020).
2. Всероссийская перепись 2010 года. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (Дата обращения: 20.09.2020).
3. Всероссийская перепись 2010 года. Национальный состав населения. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.xlsx (дата обращения: 20.09.2020).
4. Всероссийская перепись населения 2002 года: Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_03.xls (Дата обращения: 20.09.2020).
5. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. – М: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. 178 с.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 г. РСФСР и ее регионы. Населенные места. Наличное городское и сельское население: Адыгейско-Черкесская АО. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_26.php?reg=351 (Дата обращения: 02.09.2020).
7. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу. Адыгейская автономная область. Городское и сельское население. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=3&gor=3&Submit=OK (Дата обращения: 04.09.2020).
8. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу. Адыгейская автономная область. Городское

- население. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=3&gog=1&Submit=OK (Дата обращения: 05.09.2020).
9. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России: Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=4 (Дата обращения: 05.09.2020).
 10. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности. Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=3 (дата обращения: 09.09.2020).
 11. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=4 (Дата обращения: 09.09.2020).
 12. Всесоюзная перепись населения 1970 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности. Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=3 (дата обращения: 09.09.2020).
 13. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности. Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=3 (Дата обращения: 09.09.2020).
 14. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=44 (Дата обращения: 11.09.2020).
 15. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности. Адыгейская автономная область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=3 (Дата обращения: 07.09.2020).
 16. Жаде З.А. Региональная идентичность населения Республики Адыгея в условиях социальных трансформаций // Россия: тенденции и перспективы развития. 2011. № 6–2. С. 331–336.
 17. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Адыгейская автономная область. – М.: Государственный комитет СССР по статистике, 1990. 217 с.
 18. Куваева А.А. Демографическая ситуация в Адыгее накануне и в

- годы Великой Отечественной войны: сравнительный анализ (конец 30–50-х гг. XX в.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 3. С. 27–32.
19. *Мажид Утиж*. Легко называться адыгом, труднее быть им. URL: <https://www.adygi.ru/index.php?newsid=2358> (Дата обращения: 09.09.2020).
 20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской империи кроме губерний Европейской России: Кубанская область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=414 (Дата обращения: 23.08.2020).
 21. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Наличное население в губерниях, уездах, городах Российской империи (без Финляндии): Кубанская область. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=65 (Дата обращения: 23.08.2020).
 22. Программы и пособия к разработке Всесоюзной переписи населения 1926 года. Выпуск VIII. Перечень и словарь языков. – М.: Изд-во ЦСУ Союза ССР, 1927. 9 с.
 23. *Ракачев В.Н.* Административно-территориальные преобразования в Адыгее в годы советской власти и их влияние на численность и состав населения // Манускрипт. 2020. № 12. С. 80-86.
 24. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Адыгея. Т. 11. Федеральная служба государственной статистики по Республике Адыгея. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/Том%2011.%20Сводные%20итоги%20Всероссийской%20переписи%20населения%202010%20года%20в%20Республике%20Адыгея.pdf> (Дата обращения: 12.09.2020).
 25. Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по Республикам, Краям и Областям. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 года. – М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. 38 с.

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «19-09-00482 А».

*Каширская Екатерина Владимировна,
Пасечник Агния Сергеевна,
Мухтарова Руслана Мидхатовна,
Хархурин Анатолий Владимирович*

**РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
В РАМКАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
«КЛЮЧИ К ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМУ,
МЕЖКУЛЬТУРНОМУ
И КРЕАТИВНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ»**

***Аннотация.** В статье представлено теоретико-методологическое обоснование формирования механизма системной адаптации учащихся в современном мире. Раскрываются цели и содержание научного проекта «Ключи к полилингвальному, межкультурному и творческому образованию» (Plurilingual Intercultural Creative Keys; PICK), в рамках которого ведется разработка, апробация и внедрение обучающей системы, направленной на развитие трех основных soft-компетенций, которые сегодня наиболее востребованы в обществе: владение иностранными языками, межкультурная компетенция и развитые творческие способности, которые вкуне образуют механизм системной адаптации личности. Цель работы: разработать научно-методологические основы и дидактические средства формирования системной адаптации учащихся в современном мире через актуализацию их творческого потенциала, содействие многоязычию и развитие межкультурной компетенции.*

Ключевые слова: Полилингвизм, креативность, межкультурная компетенция, системная адаптация, полилингвальное образование, креативное образование, переключение кодов

Abstract. The article presents a theoretical and methodological

justification for the formation of a mechanism for systemic adaptation of students in the modern world. The objectives and content of the scientific project “Keys to Polylingual, Intercultural and Creative Education” (Plurilingual Intercultural Creative Keys; PICK), in the framework of which the development, testing and implementation of a training system aimed at developing the three main soft competencies that are most in demand in society today: proficiency in foreign languages, intercultural competence and developed creative abilities, which together form a mechanism for systemic adaptation of the individual. The purpose of the work is to develop scientific and methodological foundations and didactic tools for the formation of systematic adaptation of students in the modern world through the actualization of their creative potential, the promotion of multilingualism and the development of intercultural competence.

Key words: *Plurilingualism, creativity, intercultural competence, systemic adaptation, plurilingual education, creative education, code-switching*

В грядущую эпоху постпостмодернизма, или, как его еще называют, «космодернизма»¹, когда понимание «планетарной завершенности» и вытекающая из этого глобальная солидарность становится необходимым фактором выживания планеты, способность интегрировать индивидуальные знания в пространство межкультурного диалога становится особенно актуальной². Это предполагает солидарность, исключающую политические, этнические, религиозные и иные границы. Современный мир – это «сеть идей и образов», проживая в разных странах, мы одновременно с этим живем в едином мире³.

¹ Moraru C. Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary. Ann Arbor: University of Michigan Press. 440 p.

² Афанасьев Н. Б., Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: космодернизм. // Знание. Понимание. Умение. Философия и современность. – 2019. – № 2 – С. 46– 62.

³ Niclescu B. From Modernity to Cosmodernity. Science, Culture and Spirituality. Alba / ny: State University of New York Press. P. 213.

Важную роль в этом процессе играет развитие Интернета. Благодаря цифровым технологиям сознание человека легко интегрируется в массовое сознание. Реальность перестает быть чужой для всех, она всегда доступна. Сегодня можно легко включить полученную информацию в свое культурное поле и в мир в целом.

Эти масштабные перемены требуют изменения подходов в системе образования.

Благодаря развитию цифровых технологий учитель уже не единственный источник знаний, он – проводник в мир образовательных компетенций. В такой ситуации главный результат обучения – умение действовать в условиях нестабильности и неопределенности. Важной задачей является не просто научить ребенка конкретным знаниям и навыкам, необходимо сформировать у него внутреннюю мотивацию к учебной деятельности, умение учиться самостоятельно, структурировать полученную информацию и ориентироваться в потоке новых сведений.

В то же время на практике формирование гибких компетенций школьников все еще не является актуальной задачей в рамках массового отечественного образования. Некоторое отставание российского образования спровоцировано общей инертностью восприятия инноваций, что зачастую связано с отсутствием у педагогов доступного и понятного инструментария по интеграции технологий развития важных софт-компетенций учащихся в стандартный учебный процесс. В результате снижается способность эффективно реагировать на новые вызовы, что повышает риски социально-экономического отставания на международном уровне¹.

Принимая во внимание обозначенные сложности, в рамках научного проекта «Ключи к полилингвальному, межкультурному и креативному образованию» ведется разработка и внедрение обучающей системы, направленной на развитие трех софт-компетенций, которые сегодня наиболее востребованы в обществе: изучение иностранных языков, активизация творческого потенциала, формирование межкультурной компетенции, что вместе образует механизм системной адаптации учащихся.

¹ Усова А.В. Проблемы современной системы школьного образования. // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4 (29). – С. 9–11.

Таким образом, целью нашего исследования является разработка научно-методологических основ и дидактических средств формирования системной адаптации учащихся в современном мире через актуализацию их творческого потенциала, содействие многоязычию и развитие межкультурной компетенции.

В работе по созданию теоретико-методологического обоснования полилингвального, межкультурного и креативного образования мы опираемся на многолетние исследования А.В. Хархурина, L. Wei¹, E. Piccardo², Т. I. Lubart³.

На протяжении последних 15 лет был проведен ряд эмпирических и теоретических исследований, результаты которых говорят о потенциальной эффективности разработки программы, сочетающей в себе развитие языковых, межкультурных и креативных навыков. Доказано, что многоязычная практика способствует актуализации определенных когнитивных функций и личностных качеств, лежащих в основе креативных способностей.

В ходе исследований было обнаружено, что мультилингвы систематически превосходят монолингвов по уровню развития дивергентного мышления, которое является важным показателем креативных способностей. Дивергентное мышление относится к способности активировать и обрабатывать одновременно большое количество разнообразных идей и получать доступ к концепциям из несвязанных друг с другом категорий. Дж. Гилфорд связывал свойства дивергентного мышления с четырьмя основными характеристиками: беглость (способность быстро производить большое количество идей или решений проблемы), гибкость (способность рассматривать одновременное разнообразие подходов к проблеме), точность (умение продумать

¹ *Kharkhurin A. V., Wei L.* The role of code-switching in bilingual creativity // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – 2014. – Vol. 18, No. 2. – P. 153–169.

² *Piccardo E.* Plurilingualism as a Catalyst for Creativity in Superdiverse Societies: A Systemic Analysis. Front. Psychol. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.02169/full> (Дата обращения: 13.12.2020).

³ *Lubart, T. I.* Models of the creative process: past, present and future // Creativity Research Journal, – 2000. – Vol. 13. – P. 295–308.

до мелочей идею и воплотить ее в жизнь) и оригинальность (склонность создавать идеи, отличные от идей большинства других людей)¹. Результаты исследований продемонстрировали превосходство мультилингвов по всем четырем показателям дивергентного мышления².

Можно выделить важные аспекты формирования многоязычной компетенции применительно к творческим способностям личности и межкультурной составляющей.

Во-первых, это уровень владения несколькими иностранными языками – чем более высокий уровень владения иностранными языками демонстрирует индивид, тем ярче проявляются творческие способности его личности, у такого человека отмечается оригинальнее мышление и развернутое воображение.

Второй фактор – возраст овладения вторым и последующим языками. Оптимальным для развития креативности личности является раннее параллельное овладение несколькими языками, а не последовательное изучение языков в более старшем возрасте.

Третий фактор становления многоязычия во взаимосвязи с творческими способностями личности – это развитая способность переключать коды – чередовать и смешивать различные языки в одном и том же эпизоде производства речи. При этом переключение кодов воспринимается как творческий акт³. Эмпирические доказательства связи между переключением кода и творческой активностью индивида демонстрируют, что люди, которые часто переходят с одного языка на другой, также часто проявляют оригинальность мышления, в отличие от тех, кто не использует переключение кода в повседневной практике⁴.

¹ Guilford J.P. *The Nature of Human Intelligence*. McGraw-Hill, New York, 1967.

² Kharkhurin A. V. *Bilingualism and Creativity // An Introduction to Bilingualism: Principles and Processes*. – NY: Psychology Press – 2018. – P. 159–189.

³ Wei L., Wu C.-J. Polite Chinese children revisited: creativity and the use of codeswitching in the Chinese complementary school classroom // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism* – 2009. – Vol. 12 – P. 193–211.

⁴ Kharkhurin A. V., Wei L. The role of code-switching in bilingual creativity // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. – 2014. – Vol. 18, No. 2. – P. 153–169.

Четвертая особенность – это мультикультурный компонент и контекст использования разных языков. Если мультилингвы приобретают свои языки в разных странах, они подвергаются воздействию другой социокультурной среды. Этот опыт смешения разных культур способствует развитию разнообразия их активного творческого потенциала¹.

Пятый фактор становления многоязычия во взаимосвязи с творческими способностями личности – эмоциональный опыт носителей языка. Переключение кода часто провоцируется эмоциями говорящего и другими аффективными факторами, оно также может предоставить широкие возможности для развития избирательного внимания – это проявление внимания к важным аспектам проблемы, и его подавление к вводящей в заблуждение информации, переключение между конкурирующими альтернативами².

Обозначенные результаты многочисленных исследований недвусмысленно указывают на взаимосвязь между языковыми, культурными и креативными компетенциями в контексте становления социально и профессионально интегрированной личности. Очевидно, что эти компетенции можно развивать через образование. Развитие данных компетенций позволяет снизить инертность восприятия, что способствует структурной оценке изменений и своевременной системной адаптации к ним.

При том, что сейчас достаточно популярной в научном сообществе является тематика социальной адаптации личности, нами сознательно не используется этот термин, так как данный вид адаптации предполагает в основном приспособление и преобразование своей личности в контексте взаимодействия с социумом³.

¹ Kharkhurin A. V. Multi-competence as a creative act: Ramifications of multi-competence paradigm for creativity research and creativity fostering education // Cambridge Handbook of Linguistic Multi-competence. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2016. – P. 420–444.

² Kharkhurin A. V. Bilingualism and Creativity // An Introduction to Bilingualism: Principles and Processes. - NY: Psychology Press – 2018. – P. 159–189.

³ Овсяник О.А. Социально-психологические особенности адаптации личности. // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 1 (09) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psiologicheskie-osobennosti-adaptatsii-lichnosti/viewer> (Дата обращения: 15.11.2020).

В рамках проекта РІСК адаптивные механизмы личности рассматриваются шире и предполагают как умение индивида ориентироваться в ситуациях взаимодействия с разными людьми, так и готовность адекватно и гибко реагировать на учебно-познавательные ситуации, связанные, в том числе, с креативным решением учебно-познавательных задач на родном или иностранном языке.

В нашей работе механизм системной адаптации представлен с позиции концепции адаптивности А.А. Реана, где адаптационные процессы личности представляются результатом ее активного самоизменения в соответствии с требованиями ситуации¹.

Теоретический анализ некоторых аспектов становления механизма системной адаптации в контексте школьного образования показал, что существенным структурным элементом ее является соотнесение самооценки и притязаний индивида с его актуальными возможностями и требованиями с одной стороны – социума, с другой – сущностью учебной задачи, что предполагает как тенденции развития самого учащегося, так и тенденции преобразования окружающей среды².

Обучающая система «Ключи к полилингвальному, межкультурному и креативному образованию» направлена на развитие мультиязычных, межкультурных и креативных компетенций. В рамках данной системы нами разработана обучающая программа РІСК, где используется целостный подход, который учитывает не только образовательные аспекты, непосредственно относящиеся к структуре обучения, но также аспекты, отражающие психологию личности и социокультурную среду учащегося.

Проведенный теоретико-методологический анализ проблемы формирования у учащихся механизма системной адаптации в современном мире позволил разработать модель развития системной адаптации через обучающую программу РІСК (ил. 1). Это наглядное описание системной адаптации учащихся и ее составляющих. Рассмотрим основные структурные компоненты модели.

¹ Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психологическая адаптация личности. СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2008. – 479 с.

² Кравченко А. И. Социальная работа: учебник. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 416 с.

Активизация творческого потенциала предполагает развитие креативных способностей, формирующихся на основе базовых когнитивных процессов и направленных в первую очередь на решение повседневных социальных и учебно-познавательных задач, а не столько на продуцирование серьезных творческих достижений (хотя и этот аспект не исключается). Для этих целей в учебный процесс внедряются технологии креативного решения задач, широкое использование методики мозгового штурма, ролевые и метафорические игры, техники арт-терапии.

Вторая софт-компетенция – полилингвальность (многоязычие) – значимая составляющая общей коммуникативной компетенции, которая непосредственным образом связана с возможностью адаптации личности к учебно-познавательным и социально-психологическим ситуациям. При этом изучение иностранных языков базируется на концепции полилингвальности, что предполагает внедрение технологии *dual language*, при которой учащиеся имеют возможность сохранять и развивать свой родной язык в контексте глубокого погружения и изучения иностранного языка при усвоении содержания учебного материала¹.

Понимание полилингвальности базируется на признании того, что язык – это ядро человеческого диалога, и одновременно с этим некий культурный код для познания глубинных особенностей личности. Руководящим принципом изучения иностранных языков в рамках обучающей системы РИСК является стремление к разнообразному образованию, которое способствует развитию многоязычия у детей. При этом необязательно, чтобы всеми изучаемыми языками индивид владел в совершенстве. Ценность подхода заключается именно в возможности переходить с одного языка на другой в ситуации общения. Также учитывается тот факт, что языковое обучение — это не достижение какой-то конкретной цели, а процесс познания мира и других людей, который реализуется на протяжении всей жизни и не ограничивается рамками школьного образования.

¹ Мильруд Р.П., Максимова И.Р. Учебный билингвизм: вчера, сегодня и завтра // Язык и культура. – 2017. – № 37. – С. 185–204.

Таким образом, полилингвальность напрямую связана с готовностью к системной адаптации личности, так как, благодаря многоязычию, индивид способен выстраивать активно-преобразующие связи с окружающей средой и способен объективно оценивать возникающие социально-психологические ситуации¹.

Что касается третьей софт-компетенции, то развитие межкультурной компетенции в рамках нашей обучающей программы – это формирование совокупности когнитивных, эмоциональных и поведенческих характеристик многоязычного индивида, способствующих его эффективному взаимодействию с носителями других культур. Тем самым, это содействие готовности использовать культурные факторы и условия, с пониманием и взаимным уважением оценивать чувства и поступки субъектов межнационального взаимодействия, проявлять терпимость и культивировать эффективные способы сотрудничества. Возможность не отказываться от своей культуры, от своих корней, и при этом быть признанным в обществе избавляет людей от ощущения, что мир несет опасность, это делает человечество единым, упраздняются ментальные границы между людьми.

Развитие межкультурной компетенции в контексте формирования механизма системной адаптации направлено на актуализацию гибкости мышления, межкультурной эмпатии, толерантности к двусмысленности, внимательности и осознанности. При этом гибкость мышления подразумевает способность изменять когнитивные структуры и соответственно с этим поведение, межкультурная эмпатия предполагает готовность понимать и разделять эмоциональные состояния представителей других культур. Толерантность к двусмысленности – это умение ровно, с принятием относиться к неоднозначным и спонтанным ситуациям, а внимательность и осознанность представляют собой открытость к коммуникативным вариациям, связанным с различиями в культурных перспективах людей разных национальностей.

¹ Kharkhurin A.V., Samadpour Motalleebe S.N. The impact of culture on the creative potential of American, Russian, and Iranian college students // Creativity Research Journal. – 2008. – Vol. 20, No. 4. – P. 404–416.

В целях становления мультикультурной компетенции используется технология проведения комбинированных уроков, во всех заданиях делается акцент на изучение своей и чужой культуры, актуализируется толерантность по отношению к новизне и неопределенности.

Таким образом, мы предполагаем, что активизация творческого потенциала личности ребенка вкупе с изучением иностранных языков и формированием межкультурной компетенции является комплексом психолого-педагогических условий формирования у учащихся механизма системной адаптации в современном мире. Человек чувствует себя дома, где бы он ни находился, поскольку у него есть определенный инструментарий – язык, общая культура, гибкость и креативность в решении социальных и профессиональных задач.

При этом проблема формирования механизма системной адаптации у школьников рассматривается нами в контексте компетентностного подхода в образовании и, в таком случае, системная адаптация становится комплексной гибкой компетенцией, базирующейся на трех важнейших софт-компетенциях. При этом результатом формирования любой компетенции является, с одной стороны, развитие определенных личностных характеристик, с другой стороны – появление конкретных навыков и способностей.

С точки зрения актуализации личностных особенностей механизм системной адаптации развивается через повышение внутренней мотивации учебной деятельности, развитие открытости новому опыту, ассертивности, повышение уровня эмоционального интеллекта и любознательности учащихся (ил. 1).

В результате ученики приобретают конкретные навыки и способности – языковые компетенции, общие коммуникативные навыки и навыки целеполагания, избирательное внимание, креативное восприятие и гибкость мышления, повышенный уровень культурной осведомленности (ил. 1).

Стоит отметить, что основные принципы обучающей программы РИСК: принцип системности и целостности, диалогизации, проблематизации, принцип социально-педагогического

Илл. 1. Модель развития системной адаптации через образовательную программу PICK.

партнерства, персонификации, практико-ориентированного обучения и индивидуализации полностью соответствуют базовым принципам государственной политики в области образования, таким как гуманистический характер образования, единство федерального культурного и образовательного пространства, свобода и плюрализм в образовании¹.

Сквозной образовательной технологией PICK является реализация проектной деятельности школьниками. В данном случае учитель применяет широкий спектр интерактивных методов обучения, как хорошо известных, так и авторских, разработанных исследовательской группой PICK.

¹ Указ Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (Дата обращения: 15.12.2020).

Специально для педагогов предлагается программа повышения квалификации, включающая интерактивные семинары и воркшопы, цель которых познакомить учителей с теоретико-методологической основой программы PICK, а также обучить преподавателей техникам PICK, которые предполагают реализацию программы на двух языках и развитие творческих и мультикультурных компетенций учащихся.

В рамках данной статьи мы хотели бы более подробно остановиться на одном из методов программы PICK, направленном на развитие языковых компетенций, а именно «переключение кодов» (code switching).

Этот метод уходит корнями в учебный билингвизм – ситуацию, когда изучение иностранного языка происходит в среде родного языка. «Учебный билингвизм – это функционирование двух языковых и культурных кодов в языковом сознании для выполнения познавательных заданий и общения с педагогом и/или сверстниками на занятиях, решения коммуникативных задач вне занятия, самостоятельной деятельности познавательного и занимательного характера»¹.

В первую очередь, мультиязычная компетенция заключается в способности гибкого и смешанного использования языков. Следовательно, использование форм переключения кода, смешение кодов и транслингвальность во время учебных занятий способствует овладению данной компетенцией.

Во-вторых, социолингвистические преимущества переключения кода включают в себя сообщение солидарности или принадлежности к определенной социальной группе, поэтому переключение кода можно рассматривать как языковое преимущество, а не как препятствие для общения. С позиции носителя языка переход на родной язык дает чувство принадлежности, что, в свою очередь, вселяет уверенность учащегося в себе. С точки зрения межкультурного взаимодействия школьники учатся эффективно общаться с представителями других культур, находить компромиссы и разрешать конфликты между представителями разных

² Мильруд Р.П., Максимова И.Р. Учебный билингвизм: вчера, сегодня и завтра // Язык и культура. – 2017. – № 37. – С. 185.

культур. Это позволяет снизить напряжение и тревогу учащегося, преодолеть страх общения на новом языке. Осуществляется принятие культурного разнообразия, благодаря реализации на практике права пользоваться на уроках иностранного языка своим родным языком как формой общения, а также права на получение нового опыта и расширение знания другого языка.

Наконец, в контексте развития креативности переключение кодов представляется творческим актом. Теоретико-методологический анализ проблемы взаимосвязи креативности и многоязычия личности убедительно демонстрирует, что результаты психометрических исследований свидетельствуют в пользу творческих способностей двуязычных людей. В основном исследования проводились с детьми, и лишь недавно они были дополнены исследованиями с участием студентов колледжей. В большинстве этих исследований креативность оценивается с помощью тестов на дивергентное мышление, и сравнивались многоязычные и одноязычные группы. В исследованиях взаимосвязи билингвизма и креативности сравнивали результаты тестирования по рисованию несуществующего объекта четырех- и пятилетних двуязычных детей, говорящих на английском и арабском языках, и их одноязычных сверстников. Данная проективная методика считается мерой когнитивной гибкости. Было обнаружено, что двуязычные люди демонстрируют значительно более высокую степень межпредметной гибкости в своих рисунках (например, цветок жирафа, домик-стул, найденный на 28 из 54 рисунков)¹.

Данный анализ дает основание полагать, что регулярное использование переключения кодов на учебных занятиях позволяет развивать креативность учащихся.

Методика кодовых переключений в обучающей программе PISC включает в себя следующие приемы: игра «Ассоциограмма», письмо билингвальному другу, игра «Переводчик», чтение текста с КП-триггерами, описание картинки, игра «Пойми меня», эссе «Рассмеши меня» (сочинение смешной истории), сценка по

1 Adi-Japha E., Berberich-Artzi J., Libnawi A. Cognitive flexibility in drawings of bilingual children. // Child Development, – 2010. – Vol. 81 – P. 1356–1366.

карикатуре, описание эмоций на фото. Как видно, половина из этого списка – игровые приемы, которые не только с большим энтузиазмом воспринимаются школьниками всех возрастов, но и легко вписываются в сценарий уроков согласно учебно-методическим комплексам, используемым в российских школах. Написание писем, эссе и коротких рассказов также являются коммуникативными умениями, которыми ученики овладевают в процессе изучения иностранного языка. Из приёмов, требующих специальной подготовки, можно выделить тексты с триггерами, однако написав несколько подобных текстов по образцам, разработанным методистами РИСК, учитель понимает алгоритм создания таких заданий и может использовать тексты учебника для этой цели.

Методология РИСК предлагает мягкую модификацию существующих учебных программ и школьной среды, способствующих развитию творческих способностей, многоязычия и мультикультурности учащихся в рамках школьного образования. Научная новизна, теоретическая и практическая значимость программы обуславливается, с одной стороны, комплексной и согласованной интеграцией в учебный процесс технологий многоязычного, творческого и мультикультурного образования. С другой стороны, методики РИСК будут гармонично включаться в существующий учебный план, дополняя стандартную учебную программу, а не заменяя ее, что существенно облегчает процесс освоения и внедрения данного подхода всеми участниками образовательного процесса.

Обучающая система РИСК может быть реализована в любой школьной программе вне зависимости от конкретных особенностей данной школы. Роль координатора программы будет заключаться в модификации элементов существующей программы с целью отразить специфику состава учащихся и социокультурную, экономическую и политическую среду каждой конкретной школы. Четкий алгоритм системного подхода и умеренная бюджетная составляющая программы позволяют произвести ее реализацию в минимальные сроки и с максимальным привлечением имеющихся ресурсов.

Идея состоит в том, чтобы превратить любую учебную программу в такую, которая способствует развитию многоязычных и межкультурных компетенций, а также творческого потенциала. Стоит отметить, что аналогов программы, которая объединяет в себе развитие всех трех софт-компетенций и использует образовательные технологии как креативного, так и мультилингвального обучения, в мировой практике не существует.

В данной статье нами сформулировано теоретико-методологическое обоснование механизма формирования системной адаптации учащихся. Внедрение в систему образования обучающей системы PISK приведет к развитию технологий, помогающих усвоению значимых ценностей, норм и традиций, способствующих становлению толерантности и взаимного доверия учащихся из разных социальных групп за счет применения практик, направленных на развитие и усвоение межкультурных компетенций у учащихся.

Тем самым разработка механизмов интеграции в школьное образование обучающей системы PISK и является целью дальнейших исследований научного проекта «Ключи к полилингвальному, межкультурному и творческому образованию».

Список литературы и источников

1. *Афанасьев Н.Б., Павлов А.В.* Образы современности в XXI веке: космодернизм // Знание. Понимание. Умение. Философия и современность. 2019. № 2. С. 46–62.
2. *Кравченко А. И.* Социальная работа: учебник. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 416 с.
3. *Мильруд Р.П., Максимова И.Р.* Учебный билингвизм: вчера, сегодня и завтра // Язык и культура. 2017. № 37. С. 185–204.
4. *Овсяник О.А.* Социально-психологические особенности адаптации личности [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 1 (09). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-adaptatsii-lichnosti/viewer> (Дата обращения: 15.11.2020).
5. *Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А.* Психологическая адаптация личности. СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2008. 479 с.
6. Указ Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до

- 2024 года». [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (Дата обращения: 15.12.2020).
7. Усова А.В. Проблемы современной системы школьного образования // Мира науки, культуры, образования. 2011. № 4 (29). С. 9–11.
 8. Adi-Japha E., Berberich-Artzi J., Libnawi A. Cognitive flexibility in drawings of bilingual children. // Child Development. – 2010. – Vol. 81 – P. 1356–1366.
 9. Guilford J. P. The Nature of Human Intelligence. McGraw-Hill, New York, 1967. 538 p.
 10. Kharkhurin A. V., Wei L. The role of code-switching in bilingual creativity // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – 2014. – Vol. 18, No. 2. – P. 153–169.
 11. Kharkhurin A. V. Multi-competence as a creative act: Ramifications of multi-competence paradigm for creativity research and creativity fostering education // Cambridge Handbook of Linguistic Multi-competence. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2016. – P. 420–444.
 12. Kharkhurin A. V. Bilingualism and Creativity // An Introduction to Bilingualism: Principles and Processes. – NY.: Psychology Press – 2018. – P. 159–189.
 13. Lubart, T. I. Models of the creative process: past, present, and future // Creativity Research Journal, – 2000. – Vol.13. – P. 295–308.
 14. Moraru C. Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary. Ann Arbor: University of Michigan Press. 440 p.
 15. Nicolescu B. From Modernity to Cosmodernity. Science, Culture and Spirituality. Alba/ ny: State University of New York Press. 282 p.
 16. Piccardo E. Plurilingualism as a Catalyst for Creativity in Superdiverse Societies: A Systemic Analysis. Front. Psychol. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.02169/full> (Дата обращения: 13.12.2020).
 17. Wei L., Wu C.-J. Polite Chinese children revisited: creativity and the use of codeswitching in the Chinese complementary school classroom // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism – 2009. Vol. 12. P. 193–211.

Финансирование

Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

*Лапина Мария Светлановна,
Смирнова Анастасия Алексеевна*

ОТНОШЕНИЕ К ЯЗЫКОВОМУ СДВИГУ И РЕВИТАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Аннотация. *В статье описывается разнообразие взглядов и мнений о языковой ситуации в Карелии. Часть представителей карелов и вепсов, ученые и языковые активисты замечают языковой сдвиг и относятся к нему негативно, пытаются возродить языки. Другие жители региона молчаливо одобряют инициативы по ревитализации языков, но порой относятся к ним скептически, считая, что попытки бессмысленны. Некоторые жители Карелии опасаются, что из-за усиления роли коренных языков их будут принуждать изучать и использовать эти языки. Несмотря на сомнения, и носители, и неносители языков Карелии поддерживают развитие местных языков и популяризируют их, но пока не во всех сферах и медленными темпами.*

Ключевые слова: *Языковая ситуация, языковая политика, этнические языки, карельский язык, вепсский язык, финский язык, языковые практики, языковые представления, языковое планирование, языковой сдвиг, языковое возрождение*

Abstract. *The article describes the variety of views and opinions about the linguistic situation in Karelia. Some representatives of Karelians and Vepsians, scientists and language activists notice the linguistic shift and treat it negatively, try to revive languages. Other residents of the region tacitly approve of initiatives to revitalize languages, but sometimes are skeptical of them, believing that attempts are meaningless. Some residents of Karelia fear that due to the strengthening of the role of indigenous languages, they will be forced to learn and*

use these languages. Despite doubts, both speakers and non-speakers of the languages of Karelia support the development of local languages and popularize them, but not yet in all areas and at a slow pace.

Key words: *Language situation, language policy, ethnic languages, Karelian, Vepsian, Finnish, language practices, corpus planning, language shift, language revival*

Карелия – историческая область, которая располагается на территории современной Финляндии и России. В этой работе, кроме особо оговоренных мест, под этим названием подразумевается территория современного региона России Республика Карелия (РК).

В РК представлено множество этнических групп: карелы (45570 человек (7,4% от населения Карелии), финны (8577 (1,4%), вепсы (3423 человека (0,5%), русские (507654 чел. (78,7%)¹ и др.

Здесь мы сталкиваемся со сложным переплетением идентичностей, характерным для многих регионов, где встречаются носители разных языков и культур, жители городов и деревень, коренное население и переселенцы. В Карелии представлены три языка северной подветви прибалтийско-финских языков финно-угорской ветви уральской языковой семьи. Язык – безусловно, важный маркер идентичности, и при его наличии идентичность группы выстраивается значительно легче², однако он не единственный и не обязательный. Человек, проживая в Карелии, может считать или не считать себя карелом, владеть или не владеть карельским языком, самоидентификация человека может включать в себя множество категорий, пересекающихся, совпадающих или вложенных друг в друга.

Именно поэтому Карелия ввиду своей языковой ситуации и этнического разнообразия представляет особый интерес для

¹ Всероссийская перепись населения 2010 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (Дата обращения: 29.05.2020).

² Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 283.

исследования. Как бывает в случаях языков, находящихся на поздней стадии языкового сдвига, внимание к Карелии обусловлено необходимостью описать положение на сегодняшний день. Такая работа может стать особенно ценной в будущем при ретроспективном взгляде на динамику изменений языковой ситуации, в частности, в связи с отношением общества к языковому сдвигу и языковой ревитализации.

Цель нашего исследования – описать разнообразие взглядов и мнений о языковом сдвиге на территории Карелии и его обращении вспять на сегодняшний день. Опираясь на уже имеющиеся сведения о языковой ситуации и, в частности, языковом сдвиге на территории Карелии, мы разработали опросник для полевого исследования. Во время полевой работы за две экспедиции было проведено 163 интервью. Полученный материал мы качественно проанализировали качественными методами. Статья описывает результаты и выводы нашего исследования.

Понятия и существующая литература

В этой работе мы используем понятие языковой ситуации, то есть «совокупность форм существования одного языка или совокупность нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии в пределах определенных территорий: регионов или административно-политических образований»¹.

Под языковой политикой в широком смысле подразумеваются любые осознанные действия, направленные на язык. Акторами языковой политики могут выступать как государство, так и различные организации, сообщества или отдельные индивиды.

Говоря о языковой политике, мы следуем за Б. Спольски и опираемся на понятия языковых практик (language practices), языковых представлений (language beliefs), языковых планов². Под реализацией языковой политики понимается языковое пла-

¹ Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. С. 47.

² Spolsky B. Language Policy (Key Topics in Sociolinguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 5.

нирование, которое может касаться функционирования языка (status planning) или кодификации его лексики и грамматики (corpus planning)¹. Языковое строительство также является частью языковой политики, подразумевает создание алфавита для бесписьменных языков, развитие терминологии, преподавания языка в школе, издание литературы и т.д.².

Важно иметь в виду, что язык и языковая политика существуют в сложном взаимодействии, которое влияет на языковую ситуацию³. Выбор государственного языка – вопрос политический, а закрепление за языком любого статуса означает признание этнической группы, говорящей на нем. Государственная политика распространения единого языка среди разноязычных этнических групп может привести к языковому сдвигу. Лингвист Д. Кристал пишет, что существует тесная связь между уровнем влияния языка и политическим, экономическим, культурным развитием, и мощью его носителей: от их успеха зависит и успех языка⁴.

В процессе упадка языка (languagedecay), предшествующего языковой смерти⁵, появляются полуязычные (semi-speakers⁶) – пассивные носители языка, которые могут понимать речь на языке, но не порождают ее. На них прервалась передача языка детям. Нередко реакцией на языковой сдвиг является своего рода противодействие ему, предполагающее т.н. обращение языкового сдвига вспять⁷ (language shift reversal⁸), в результате чего языковой сдвиг замедляется или язык сохраняется живым, закрепившись в какой-либо определенной сфере.

¹ Ibid. P. 6.

² Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Указ. соч. С. 167.

³ Там же. С. 47.

⁴ Crystal D. English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 7.

⁵ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. С. 203.

⁶ Sasse H.-J. Theory of language death // Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa / Ed. By Matthias Brenzinger. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992. P. 15.

⁷ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. С. 280.

⁸ Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon: Multilingual Matters LTD, 1997.

Языковой ситуации в РК посвящен, например, сборник статей Е.И. Клементьева «Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов, финнов»¹, также работы З.И. Строгальщиковой и И.И. Муллонен. В сборниках «Карелы: модели языковой мобилизации»², «Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации»³, «Вепсы: модели этнической мобилизации»⁴ собраны документы о правовом статусе карелов, вепсов и финнов, а также обращения и мнения активистов и ученых к властям о карельском, вепсском и финском языках. Но все эти материалы касаются 1980–1990-х гг. и сегодня представляют больше исторический интерес. То же касается и сборника «Карельское национальное движение»⁵, выпущенного в трех частях Карельским научным центром. Из современных исследований можно назвать международный исследовательский проект European Language Diversity for All⁶, описавшие языковую ситуацию для вепсского и олонекского (ливвиковского) диалекта карельского.

С XIV в. на протяжении своей истории Карелия являлась периферийной или буферной территорией между соперничавшими

¹ Клементьев Е.И. Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов, финнов. Сборник статей. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013.

² Бирин В.Н., Клементьев Е.И., Кожанов А.А. (сост.). Карелы модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2005.

³ Бирин В.Н., Клементьев Е.И. (рук.), Кожанов А.А., Строгальщикова З.И. (сост.). Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации: Сборник материалов и документов. Петрозаводск: Центр культурных инициатив, 2006.

⁴ Клементьев Е.И. (рук.), Кожанов А.А., Строгальщикова З.И. (сост.). Вепсы: модели этнической мобилизации: Сборник материалов и документов. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2007.

⁵ Клементьев Е.И. (рук.), А.А.Кожанов А.А. (сост.). Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2009. Клементьев Е.И. (рук.), Кожанов А.А. (сост.). Карельское национальное движение. Часть 2. Умеренное крыло. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2012. Клементьев Е.И. (рук.), Кожанов А.А. Отв. ред. Строгальщикова З.И., Яловицына С.Э. Карельское национальное движение. Сборник материалов и документов. Часть 3. Радикальное крыло (1990–1993). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018.

⁶ Сайт ELDIA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.univie.ac.at/eldia-project/> (Дата обращения: 01.03.2021).

сторонами. Границы государств, проходившие по территории Карелии, многократно перекраивались. Во второй половине XIX в. карелы испытывали целенаправленное политическое влияние со стороны финнов и русских¹. В первые годы Советской власти в стране государство активно поддерживало культурное и этническое разнообразие². К концу 1930-х гг. была разработана письменность для карельского языка, но введена не была³. В 1940 г. «Карельскую АССР укрупнили до Карело-Финской ССР, где языком школы был объявлен финский. При последующем понижении статуса республики до АССР и повороте языковой политики к фактической русификации школа перешла на русский язык»⁴. На карельском и вепсском запрещалось говорить в школах и других публичных местах, и так эти языки остались исключительно в домашней сфере: *«Было четко: пришел домой – карельский, вышел из дома – русский. Вот, в школе не приветствовалось в мое время. Ну, вот, люди, которые лет там на пятнадцать меня старше, говорили, что им вообще запрещали, что за карельский в школе могли из комсомола исключить. Да, как предателя на фронте. Предательство. Вот, у меня такого не было. Уже не приветствовался он точно в школе, но достаточно было сказать – «Дебил, по-карельски говорит», дети уже сами между собой, то есть установка такая была: раз ты по-карельски – значит, ты свинота. Ну, вот мы все замолчали, да»*⁵.

В конце 1980-х гг. возобновилось языковое строительство. Новый характер языковой политики стал следствием Перестройки и нового осознания идентичности. В 1989 г. были утверждены алфавиты для ливвиковского и собственно карельского наречий,

¹ Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 35–38.

² Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. С. 38.

³ Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. Российский государственный гуманитарный университет, 2001. С. 269.

⁴ Там же.

⁵ ПМА. Жен., 58 лет, 2019 г., Петрозаводск.

а в 2007 г. правительство РК утвердило единый карельский алфавит¹. Стали издаваться книги для чтения на карельском, закреплявшие орфографический облик слов. Первые словари были небольшими по объему и не могли отвечать коммуникативным запросам современного общества. Для развития терминологии, покрывающей не только бытовую сферу, в 1999 г. при главе Правительства РК была создана Республиканская термино-орфографическая комиссия. Развивалось преподавание карельского и вепсского в школе. В 2016 г. началась разработка «Открытого корпуса вепсского и карельского языков».

С 1991 г. в Карелии каждые четыре года проводится съезд карелов РК, по итогам которого принимается резолюция, содержащая описание направлений развития жизни карелов на последующие годы.

Следствием послевоенной языковой политики СССР, трендом которой была русификация², стало появление поколения т.н. полуязычных носителей. Этому способствовало и отношение жителей Карелии и местных администраций, которые состояли из таких же жителей республики. Из практических соображений они нередко добровольно предпочитали престижный русский язык своим родным языкам³. По терминологии лингвиста М. Краусса⁴, карельский и вепсский можно отнести к категории умирающих языков (*moribund*), то есть тех, которые перестали выучиваться как родные. Сегодня в Карелии, как и в других регионах со схожей языковой ситуацией, можно встретить семьи, где бабушки учат внуков умирающему языку, в то время как своим детям они язык не передавали, о чем многие из них сожалеют.

Интерес к языкам бабушек и дедушек у юного поколения не слишком высок, но все же есть. Однако достичь уровня владения носителя на сегодняшний день молодежь не имеет

¹ Бойко Т.П. Ревитализация карельской письменности. // Ученые записки Петрозаводского университета 1 (178), 2019. С. 98.

² Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. Российский государственный гуманитарный университет, 2001. С. 270.

³ Там же. С. 284–286.

⁴ Krauss M. The World's Languages in Crisis // Language. 1992. Vol. 68, № 1. P. 4–10.

возможности: среда для освоения языка в раннем возрасте отсутствует, что влечет прагматическую некомпетентность. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже.

Методологическая рамка исследования

Данные для исследования собраны в 2019–2020 гг. в рамках экспедиций проекта «Этноязыковой ландшафт Русского Севера» (поддержаны НИУ ВШЭ по программе «Открываем Россию заново»). Летом 2019 г. мы¹ собирали полевые данные в Петрозаводске (Петрозаводский район), в Кондопожском районе в Кондопоге, в Прионежском районе в национальном вепсском поселке Шёлтозеро, в Пряжинском районе в национальных карельских селе Ведлозеро, деревне Кинерма, поселке

Ил. 1. Карта экспедиций

Пряжа. Весной 2020 г. мы продолжили исследовать Петрозаводск, а также побывали в городе с малозаметной карельской составляющей Сегежа (Сегежский район), в Костомукшском районе – в старинной карельской деревне Вокнаволоок и молодом моногороде с разнообразным этническим составом Костомукша (ил. 1). Объектом нашего исследования является языковая ситуация в

¹ Авторы статьи благодарят всех информантов и участников экспедиций, которые собирали и расшифровывали материалы.

Республике Карелия и языковой сдвиг, а предметом – отношение жителей республики к языковому сдвигу и его движению вспять.

Основным методом сбора данных были направленные интервью с жителями Карелии. Затем данные были подвергнуты качественному анализу¹. Также в ходе сбора материала использовалось наблюдение – визуальная составляющая оказалась для исследования также важна.

Для проведения интервью использовался опросник, разработанный П.А. Недайхлеб для исследования², а также опросник, составленный участниками экспедиции. Всего за две экспедиции с жителями республики было записано 163 интервью. По итогам исследования было опрошено 111 женщин и 82 мужчины. Возраст информантов – от 9 лет до 81 года. В целях сохранения анонимности имена информантов заменены шифром, напротив которого указаны краткие идентификационные сведения (пол, год рождения, место проведения интервью, род занятий).

Во время интервью участники экспедиции задавали информантам вопросы не только о самих интервьюируемых, но также об их близких и знакомых. Таким образом, с одной стороны, удавалось зафиксировать мнение не только конкретного человека, но и охватить больший круг людей. С другой стороны, складывалось более полное представление о том, как информанты воспринимают и оценивают действия или взгляды других людей, что для данного исследования очень важно.

Острым вопросом до сегодняшнего дня является статус карельского языка. Карелия – один из немногих субъектов Российской Федерации, где титульный язык³ (карельский) не имеет статуса государственного. Придание языку с письменностью на иной графической основе, нежели кириллица, статуса государственного должно регламентироваться отдельным федеральным

¹ Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Указ. соч. С. 87–89.

² Недайхлеб П.А. Языковая ситуация в Республике Карелия: сравнительное исследование различных источников данных. Курсовая работа. М.: 2019.

³ Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Указ. соч. С. 42.

законом¹. Эта проблема осознается жителями Карелии. Мнение, что именно благодаря закреплению за карельским языком статуса государственного можно сохранить его и культуру карелов, довольно распространено, но встречаются и более скептически настроенные люди: *«Статус вряд ли поможет спасению, да и вряд ли это произойдет, потому что программы по поддержке малых языков сейчас превратились в формальность, это невыгодно с экономической точки зрения»*².

Некоторые склонны критиковать правительство РК за отсутствие заинтересованности и невнимание к карельской и вепсской культурам. Разнообразие диалектов карельского языка (собственно карельский, ливвиковский и людиковский) также часто считается препоной на пути к наделению его статусом государственного. В городах некоторые жители считают, что присвоение карельскому статусу государственного языка, принесет много дискомфорта. Там же можно услышать, что карельский и вепсский – мертвые языки, иногда их сравнивают с латынью. Еще более распространено мнение о невостребованности этих языков, нецелесообразности их учить. Единственным резонансом для изучения языков коренных народов считается сохранение культуры.

Языковые активисты предлагают начать воссоздание языковой среды с небольших шагов вроде использования вывесок и обозначения улиц на титульных языках. В карельской деревне Вокнаволоок такой опыт оказался довольно успешным. Установленные указатели частей деревни и названия улиц на карельском языке подчеркнули этническую специфику деревни, способствовали повышению интереса к истории земли среди жителей, а художественное исполнение указателей прибавило жилой среде эстетики (ил. 2).

¹ Закон РФ от 25.10.1991 «О языках народов Российской Федерации»: ст. 3 п. 6: В Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами.

² ПМА. Жен., 28 лет, 2019 г., Петрозаводск.

Ил. 2. Указатель с обозначением района, 16.03.2020, деревня Вокнаволок, А.А. Смирнова.

В городском пространстве это сделать сложнее хотя бы ввиду иных масштабов и разнообразия населения. Не все поддерживают такую идею, хотя и резко против тоже никто не высказывается. В частности, одним из требований, прописанных в Резолюции IX Съезда карелов Республики Карелия¹, является использование карельского языка для обозначения местных названий на дорожных указателях.

Ни один из сторонников решения вопроса о статусе карельского языка не

высказывался за повсеместное введение обязательного изучения карельского языка. Распространение карельского в жизни республики – это в первую очередь идея о создании и развитии языковой среды: *«У нас сейчас идет активная борьба за официальный статус карельского языка, [...] чтобы улицы продублировали на карельском, документы, чтобы было ощущение, что в республике находишься»*².

¹ Резолюция IX Съезда карелов Республики Карелия. Олонец, 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/doc6680487_543855136?hash=21501c6a4f5336d7ff&dl=c3df49b5f95b81f608 (Дата обращения: 29.05.2020). С. 5.

² ПМА. Жен., 20 лет, 2019 г., Петрозаводск.

В большинстве карельских деревень жители оказались в положении, когда на карельском говорят прабабушки, прадедушки нынешних дошкольников. Бабушки и дедушки почти полностью перешли на русский, карельский язык ушел в пассивное владение. Карельско-русское двуязычие практически сменилось русским одноязычием.

*«Вся жизнь уже по-русски»*¹, – констатирует послевоенное поколение, использующее преимущественно русский язык даже с родными, с которыми в детстве и юности говорили на карельском. Родители сегодняшних детей часто изъявляют желание, чтобы их дети учили карельский язык, но сами языком не владеют и не могут на нем общаться.

В 2017 г. в карельском селе Ведлозеро Пряжинского района на базе общественной организации «Дом карельского языка» было открыто языковое гнездо (кар. *kielipezä*). Это форма детского сада, отличающаяся от стандартных муниципальных детских садов тем, что все общение между взрослыми и детьми происходит на карельском языке и что ответственность за детей берет на себя общественная организация². Дети общаются между собой преимущественно на русском языке, воспитателям чаще отвечают также по-русски, но воспитатели говорят на карельском и поощряют использование карельского детьми. Таким образом поддерживается двуязычие. Опыт языкового гнезда был заимствован у Финляндии³.

В 1999–2003 гг. существовало языковое гнездо в деревне Калевала, однако этот и подобные проекты были свернуты, так как не нашли одобрения и поддержки от российских властей⁴. Кроме того, как отмечала Анника Пасанен, эксперт по языковым правам, языковые гнезда на территории России не

¹ ПМА. Жен., 68 лет, 2020 г., Вокнаволоок.

² Публикация на портале «Учительская газета». URL: <http://www.ug.ru/archive/76612> (Дата обращения: 29.05.2020).

³ См. подробнее о саамском поселке Инари и языковых гнездах: Замятин К., Пасанен А., Саарикиви А. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012.

⁴ Публикация на портале «Idel.Реалии». URL: <https://www.idelreal.org/a/28954573.html> (Дата обращения: 29.05.2020).

обеспечивали полного погружения в языковую среду из-за формальных требований образовательных стандартов и нехватки квалифицированных педагогов¹. Бюрократические вопросы и формальности создают препятствия нормальному функционированию и развитию языковых гнезд и сегодня.

В то же время население относится к языковым гнездам положительно. Однако преимущественно это энтузиасты, радеющие за сохранение языка. Мнения об эффективности языковых гнезд расходятся. Одни считают языковые гнезда полезными уже тем, что они существуют. По мнению других, языковые гнезда сами по себе недостаточны, необходимы поддерживающие и дополняющие их работу условия: использование языка дома, последующее образование на языке.

Погружения детей в языковую среду лишь в дошкольном возрасте без продолжения освоения языка в последующие годы недостаточно, считают педагоги и те, кто заинтересован, чтобы их дети говорили на языке своей этнической группы. В Карелии существует несколько школ, где доступно изучение финского, вепсского и трех карельских диалектов. В Петрозаводске действует средняя общеобразовательная финно-угорская школа им. Элиаса Лённрота, где школьники с пятого по одиннадцатый классы могут изучать дисциплину «родной язык и родная литература», предоставляющую на выбор карельский, вепсский или финский языки.

Другой пример – в деревне Вокнаволок. В местной школе до четвертого класса дети изучают карельский как обязательный предмет, а с пятого класса учат финский.

В 2020–2021 учебном году в Костомукше в одной из школ в одном классе ввели карельский как обязательный предмет.

В поселке Пряжа младшим школьникам, говорящим на карельском, решили помочь не забыть язык иным способом – организовать группу продленного дня на карельском языке.

В 2018 г. в статью «Язык образования» Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» были внесены

¹ Там же.

поправки о свободном выборе языка образования¹. Ввиду этих изменений для школьников, изучавших родной язык и родную литературу, предусмотрена возможность сдавать ОГЭ по этим двум предметам в качестве экзаменов по выбору. Так, в 2019 г. 14 школьников выбрали карельский язык как аттестационный предмет². Кроме того, существуют республиканские школьные олимпиады по финскому, веппскому языкам, собственно карельскому и ливвиковскому диалектам карельского языка.

Отдельным вопросом является мотивация молодежи поступать в вуз на образовательные программы, связанные с изучением карельского, веппского, финского языков. Самой распространенной причиной выбора такого направления является принадлежность информанта к семье, относящей себя к соответствующим этническим группам. Язык в понимании многих опрошенных является главным маркером этнической идентичности.

Ревитализация языков народов Карелии продвигается преимущественно благодаря усилиям энтузиастов и активистов. Они организуют мероприятия, кружки, разрабатывают проекты по поддержке и популяризации языков и культур, участвуют в курсах, которые устраивают благотворительные организации.

В городах, деревнях и селах Карелии действуют кружки и проводятся мероприятия, посвященные культурам Карелии. Многие, кто не интересуется специально, о них не знают, а даже если знают, то считают их закрытыми, не для широкой публики. Некоторые информанты признаются, что стесняются присоединяться к занятиям, например, разговорного клуба, потому что его основной контингент – пожилые женщины.

Здесь мы сталкиваемся с двумя явлениями: вопросом о так называемых символических правах на язык и проблемой коммуникации поколений. Первое связано прежде всего с изменением отношения носителя языка к своей языковой компетенции

¹ Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

² Публикация на портале «МЕЛ». URL: https://mel.fm/shkola/1824975-karelian_language (Дата обращения: 29.05.2020).

в течение жизни, что обсуждалось выше¹. Молодое поколение, в свою очередь, ощущает некоторое давление со стороны большей компетентности. Титульные языки считаются «языками бабушек и дедушек» и среди городских, и среди сельских жителей.

В январе 2020 г. в Вокнаволоке был создан разговорный клуб. Его участницы свободно или почти свободно владеют языком. Клуб был создан, «чтобы сохранить карельский язык, подробнее изучить традиции и культуру карел»². В будущем к занятиям клуба планируют привлечь молодежь.

Мотивация учить этнические языки может быть обусловлена также и проживанием на территории. Еще одной причиной, по которой жители, преимущественно молодежь, могут решить изучать язык или обратиться к культурным традициям, является желание идентифицировать себя с определенной этнической группой и осознание важности такой идентичности. Некоторые считают, что подобная этническая самоидентификация – способ выделиться обществе, где большинство идентифицирует себя как русских.

Карельские национальные районы (всего три – Калевальский, Олонецкий и Пряжинский) и вепские сельские поселения (также три – Шёлтозерское, Рыборецкое, Шокшинское) РК получают финансовую поддержку от государства и республики и в них особенно заметно движение по ревитализации языков и культуры карелов и вепсов. Помимо них на территории РК существует ряд национальных поселений, в том числе не имеющих такого административного статуса, но являющихся такими по факту. Например, уже упоминавшийся выше Вокнаволоок – старинная рунопевческая деревня, расположенная в почти 60 км к северу от города Костомукша. В деревне преобладает пожилое население, большинство из которого говорит между собой на карельском языке. Здесь действует этнокультурный центр «Дом Деревни». Под его крышей разместились кружки для детей, музей, библиотека, ремесленные мастерские, разговорный клуб. Деятельность «Дома Деревни» (с карельского

¹ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. С. 259.

² ПМА. Жен., 70 лет, 2020 г., Вокнаволоок.

kyläläto) поддерживается выходцами из Вокнаволока, мигрировавшими в Финляндию.

Телевещание в Карелии осуществляется преимущественно на русском языке. Тем не менее существует несколько теле- и радиопередач на этнических языках.

В Петрозаводске находится издательство «Периодика», основанное в 1991 г., как позиционирует само издательство, «для выпуска газет и журналов на карельском, вепсском и финском языках»¹. «Периодика» издает несколько газет и журналов, среди которых есть и детская литература: *«Язык без практики не живет. Если бы не было газет и телевидения на карельском, это было бы очень тяжело»*².

Там же печатают книги на карельском, финском и вепсском языках. Помимо СМИ и книг «Периодика» занимается и просветительской деятельностью: при поддержке издательства проводятся фестивали, конкурсы и праздники на этнических языках, на базе издательства в 2018 г. был создан Ресурсный языковой медиацентр карелов, вепсов и финнов Республики Карелия. К столетию республики (2020) Медиацентр подготовил проект «100 слов о Карелии»³, нацеленный на популяризацию языков коренных народов Карелии. При поддержке Министерства национальной политики РК Медиацентр организовал проведение Недели карельского (13–19 апреля 2020 г.) и вепсского (20–26 апреля 2020 г.) языков. В их рамках прошел уже второй диктант на карельском и вепсском языках, насчитавший в 2019 г. более 1000 человек, а в 2020 г. собравший свыше 1100 участников⁴. Такие инициативы находят довольно теплый отклик среди жителей.

Большая часть площадок для общения энтузиастов, активистов и просто интересующихся финно-угорскими культурами

¹ Сайт издательства «Периодика». URL: <http://www.rkperiodika.ru/ob-izdatelstve> (Дата обращения: 29.05.2020).

² ПМА. Жен., 20 лет, 2019 г., Петрозаводск.

³ Страница проекта в социальной сети «VK». URL: <https://vk.com/satasanaa> (Дата обращения: 29.05.2020).

⁴ По данным страницы мероприятия. URL: <https://vk.com/saneluz> (Дата обращения: 29.05.2020)

Карелии сосредоточена в социальной сети «VK», которая, кстати, имеет опцию интерфейса на карельском языке. Практически у всех этнокультурных центров есть своя страница «ВКонтакте», где регулярно публикуются новости и ведутся обсуждения. Существуют страницы, посвященные изучению карельского и вепсского языков, куда выкладывают учебные и методические материалы и где публикуют анонсы мероприятий и уроков. Реже встречаются паблики с мемами на этнических языках. Кроме «ВКонтакте», тематические страницы можно встретить в Facebook, а некоторые активисты заводят каналы в Telegram.

Министерство национальной и региональной политики РК ежедневно публикует «ВКонтакте» анонсы различных офлайн- и онлайн-мероприятий. Примечательны посты о карельских наречиях и вепсском языке: это различные списки слов, сравнение особенностей языков, приглашения на мини-диктанты.

Интернет создает новую коммуникативную среду, где язык может использоваться и развиваться.

Кодификация языка и развитие новой терминологии – важное направление языкового строительства. Карельский язык пережил большой временной перерыв в использовании, и с проблемой нехватки лексики сталкиваются обучающиеся карельскому любых возрастов и по-своему стремятся решить ее: например, голосованием «ВКонтакте» выбирают лучший вариант придуманного слова. Таким образом участники берут процесс языкового строительства в свои руки.

Использование этнических языков в творчестве и искусстве – один из способов привлечь к ним внимание. В Национальном театре Карелии в Петрозаводске ставятся спектакли на карельском, финском и вепсском языках. Языковые активисты стремятся сделать язык живым и актуальным, привлекательным для молодежи. Так, например, родилась идея записать рэп на карельском. По словам автора и исполнителя, рэпера Ondrei, «народ очень тепло это все дело воспринял». Действительно: одна из его песен попала в топ-5 лучших за 2018 г. на радио «Маяк»¹. Среди молодых инфор-

¹ Публикация на официальном сайте радио «Маяк». URL: <https://radiomayak.ru/shows/episode/id/2046631/> (Дата обращения: 29.05.2020).

мантов творчество артиста довольно популярно, его часто приводят в пример, говоря о возможностях сохранения языка.

Все более заметными становятся переводы популярных песен на карельский язык, на которые есть запрос, например, у песенных коллективов. В мае 2020 г. вышел сборник таких переводов¹.

Таким образом, обращение к современному формату коммуникации и поиск новых сфер для функционирования языка придает ревитализации миноритарных языков новый масштаб, позволяя задействовать в процессе больше людей и пробудить массовый интерес к процессу.

Исследование современной языковой ситуации в Карелии позволяет нам наблюдать не только языковой сдвиг, но и обратный ему процесс ревитализации. Карелы, вепсы и жители Карелии в целом осознают упадок языков и угрозу их исчезновения, и это побуждает их предпринимать шаги к сохранению и возрождению языков. Изучение этих процессов показывает, что сегодня существуют сценарии, отличные от простой языковой смерти.

В Карелии движение языкового сдвига вспять особенно заметно в последние несколько лет, что отмечают и сами жители, говоря, что ситуация стала намного лучше.

По словам многих информантов, и карельский, и вепсский языки считались исчезающими еще в советские годы. Осознание угрозы исчезновения языка может существовать в сознании индивидов довольно продолжительное время. Это происходит скорее из-за переоценивания степени языкового сдвига.

Те, кто неравнодушен к судьбе местных языков, отзываются о ревитализационной деятельности положительно. Что касается других жителей, то на первый взгляд мы имеем дело скорее с так называемым молчаливым большинством (*silent majority*, термин Жана Бодрийяра²), по сути своей инертным и безразличным. Однако если попытаться понять, кто составляет это молчаливое большинство,

¹ Публикация на официальном сайте веб-студии «Константа». URL: <https://konstanta.studio/blog/detail/v-svet-vyshli-dva-zamechatelnykh-sbornika-kymmene-pajuokarjalakse-desyat-pesen-po-karelski-i-oletgo/> (Дата обращения: 29.05.2020).

² Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Н. В. Суслова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.

вычлeния из него индивидов и спрашивая их мнение, выясняется, что, по крайней мере на словах, ревитализация языков коренных народов в Карелии одобряется. Многие городские жители не против преподавания языков факультативно. Мнения о добровольном знакомстве с коренными культурами и изучении их языков распространены довольно широко, например, кто-то считает, что сохранять языки и культуру надо «не навязывая» и «естественно»¹.

При изучении отношения жителей Карелии к обращению языкового сдвига вспять мы столкнулись со своеобразной двойственностью взглядов, уместающейся в одном человеке. Так, одна информантка, высказавшая идеи о возросшей значимости этнической идентификации, сказала, что карельский язык никому не нужен и его скоро совсем забудут.

Несмотря на начавшийся процесс возрождения карельского и вепсского языков, даже среди его участников встречаются скептические настроения. Тем не менее они продолжают вести языковые курсы, переводить стихи, писать рассказы, популяризировать язык и культуру карелов и вепсов. То есть и здесь мы сталкиваемся со своеобразной двойственностью, когда индивид, с одной стороны, считает язык обреченным на исчезновение, но вместе с этим поддерживает его современное развитие.

Для закрепления успеха и популяризации ревитализационной деятельности большой помощью была бы активная поддержка со стороны государства, к чему призывает, например, Съезд карелов. На сегодняшний день организация учебных занятий, кружков, различных мероприятий и праздников осуществляется по большей части благодаря энтузиастам и волонтерам, инициативы которых иногда получают финансирование с финской стороны.

По сравнению с карельским и вепсским языками, престиж финского языка заметно повышает приграничное сотрудничество с Финляндией. Его учат, чтобы получить образование в Финляндии, вступить в брак и т.д. Финский язык как родной или как иностранный преподают в большем количестве школ, в Петрозаводском университете и на языковых курсах.

¹ ПМА. Жен., 25 лет, 2019 г., Петрозаводск.

Любой язык обладает потенциалом к возрождению, но его реализация почти полностью зависит от желания и стремлений его носителей и внешних обстоятельств вроде государственной поддержки. Отношение остального общества также влияет на темпы как языкового сдвига, так и его обратного движения и ревитализации. В Республике Карелия отношение общества к возрождению, поддержанию и развитию местных финно-угорских языков и культур в целом позитивное или позитивно-нейтральное, но как это отразится на реальной языковой ситуации в регионе, покажет время и дальнейшие исследования.

Список литературы и источников

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000.
2. Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
3. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. Российский государственный гуманитарный университет, 2001.
4. Бирин В.Н., Клементьев Е.И., Кожанов А.А. (сост.). Карелы модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2005.
5. Бирин В.Н., Клементьев Е.И. (рук.), Кожанов А.А., Строгальщикова З.И. (сост.). Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск: Центр культурных инициатив, 2006.
6. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Н. В. Суслова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
7. Бойко Т.П. Ревитализация карельской письменности. // Ученые записки Петрозаводского университета 1 (178), 2019. С. 97–101.
8. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
9. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004.
10. Всероссийская перепись населения 2010 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (Дата обращения: 29.05.2020).

11. *Замятин К., Пасанен А., Саарикиви А.* Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012.
12. *Клементьев Е.И. (рук.), Кожанов А.А. Отв. ред. Строгальщикова З.И., Яловицына С.Э.* Карельское национальное движение. Сборник материалов и документов. Часть 3. Радикальное крыло (1990–1993). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018.
13. *Клементьев Е.И. (рук.), Кожанов А.А. (сост.).* Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2009.
14. *Клементьев Е.И. (рук.), Кожанов А.А. (сост.).* Карельское национальное движение. Часть 2. Умеренное крыло. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2012.
15. *Клементьев Е.И. (рук.), Кожанов А.А., Строгальщикова З.И. (сост.).* Вепсы: модели этнической мобилизации: Сборник материалов и документов. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2007.
16. *Клементьев Е.И.* Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов, финнов. Сборник статей. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013.
17. *Недайхлеб П.А.* Языковая ситуация в Республике Карелия: сравнительное исследование различных источников данных. Курсовая работа. М.: 2019.
18. Полевые материалы автора. 2019 г. Республика Карелия, г. Петрозаводск.
19. Полевые материалы автора. 2020 г. Республика Карелия, Костомукшский городской округ, д. Вокнаволок.
20. Резолюция IX Съезда карелов Республики Карелия. Олонец, 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/doc6680487_543855136?hash=21501c6a4f5336d7ff&dl=c3df49b5f95b81f608 (Дата обращения: 29.05.2020).
21. Сайт ELDIA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.univie.ac.at/eldia-project/> (Дата обращения: 01.03.2021).
22. *Crystal D.* English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
23. *Fishman J. A.* Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon: Multilingual Matters LTD, 1997.
24. *Krauss M.* The World's Languages in Crisis // *Language*. 1992. Vol. 68, N 1. P. 4–10.
25. *Sasse H.-J.* Theory of language death // *Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa* / Ed. By Matthias Brenzinger. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992. P. 7–30.
26. *Spolsky B.* Language Policy (Key Topics in Sociolinguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

РАЗДЕЛ V. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Баканова Марина Владимировна

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО В РАМКАХ ЭПИДЕМИИ COVID-19 В ПАКИСТАНЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ – ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Аннотация. *Пандемию COVID-19 по прошествии почти года после ее начала можно уже рассматривать как стресс-фактор, обнаживший многие скрытые социальные проблемы и неэффективное управление. Оказалось, что в разных странах выявляются свои особенности, способные как усугубить, так и оптимизировать течение эпидемии. Что касается Пакистана, то эпидемиологические меры, принимаемые правительством, были неоднозначно восприняты религиозной частью общества, особенно в период месяца Рамадан. Официальному Исламабаду пришлось пройти по тонкому мосту между религиозными деятелями, медицинскими рекомендациями относительно эпидемии, высокой сопротивляемостью общества и неконструктивной критикой оппозиции. В настоящее время определенный баланс достигнут, некий компромисс найден и страна борется с COVID-19. При этом пакистанскому обществу также пришлось пересмотреть отдельные традиционные и религиозные положения.*

Ключевые слова: *медицинская антропология, COVID-19, общественное здоровье, взаимодействие религии и общества*

Abstract. *The COVID-19 pandemic, almost a year after its onset, can already be seen as a kind of stressor that has exposed*

many hidden social problems and ineffective governance. And it turned out that different countries reveal their own, sometimes very deep, difficulties that can both aggravate and optimize the course of the epidemic in a particular country. As far as Pakistan is concerned, the anti-epidemiological measures taken by the government were met with controversy by the religious part of society, especially during the month of Ramadan. Thus, official Islamabad had to cross a thin bridge between religious leaders, medical recommendations regarding the epidemic, high public resistance and unconstructive criticism of the opposition. Currently, a certain balance has been reached, a compromise has been found and the country is fighting COVID-19. At the same time, Pakistani society also had to concentrate and change some of its views, including religious ones.

Keywords: *medical anthropology, COVID-19, public health, interaction of religion and society*

Данная работа представляет собой часть индивидуального исследования в рамках антропологического исследования Пакистана в целом. Целью работы является анализ взаимного влияния религии и общества в условиях эпидемии в Пакистане, выявление механизмов взаимодействия между государством и обществом, оценка их эффективности.

Основное исследование происходило путем прямого и опосредованного наблюдения, личного сбора информации, анализа информации местных и международных СМИ и социальных сетей в период с марта по август 2020 г. в Пакистане.

Несмотря на относительную изоляцию Пакистана, а также весьма незначительное число туристов, пандемия COVID-19 достигла страны достаточно быстро. Уже 26 февраля 2020 г. были зарегистрированы два подтвержденных случая инфицирования, завезенных паломниками-шиитами из Ирана. С 17 марта на карантин ушли все учебно-образовательные учреждения, а уже 18 марта было объявлено о наличии заболевших во всех четырех провинци-

ях, двух автономных территориях и столичной территории Исламабад. С 1 апреля страна ушла на полный карантин: были запрещены любые массовые мероприятия, закрыты общественные здания, введено социальное дистанцирование и ношение масок и др. Пик заболеваемости был достигнут 15 июня: 6825 новых выявленных случаев. 2 июля число выздоровлений впервые превысило число активных случаев, и эпидемия в целом по стране пошла на спад¹.

Развитие эпидемии происходило в несколько этапов, которые ознаменовались различными реакциями правительства и общества, а также религиозных деятелей.

До 10 марта наблюдались отдельные случаи, которые в большинстве своем были связаны с возвращением паломников из Ирана, т.е. с шиитским меньшинством. 11–19 марта зарегистрирована первая вспышка на территории Пакистана (19 марта – удвоение числа заболевших), при этом, несмотря на то что часть инфицированных вернулась из Саудовской Аравии и Европы, подавляющее большинство больных также были шиитами, вернувшимися из Ирана. Таким образом, суннитско-шиитское противостояние приняло новый оборот, а стигматизация шиитов в обществе значительно возросла. С 16 марта были закрыты все сухопутные границы страны, включая пакистано-китайскую. Уже 20–31 марта появились первые сообщения о летальных исходах. Также начали фиксироваться факты передачи инфекции внутри страны. Несмотря на то, что Пакистан начал введение карантинных мер еще с 17 марта, местные жители преимущественно воспринимали ситуацию легкомысленно. Регулярное ношение масок и соблюдение иных защитных мер было принято в штыки, причем не только на уровне бедноты, но и среди высших классов пакистанского общества. Более того, высшие социальные группы продолжали активное игнорирование постановлений правительства и продолжали собираться на модные показы и вечеринки, последствия которых не заставили себя ждать. В ряде случаев были госпитализированы все их участники.

¹ Официальный сайт министерства здравоохранения Пакистана Ministry of National Health Services, Regulations and Coordination. URL: <http://www.nhsr.gov.pk/> (Дата обращения: 12 октября 2020).

Несмотря на случаи местной передачи инфекции и некоторые случаи завоза из Европы и стран Персидского залива, большинство зараженных составляли люди, прибывшие с территории Ирана. Это вынудило правительство усилить пограничный контроль (все прибывшие с территории Ирана должны были наблюдаться не менее десяти дней на предмет появления симптоматики), а стигматизация шиитов достигла максимума.

Стоит отметить, что правительство страны не предпринимало особых мер по безопасности для шиитских общин. История суннитско-шиитского противостояния на территории Пакистана – весьма короткая, но интенсивная. Вплоть до Исламской революции в Иране противостояния фактически не было, более того, «отец» пакистанской нации Мухаммад Али Джинна (Каид-е-Азам) сам был шиитом, также как и президент и премьер-министр Зульфикар Али Бхутто. Но сам факт шиитской революции и прихода к власти в Иране имама Хомейни в 1979 г. пошатнул сложившийся паритет. Дело в том, что Иран стал претендовать на духовную власть над всеми шиитами в мире (в том числе и в Пакистане, где местные шиитские лидеры фактически «принесли ему присягу»), что в условиях прихода к власти Зия-уль-Хака с его жесткой просуннитской позицией и началом Афганской войны фактически означало формирование в Пакистане «пятой колонны» из шиитов. В настоящее время пакистанские шииты (также как и христиане) являются своеобразным «клапаном для выброса пара», т.е. когда пакистанское правительство попадает в очередной кризис и ему начинают угрожать «прореволюционные» настроения граждан, во всем обвиняются шииты (или христиане) – конечно не с высоких трибун, а путем распространения контролируемых слухов, фейков и т.п. Это вызывает беспорядки и погромы, но в итоге, «выпустив пар», общество на некоторое время становится более лояльным к политике правительства. Таким образом, у правительства страны нет политической воли и мотивации для окончательного решения суннитско-шиитского конфликта в обществе.

Возрастание стигматизации шиитов (фактически – экспортировавших вирус с территории Ирана) в марте 2020 г. было выгод-

но и правительству, которое не в полной мере контролировало ситуацию в стране. Вполне логично, что отдельные правые суннитские лидеры начали обсуждать старые темы о запрете шиизма, как отдельной ветви ислама, на территории страны. Впрочем, это не имело практических результатов.

Сложности наблюдались и со стороны пакистанских врачей, которые, не получив средств защиты были вынуждены работать с потенциально опасными пациентами. Вследствие этого часть врачей выходила на митинги, а больницы закрывались.

10 марта, несмотря на предупреждения и даже сопротивление (со стороны правительства Панджаба), с размахом прошел съезд организации *Таблиги Джамаат* (запрещена в России), основная деятельность которой строится вокруг миссионерства. В обычное время данное собрание привлекает к участию около 2 млн человек из Пакистана и из-за рубежа, в 2020 г. в связи с начавшимися ограничениями число участников по разным оценкам составило от 100 до 250 тысяч человек. В конце марта именно посетившие форум дали резкий скачок заболеваемости. Иностранных участников правительство Пакистана было вынуждено изолировать в специально развернутых лагерях в Лахоре и Исламабаде – помощь им и содержание оказывались как со стороны пакистанских сподвижников, так и со стороны правительства, международных гуманитарных организаций и посольств соответствующих стран. Доклад на конец апреля показывает, что собрание вызвало свыше 2 000 заражений: это составило 27% положительных случаев по стране на тот период времени¹.

С 13 марта Пакистан приостановил все международные полеты, особенно вылеты из аэропортов Исламабада, Карачи и Лахора, однако были продолжены эвакуационные рейсы, забиравшие граждан Пакистана из различных стран мира. Большинство из них были вынуждены провести несколько дней в карантине и пройти ПЦР-тесты на коронавирус, прежде чем были отпущены домой. С 21 марта были закрыты все аэропорты с внутренними и внешними рейсами, заблокированы железнодорожные пути,

¹ Ayesha Siddiq. Pakistan has a Tablighi Jamaat Covid-19 problem too. But blame Imran Khan as well, The Print, 3 April 2020.

отменен общественный междугородний транспорт. Перемещаться по стране стало возможно только с использованием личных транспортных средств. Частично оставался доступным только товарный отдел перевозок, чтобы не создавать по стране дефицита товаров.

С 17 марта в Пакистане был введен в действие закон почти столетней давности, принятый еще во времена Британской Индии и регулировавший численность пассажиров транспортного средства на случай возникновения стихийных митингов и восстаний. А именно этот закон вводит запрет на передвижение на одной единице транспортного средства одновременно более чем двум пассажирам.

23 марта в День Пакистана был отменен традиционный парад и все остальные праздничные мероприятия. Пакистанское крыло женской организации при МИД страны отменило традиционный для последних лет благотворительный праздник Навруз, в котором участвовали представители посольств различных стран.

27 марта премьер-министр объявил о создании молодежной организации *Corona Relief Tigers* (*Тигры, сражающиеся с короной*) для помощи правительству в борьбе с распространением вируса. Силы организации должны были развернуться по всей стране и помогать в доставке пищи по домам в случае резких скачков заболеваемости. Набор в организацию начался 31 марта. Большую помощь беднякам оказывали представители высших и средних социальных групп: они занимались раздачей питания, денежных средств, предметов быта и одежды.

Также был создан государственный фонд для помощи бедному населению в условиях эпидемии (начал работать с 24 марта); средства, вложенные в него, оборачивались налоговыми некоторыми льготами для предпринимателей. Государственная помощь гражданам действительно оказывалась, и каждый, кто не имел недвижимого имущества, мог обратиться к правительству и, заполнив специальную форму на интернет-портале, предоставив личные данные, получить выплату в 12 000 рупий (менее 100 долларов

США). Программа начала работать с 31 марта¹. В действительности большинство такого рода нуждающихся людей неграмотны или недостаточно разбираются в Интернете, и помощь получили только те, кому помогли более образованные граждане – волонтеры. Согласно этому же приказу от 24 марта – работники здравоохранения (врачи и средний медицинский персонал), умершие от вируса, получали статус *шахидов* (мучеников, умерших за веру), что давало их семьям право на получение дополнительной финансовой помощи со стороны правительства².

30 марта государственный министр здравоохранения доктор Зафар Мирза объявил, что комиссия по высшему образованию принимает инициативы от исследователей, учёных, специалистов, производителей и экспертов, что может помочь правительству в борьбе с вирусом. Фактически в комиссию при правительстве вошли высшие чиновники медицины и никакой эффективной работы они не провели, а волонтерам с опытом практической работы из других социальных групп или иностранцам, предложивших правительству свою помощь, было отказано в сотрудничестве.

Общемартовскую реакцию пакистанского социума можно определить как «негативное недоверие» – как к возможности возникновения эпидемии внутри страны, так и к антиэпидемическим мерам государственного регулирования. Также в это время усугубился традиционный суннитско-шиитский вопрос.

30 марта Пакистан сообщил о рекордном числе заражений за март – 240. Общее число заболевших достигло 1 865, выздоровевших – 58, смертей – 25. 31 марта тенденция на увеличение продолжилась, и с 1 апреля было объявлено о введении всеобщего карантина (хотя провинциальные карантинные меры были объявлены несколько раньше) изначально на 2 недели, но 14 апреля карантин был продлен. Его положения касались всех сторон жизни общества. Были закрыты все общественные учреждения – фактически работали (но в ограниченном графике) только продукто-

¹ SehatSahulat Program. URL: <https://www.pmhealthprogram.gov.pk> / (Дата обращения: 10 октября 2020).

² Coronavirus in Pakistan – Confirmed Cases. URL: www.covid.gov.pk (Дата обращения: 15 октября 2020).

вые магазины при условии социального дистанцирования, ношения масок покупателями, постоянной дезинфекции помещений (в том числе и установок дезинфицирующих арок на входе), ношения защитных костюмов работниками магазинов и т.п. Также были закрыты базары, остановлено все производство и сельское хозяйство. Улицы городов обезлюдели. Были закрыты все крупные мечети и религиозные объекты других религий, кроме того – блокировались подъезды к ним. В условиях исламского месяца ша'абан (25 марта – 23 апреля 2020), предшествующего рамадану и также являющегося священным месяцем для мусульман, это повышало градус недоверия к правительству и подвигало к религиозному противостоянию с ним. Следует отметить, что ситуация в деревнях была менее напряженной. Во многих из них, до появления подтвержденного случая инфицирования, люди не надевали масок, а мечети продолжали работать в прежнем режиме. Работали и местные небольшие лавочки, хотя запаса товаров обычно хватало ненадолго, а возобновить его не получалось из-за закрытия городских оптовиков. В случае же обнаружения заболевшего в какой-либо деревне она блокировалась силовиками, при этом попросту «отрезались» все подъездные пути.

При этом, несмотря на то, что с 14 апреля карантин был продлен, правительство разрешило открыть две отрасли при условии соблюдения санитарных норм: начали работать стройки и сельское хозяйство. С учетом того, что Пакистан в настоящее время является преимущественно аграрной страной, последнее было наиболее актуально, поскольку позволяло зарабатывать мелким фермерам и наемным рабочим. Однако в городах шел массовый обвал производства мелких собственников и предпринимателей, а городская беднота полностью разорялась и не имела возможностей для пропитания (особенно поденщики). Это вызвало сразу три эффекта: отток городской бедноты и мелких предпринимателей в деревни (в сохранившиеся «родовые гнезда» и к родственникам), рост числа «недовольных» правительством, увеличение объемов нелегального заработка (многие лавочки и маленькие магазины стали работать подпольно, при официально закрытых дверях).

22 апреля число заболевших превысило 10 000 человек – Пакистан официально перешел критическую черту в распространении инфекции. В конце апреля группа авторитетных врачей в Пакистане и за рубежом написала религиозным лидерам и премьер-министру письмо с просьбой не открывать мечети во время рамадана, ожидая, что 80% их посетителей будут в возрасте старше 60 лет, а результатом открытия мечетей может стать не только «взрыв заболеваемости COVID-19», но и резкое повышение смертности от него.

Правые религиозные лидеры практически одновременно стали ратовать за открытие мечетей, поскольку *шабе Бараат* (одна из почитаемых мусульманами ночей, время освобождения или отпущения грехов) уже прошла без характерных для нее ночного бдения, коллективных обрядов и *дуа* (моливт, которые читаются в различных житейских ситуациях) в мечетях. Оставить паству без специальных ночных моливт *таравих*, особенных во время рамадана, без коллективных *ифтаров* (приемов пищи после заката солнца) и без *итикафа* (уединения в мечети в последние 10 дней поста) им казалось невозможным.

Фактически правительство Пакистана оказалось зажатым в тиски: между риском резкого скачка эпидемии и религиозными протестами. Некий компромисс был найден: небольшие мечети были открыты при условии соблюдения санитарных норм. Там были убраны ковры, помещения регулярно обрабатывались, верующие должны были молиться на расстоянии 6 футов друг от друга и в масках. Однако эти меры были эффективны только в городах и крупных поселениях. Проконтролировать ситуацию в деревнях и на хуторах не представлялось возможным.

В пикку решениям правительства и мерам санитарной безопасности по стране стали распространяться слухи о том, что никакой эпидемии не существует вовсе, что все попадающие в больницы подвергаются агрессивной терапии новыми лекарствами (изобретенными в США, которые увеличивают смертность или усугубляют течение болезни), что вирус и вовсе был изобретен в США и его специально запустили для уничтожения мусульман. В противовес

официальным сообщениям давалась информация о том, что пребывание в мечети и настоящее (а не показное) выполнение заветов ислама излечивает даже безнадежных больных. В особый шок пакистанцев повергла новость о том, что из-за эпидемии в этом году будут отменены *умра* (малое паломничество, связанное с посещением Мекки, но не в месяц, предназначенный для *хаджа*, а в любое другое время) и *хадж* (большое паломничество, связанное с посещением Мекки и ее окрестностей в определенное время).

Май принес дополнительные проблемы. К 7 мая было заражено более 500 работников здравоохранения. Частные больницы массово закрывались, часто оказывались закрыты и государственные больницы¹. Начали резко расти протестные настроения в обществе, которое в целом оказалось под угрозой полной нищеты. Представители оппозиции и радикального ислама продолжали критиковать правительство. В итоге, несмотря на то, что рост заболеваемости не прекратился, правительство начало поэтапное сворачивание карантина, а в последнюю неделю рамадана и вообще было вынуждено отменить ограничения на работу базаров и магазинов и перемещения людей, поскольку для их сдерживания уже не хватало сил полиции². В отличие от остальных мусульманских стран, которые ввели дополнительные запреты, в Пакистане *Ид уль Фитр* (исламский праздник, отмечаемый в честь окончания поста в месяц рамадан, известный также как Ураза Байрам) отмечался с размахом. Благодаря этому текстильная и обувная отрасли стремительно вышли из кризиса, разом распродав все залежавшиеся товары: по пакистанской традиции на *Ид* должна покупаться новая одежда и обувь, а также подарки. Возвратить после праздника ограничения оказалось невозможным – страна продолжила открываться.

¹ Saroop Ijaz. Closing Pakistan's Maternity Wards Puts Women at Risk, May 9, 2020 URL: <https://www.hrw.org/news/2020/05/09/closing-pakistans-maternity-wards-puts-women-risk> (Дата обращения: 14 октября 2020).

² COVID-19 – Pakistan Socio-economic Impact Assessment & Response Plan (Version 1 May 2020). URL: <https://reliefweb.int/report/pakistan/covid-19-pakistan-socio-economic-impact-assessment-response-plan-version-1-may-2020> (Дата обращения: 15 сентября 2020).

Закономерно, что после массовых праздников в конце мая – в июне резко возросла заболеваемость. 3 июня впервые более чем 4000 человек показали положительный результат на COVID-19. 17 июня 2020 г. в каждом районе Пакистана каждой провинции был отмечен хотя бы один подтвержденный случай инфицирования¹.

В конце июня возобновилось авиасообщение, однако с несколькими условиями: вылетающие и прибывающие пассажиры должны были иметь при себе отрицательные тесты на COVID-19, полученные не ранее чем за 72 часа до прилета (вылета), заполнить специальную анкету (с сентября было запущено специальное интернет-приложение) и соблюдать карантин дома в течение 14 дней (при прилете, что большей частью населения игнорировалось).

С конца июня Пакистан постепенно начал открывать наземные границы. 20 июня министерство внутренних дел Пакистана объявило, что пограничные переходы Торкхам и Спин Болдак будут открыты шесть дней в неделю в соответствии со строгими санитарными мерами. 22 июня Пакистан открыл свои пограничные переходы с Афганистаном, разрешив экспорт впервые за три месяца.

Заболеваемость коронавирусной инфекцией планомерно шла на спад (с 4000 новых случаев в начале месяца до менее 1000 к концу). Это было связано со многими факторами: крайне жаркий период года с очень высокой инсоляцией (что влечет за собой не только прямое действие солнечной радиации на вирус, но и ограничение передвижения людей в светлое время суток), некоторая наработка общественного иммунитета, уменьшение обращений граждан в органы здравоохранения. Также надо отметить снижение уровня тестирования у заболевших с легкой и средней тяжестью: люди предпочитали болеть и лечиться дома без проведения тестов.

Тем не менее пакистанское правительство перешло к практике *smart lockdown* – когда закрывались не целые города (и тем

¹ Hindustan Times. Pakistan's Covid-19 tally crosses 48,000; PM Imran Khan says learn to live with coronavirus. 21 May 2020.

более не страна в целом), а отдельные районы или даже улицы, на которых наблюдался рост больных¹.

Кризис в отношениях с религиозными деятелями также пошел на спад, поскольку мечети постепенно были разблокированы, и верующие смогли совершать свои обряды в обычном порядке. Напряженность наблюдалась только из-за запрета на совершение *хаджа*, но это был запрет со стороны Саудовской Аравии, и пакистанское правительство не могло влиять на данную ситуацию. Радикальные пакистанские богословы высказывали недовольство и заявляли об «уничтожении веры», обращаясь напрямую к Эр-Рияду.

15 июля Пакистан разрешил афганский экспорт в Индию через пограничный переход Вагах после принятия мер против распространения COVID-19. 17 июля Китай приветствовал возобновление торговых отношений между Афганистаном и Пакистаном после открытия пяти сухопутных переходов. Пятью сухопутными переходами были Торхам, Чаман, Гулам Хан, Ангур Ада и Данд-э-Патан. При этом в стране сохранялся запрет на поездки в традиционные курортные зоны – горные зоны севера (Гималаи, Гиндукуш, Тянь-Шань), учебные заведения также были закрыты.

Число новых зарегистрированных случаев продолжило уменьшаться с 500 в начале месяца до 200–300 в конце, и даже *Ид-уль-Адха* (массовый праздник жертвоприношения, в России более известный как *Курбан байрам*), когда множество пакистанцев перемещались по стране, а также открытие традиционных курортных территорий, не дали подъема заболеваемости.

К августу 2020 г. в Пакистане полностью возобновилась работа промышленности, сельского хозяйства, торговли, сферы обслуживания и т.п. Были открыты рестораны, парки, возобновлены массовые свадьбы (хотя и с некоторыми ограничениями). Абсолютно закрытыми оставались только учебные заведения – начиная

¹ Deutsche Welle. Coronavirus: Pakistani government lays off thousands of workers to revive economy. URL: <https://www.dw.com/en/coronavirus-pakistani-government-lays-off-thousands-of-workers-to-revive-economy/a-53699236> (Дата обращения: 16 октября 2020).

от детских садов и заканчивая университетами (образовательный процесс и приемная компания переместилась в онлайн). Это привело к резким конфликтам правительства с ассоциациями частных школ и университетов (которых в стране большинство), поскольку студенты, не желая платить высокие суммы за онлайн-образование (очень слабое) покидали учебные заведения, так что их руководство лишалось большей части доходов. Было объявлено даже о проведении митингов, однако правительство на уступки не пошло.

Университеты, колледжи и старшие классы школ перешли к очному образованию только с 15 сентября, остальные классы школ открывались постепенно вплоть до 30 сентября, при этом классы были разделены на группы с меньшим количеством учеников, введено частичное посещение образовательных учреждений с дополнением в виде онлайн-классов. К концу сентября и в октябре численность новых случаев COVID-19 начала вновь расти (не достигая, впрочем, значений мая–июня), что привело к повторному включению *smart lockdown* для отдельных районов, улиц, школ или части классов. С конца октября 2020 г. вновь были введены некоторые ограничения на работу магазинов, мест общественного питания и передвижения по улицам, но пока незначительные. За отсутствие масок были впервые введены и начали применяться денежные штрафы.

Определенные опасения в августе и осенью вызывала работа традиционных медресе, где обучается достаточно большое количество учеников, и, кроме того, многие из них имеют интернаты для иногородних студентов. Большая сложность заключалась в том, что медресе обычно имеют высокую скученность студентов, низкий уровень государственного (в том числе санитарного и медицинского) контроля и тенденцию к закрытости от вмешательства в свои дела. Тем не менее резких всплесков заболеваемости по медресе не наблюдалось. Необходимо иметь в виду, что они могли быть скрыты от глаз общественности. По состоянию на октябрь 2020 г. повторных конфликтов между правительством и религиозной общественностью не отмечалось, хотя партийная оппозиция и пыталась привлечь радикаль-

ные массы на свою сторону и отправить в отставку правительство Техрик-е-инсаф Имрана Хана.

Исследование религиозных аспектов протекания эпидемии нового коронавируса в Пакистане позволяет сделать следующие выводы. Влияние религиозных лидеров оказалось решающим для формирования государственных медицинских и профилактических мер в условиях эпидемии COVID-19 весной–летом 2020 г. Сопротивляемость пакистанского общества «религиозному навязыванию» оказалась крайне низка. Пакистанское правительство фактически было вынуждено бороться не только с самой эпидемией COVID-19, но и с религиозным сообществом, не принимающим директивы правительства, а также с политической оппозицией. На настоящий момент компромиссы между пакистанским правительством и религиозными лидерами уже найдены, выполнение части религиозных требований удовлетворено. Можно говорить о том, что оно не привело к резкому подъему заболеваемости.

Список литературы и источников

1. Официальный сайт Министерства здравоохранения Пакистана [Электронный ресурс] // <http://www.nhsrsc.gov.pk/> Ministry of National Health Services, Regulations and Coordination. URL: <http://www.nhsrsc.gov.pk/> (Дата обращения: 12 октября 2020).
2. *Ayesha Siddiqi*. Pakistan has a Tablighi Jamaat Covid-19 problem too. But blame Imran Khan as well, *The Print*, 3 April 2020.
3. Coronavirus in Pakistan – Confirmed Cases [Электронный ресурс]. URL: www.covid.gov.pk (Дата обращения: 15 октября 2020).
4. COVID-19 – Pakistan Socio-economic Impact Assessment & Response Plan (Version 1 May 2020) 18.06.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://reliefweb.int/report/pakistan/covid-19-pakistan-socio-economic-impact-assessment-response-plan-version-1-may-2020> (Дата обращения: 15 сентября 2020).
5. Deutsche Welle. Coronavirus: Pakistani government lays off thousands of workers to revive economy. DW 05.06.2020. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dw.com/en/coronavirus-pakistani-government-lays-off-thousands-of-workers-to-revive-economy/a-53699236> (Дата обращения: 16 октября 2020).

6. Hindustan Times. Pakistan's Covid-19 tally crosses 48,000; PM Imran Khan says learn to live with coronavirus. 21 May 2020.
7. Saroop Ijaz. Closing Pakistan's Maternity Wards Puts Women at Risk. May 9, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.hrw.org/news/2020/05/09/closing-pakistans-maternity-wards-puts-women-risk> (Дата обращения: 14 октября 2020).
8. Sehat Sahulat Program [Электронный ресурс] URL: <https://www.pmhealthprogram.gov.pk/> (Дата обращения: 10 октября 2020).

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. *В условиях современного поликультурного пространства особо актуальна тема этнических конфликтов. Как показывают результаты эмпирического исследования, молодежь г. Москвы имеет отрывочные представления об этнических конфликтах постсоветского пространства, однако это вовсе не препятствует негативному их восприятию. Большинство опрошенных респондентов считают, что во всех нациях есть конфликтные люди, нельзя выделить какую-то определенную. Это демонстрирует высокий уровень толерантности респондентов. Представляется важным повышение уровня толерантности и терпимости современной молодежи к людям различных национальностей, в историческом прошлом которых имели место этнические конфликты. Для этого рекомендуется проводить мероприятия, направленные на воспитание молодежи в духе взаимного уважения и национальной терпимости.*

Ключевые слова: *Этнический конфликт, толерантность, распад СССР, конфликты постсоветского пространства, армяно-азербайджанский конфликт, грузино-осетинский конфликт, осетино-ингушский конфликт*

Abstract. *In the context of modern multicultural space, the topic of ethnic conflicts is especially relevant. As the results of an empirical study show, the youth of Moscow have fragmentary ideas about the ethnic conflicts of the post-Soviet space, but this does not prevent their negative perception at all. Most of*

the respondents surveyed believe that there are conflict people in all nations, it is impossible to single out a certain one. This demonstrates a high level of tolerance among respondents. It is important to increase the level of tolerance and tolerance of modern youth towards people of different nationalities, in whose historical past ethnic conflicts took place. To this end, it is recommended that activities be undertaken to educate young people in a spirit of mutual respect and national tolerance.

Key words: *Ethnic conflict, tolerance, disintegration of the USSR, conflicts of the post-Soviet space, Armenian-Azerbaijani conflict, Georgian-Abkhazian conflict, Georgian-Ossetian conflict, Ossetian-Ingush conflict*

Актуальность исследования заключается в необходимости выявления способов повышения уровня толерантности и терпимости современной молодежи к людям различных национальностей, в историческом прошлом которых имели место этнические конфликты, а также предотвращения этнических конфликтов среди молодежи в связи с ростом числа как внутренних, так и внешних мигрантов на территории России, а также с ростом этнических конфликтов в мире, которые могут способствовать вовлеченности в них и Российского государства.

«Этнический конфликт» – особая форма социального конфликта, которая может принимать форму межличностного, межгруппового конфликта, а также, в котором противоборствующие стороны различаются по этнической принадлежности.

Этнические конфликты на территории бывшего СССР занимают особое место. Обострение межэтнических конфликтов началось в 1980-е гг. и продолжилось вплоть до распада СССР и в постсоветский период.

Этнополитическая напряженность, проявившаяся в различных войнах в Армении, Таджикистане, Чечне, Грузии, Южной Осетии, Молдавии, явилась причиной многочисленных человеческих жертв, стихийной миграции.

Научная проблема связана с исследованием восприятия этнических конфликтов постсоветского пространства современной молодежью с целью повышения уровня толерантности и терпимости молодежи к представителям различных национальностей.

Исследование проводилось в августе 2020 г. среди молодежи Москвы. Исследовательская выборка анкетирования характеризуется 100 респондентами мужского и женского пола в возрасте от 16 до 30 лет, этническая принадлежность – в основном русские, проживающие в Москве.

В результате обработки ответов респондентов на вопросы анкеты получены следующие данные. Можно утверждать, что в целом преобладающее большинство респондентов положительно относится к людям разного этнического происхождения (60%); негативно относятся к конфликтам, возникающим на национальной почве (58%), но при этом есть и те, кто относится к таким конфликтам положительно (8%).

На вопрос «Оцените Ваш уровень конфликтности», ответы свидетельствуют, что большинство опрошенных обладают низким уровнем конфликтности (60%). На вопрос «Приходилось ли Вам участвовать в этнических конфликтах?» доминирующая часть респондентов ответила, что никогда не участвовала в этнических конфликтах и не становилась их свидетелями (42%). Далее следуют те, кто не принимал участия в этнических конфликтах, но становился свидетелем (38%).

Большинство опрошенных молодых людей считают, что среди всех народов присутствуют конфликтные люди, не следует выделять какой-то определенный этнос (58%), а к этническому конфликту, по мнению молодежи, могут привести различия в характере и темпераменте представителей тех или иных этносов (40%), различия в экономическом и культурном развитии этнических групп и регионов (36%), неравенство правового статуса отдельных народов в составе многоэтнических государств (34%).

Большинство респондентов обладают средним уровнем информированности о конфликтах, протекавших на постсоветском пространстве в 1990–2000-е гг. (40%). Молодые люди знакомы

с Чеченским конфликтом 1994–1996 гг. (42%), армяно-азербайджанским конфликтом 1990–1994 гг. (36%). Менее всего респондентам знаком конфликт в Таджикистане (1992–1997 гг.) (14%) и осетино-ингушский конфликт в 1992 г. (14%).

Наиболее существенными причинами данных конфликтов, по мнению опрошенных, можно считать желание республик выйти из состава СССР (46%) и неспособность центральной власти справиться с экономическими трудностями (42%). Участники опроса считают очень важной задачу формирования исторической памяти о конфликтах на постсоветском пространстве в современном обществе для предотвращения их возобновления (56%).

На вопрос «Каким образом можно повысить уровень толерантности современной молодежи к людям различных национальностей?» ответы респондентов распределились следующим образом (можно было выбрать более одного ответа): с помощью воспитания молодежи в учебных заведениях в духе взаимного уважения и межэтнической терпимости (70%); с помощью курсов и занятий в учебных заведениях по истории и культуре различных народов (28%); с помощью совместной, коллективной работы студентов на занятиях со студентами – представителями различных народов (28%); путем проведения тематических мероприятий, направленных на развитие этнических культур и народных традиций (26%); в ходе реализации государственных программ, направленных на развитие системы духовно- нравственного воспитания подрастающего поколения (26%); активизацией работы СМИ по пропаганде принципов толерантности в российском обществе (22%); посредством вовлечения молодых людей в общественную жизнь образовательных учреждений (различные КВНы, студенческие советы, профкомы, различные творческие кружки, членами которых являются студенты разного этнического происхождения – 16%); с помощью работы студентов с психологами для формирования уважения к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям (12%).

На основании полученных ответов респондентов можно сделать вывод о том, что преобладающее большинство респондентов считают наиболее эффективным способом повышения уровня толерантности и терпимости современной молодежи к представителям различных национальностей воспитание молодежи в учебных заведениях в духе взаимного уважения и национальной терпимости, менее эффективный способ по сравнению со всеми – работа студентов с психологами для формирования уважения к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям.

Таким образом, данное пилотное социологическое исследование проблемы восприятия этнических конфликтов в современной молодежной среде показывает, что молодежь г. Москвы имеет определенные представления об истории этнических конфликтов на постсоветском пространстве.

Исследование свидетельствует о том, что в целом среди молодежи, находящейся в поликультурной среде, толерантное отношение – один из ключевых ориентиров в межкультурной коммуникации. В студенческой среде присутствует высокий уровень межнационального согласия, однако необходимо продолжать работу в среде молодежи, заранее предупреждая конфликты, которым может быть придана «этническая» окраска.

Список литературы и источников

1. *Азимова Ж.Ч.* Особенности этнических противоречий и конфликтов // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2018. № 2. С. 161–165.
2. *Ананичева С.Р.* Межэтнические конфликты на постсоветском пространстве // *«Ученые заметки ТОГУ».* 2014. № 3. С. 53–56.
3. *Голуенко Т.А.* Межэтнические конфликты на постсоветском пространстве // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XI междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК.* 2012. С. 132–138

4. Кулумбегова Л.Т. Внешнеполитические факторы возникновения непризнанных государств на постсоветском пространстве // Известия ВГПУ. 2018. № 6. С. 222–226.
5. Литвинов Н.Д. Межнациональные конфликты на территории постсоветского пространства и их влияние на развитие молодежного экстремизма в России // Общество и право. 2013. № 3. С. 287–292.
6. Лучшева Л.В. Современные концепты причин этнических конфликтов // ВЭПС. 2015. № 1. С. 206–209.
7. Петрович-Белкин О.К. Проблема снижения влияния России на постсоветском пространстве: чем вызван дрейф государств СНГ в сторону многовекторности? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. № 1. С. 94–111.
8. Тураев В.А. Кризис советской идентичности и распад СССР // Россия и АТР. 2015. № 4. С. 5–17.
9. Хромов В.В. Этнические конфликты и пути их разрешения // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2012. № 11. С. 4–9.
10. Чулкова О.О. Природа социально-этнического конфликта // Известия МГТУ. 2013. № 1. С. 117–121.

*Коровина Виктория Николаевна,
Полянцева Елизавета Дмитриевна*

НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В ОЦЕНКАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ И АРМЯНСКИХ СТУДЕНТОВ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ (ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

***Аннотация.** В данной статье дается краткий экскурс к истории Нагорно-Карабахского конфликта и делается попытка, проанализировать отношение студенческой молодежи к данной проблеме. Помимо контент-анализа медийного пространства, научных статей, экспертной аналитики и наблюдения, было проведено социологическое исследование на предмет оценки сложившейся ситуации армянскими и азербайджанскими студентами. Объектом исследования является Нагорно-Карабахский конфликт. Как демонстрируют результаты исследования, все респонденты, принявшие участие в анкетировании, крайне равнодушны к тому, что происходит на их исторической родине. Уровень просвещенности в проблеме конфликта представителей обоих этносов нельзя назвать максимально высоким, поэтому основной рекомендацией является работа над просвещением молодежи и формирование миролюбивого толерантного отношения представителей двух противоборствующих стран друг к другу.*

Ключевые слова: *Азербайджан, Армения, выборка, рекомендации, студенты, конфликт, Нагорный Карабах, социологическое исследование*

Abstract. *This article gives a brief excursion to the history of the Nagorno-Karabakh conflict and attempts to analyze*

the attitude of student youth to this problem. In addition to content analysis of the media space, scientific articles, expert analytics and observation, a sociological study was conducted to assess the current situation by Armenian and Azerbaijani students. The subject of the study is the Nagorno-Karabakh conflict. As the results of the study demonstrate, all respondents who took part in the questionnaire are extremely indifferent to what is happening in their historical homeland. The level of education in the conflict of representatives of both ethnic groups cannot be called as high as possible, therefore the main recommendation is to work on educating young people and forming a peaceful tolerant attitude of representatives of the two opposing countries towards each other.

Key words: *Azerbaijan, Armenia, sample, recommendations, students, conflict, Nagorno-Karabakh, sociological research*

Актуальность данной статьи представлена теоретической и практической составляющими. Теоретическая актуальность обуславливается тем, что многими исследователями дана предвзятая оценка Нагорно-Карабахского конфликта в своих трудах, а молодежный фактор практически не затронут. Практическая актуальность заключается в необходимости анализа проблем восприятия и оценки представителей молодежи двух народов вновь развернувшегося в 2020 г. Карабахского конфликта.

Цель работы заключается в изучении состояния межэтнических отношений студентов двух этнических групп, выявлении уровня исторической памяти о событиях конфликта в студенческой среде, сравнении восприятия постконфликтного периода и перспектив националистических настроений в свете нового очага конфликта.

Для реализации исследовательской цели был проведен анализ теоретических источников отечественной и зарубежной литературы; теоретический анализ подходов различных исследователей, изучавших историю этого конфликта; обозначены основные

тенденции взаимодействия армян и азербайджанцев на современном этапе; разработана методология и методика эмпирического исследования; организовано и проведено анкетирование, обработаны и интерпретированы полученные результаты.

Географическая область Карабах разделена на равнинную и нагорную части. В Равнинном Карабахе исторически преобладало азербайджанское население, в Нагорном – армянское. В 1917 г. после революции и распада Российской империи в Закавказье были провозглашены три независимых государства, в том числе Азербайджанская Демократическая Республика, в состав которой по решению сначала Османской империи, а затем Антанты был включен Карабах. Однако армянское население района отказалось подчиняться новым властям. В том же году Первый съезд армян Карабаха избрал собственное правительство – Армянский национальный совет. На протяжении 1918–1920 гг. в регионе продолжалось ожесточенное армяно-азербайджанское противостояние, погасить которое удалось с установлением в Азербайджане Советской власти.

В 1987 г. недовольство армянского населения региона социально-экономической политикой Азербайджана резко возросло. Меры, предпринятые руководством Азербайджанской ССР, на ситуацию не повлияли. Начались массовые забастовки студентов, а в столице автономной области Степанакерте прошли многотысячные националистические митинги. Многие азербайджанцы, оценив ситуацию, приняли решение уехать из региона. Одновременно в Азербайджане начались армянские погромы, в результате которых появилось большое количество беженцев. Областной совет Нагорного Карабаха принял решение о выходе из состава Азербайджана. В 1988 г. между армянами и азербайджанцами начался вооруженный конфликт. В результате ожесточенной войны территория Нагорного Карабаха вышла из-под контроля Азербайджана, однако решение по ее статусу было отложено на неопределенное время.

В XXI в. конфликт в Нагорном Карабахе напомнил о себе в августе 2014 г., когда в регионе был сбит армянский вертолет. Тогда

стычки на армяно-азербайджанской границе произошли между военными двух стран. С обеих сторон погибло более 20 человек. Данный конфликт был заморожен при непосредственном участии России, однако в 2020 г. он вновь обострился и вызвал новую волну нетерпимости и межэтнического напряжения в среде представителей двух конфликтующих этносов, проживающих в Москве.

Для реализации цели исследования в ноябре 2020 г. было проведено настоящее социологическое исследование в условиях городской среды Москвы, в студенческой среде вузов РГУ им. А.Н. Косыгина и РУДН.

Настоящая анкета была составлена с целью получения комплексного мнения студенческой среды о Нагорно-Карабахском конфликте:

- оценка респондентами осведомленности о данном конфликте;
- оценка перспектив развития и преодоления данного конфликта;
- готовность сторон к выработке лояльного отношения друг к другу.

По результатам исследования в нем приняли участие 62% армян и 38% азербайджанцев. Интересен тот факт, что большинство опрошенных родились и выросли не на исторической родине, а на территории РФ. Основная часть респондентов (78,5%) проживают в столичном мегаполисе и в настоящее время.

Более 90% опрошенных определили свой уровень патриотизма как довольно высокий, что свидетельствует о том, что все респонденты крайне неравнодушны к тому, что касается их исторической родины. При ответе на вопрос анкеты об уровне осведомленности о данном конфликте нами были получены ответы: «высокий уровень осведомленности», «10 из 10», «почти все знаю», «слежу за последними событиями» и так далее. Таким образом, в ходе исследования мы имеем дело с респондентами, которые хорошо ориентируются о ходе развития Нагорно-Карабахского конфликта.

Почти 90% опрошенных очень часто слышат о событиях в Нагорном Карабахе и их волнуют разворачивающиеся на этой территории события. Источником информации о происходящих

событиях в данном регионе для многих являются СМИ и Интернет. Около 30% получают новости от друзей и родственников. Можно предположить, что доминирующая часть опрошенных получает информацию под определенным «углом зрения», то есть ту, что прошла своего рода «цензуру».

Более 70% опрошенных высказались о том, что данный конфликт отразился на жизни их семьи, родных и близких.

Следующий вопрос анкеты позволяет сделать вывод о том, к каким конкретно последствиям привело данное военное столкновение, а именно, к трагедии для целого народа; к лишению возможности посетить свою родину; к гибели близких людей.

Вопрос социологической анкеты свидетельствует о том, что примерно у половины от числа всех опрошенных ухудшились отношения со знакомыми представителями конфликтной стороны, что выразилось в проявлении лицемерия, провокациях, потере уважения к данной этнической группе, негативе в социальных сетях и даже полном прекращении общения. 33% респондентов отметили, что испытывают ненависть к представителям противоборствующей стороны. При проведении интервью нами были получены мнения о том, что текущая ситуация вынудила многих прервать не только личные, но и партнерские отношения с представителями другого народа.

Основная часть опрошенных респондентов виновниками конфликта считает исключительно республиканские власти, 25% отрицают данное утверждение, а остальные 35% затруднились ответить на данный вопрос, что наталкивает на мнение о том, что проживающие в Москве молодые армяне и азербайджанцы пока не пришли к единому мнению о предпосылках данного конфликта.

По результатам проведенного нами опроса более 64% участников уверены в том, что Нагорно-Карабахский конфликт имеет долгосрочную перспективу негативного развития, в которой события современности являются лишь эпизодом. Более 83% опрошенных высказали опасение, что риск возобновления военных действий на этих территориях крайне велик. Такое восприятие ситуации в регионе свидетельствует о том, что боль-

шая часть респондентов утратила веру в скорое разрешение данного конфликта.

Мнения по поводу оценки вмешательства в конфликт представителей других государств (России и Турции) разделились. Чуть больше 30% оценивают данные действия положительно, еще 30% считают вмешательство извне негативным и незаконным, остальные воздерживаются от высказывания оценочных суждений. Весьма негативна оценка в отношении позиции России в текущем конфликте: согласно интервью, армянская молодежь убеждена, что Азербайджан активизировал военные действия в Нагорном Карабахе только лишь потому, что Россия обещала оказать поддержку наступлению азербайджанских войск. Также вызывает возмущение армянских респондентов факт участия в боевых действиях на стороне Азербайджана иностранных боевиков и поставки Турции высококачественного оружия Вооруженным силам Азербайджана.

Уровень просвещенности в проблемном вопросе представителей обоих народов нельзя назвать максимально высоким, поэтому основной рекомендацией является работа над просвещением молодежи и выработки толерантного отношения представителей двух противоборствующих стран друг к другу. Также важно отметить, что армянская сторона считает этот конфликт более значимым в истории развития своего народа. Представители армянской общины говорят о том, что Нагорный Карабах исконно принадлежит Армении, и они готовы бороться за свои земли до победного конца. Кроме того, армяне считают необходимым признать земли Нагорного Карабаха (Арцаха) независимыми. Некоторые утверждают, что смогут изменить отношение к Азербайджану только после тотальной смены правительства в Баку и полного перехода искомых территорий в состав Армении. Вызывает некое замешательство тот факт, что армянская молодежь весьма категорична к личности Н. Пашиняна, который еще недавно пользовался широкой поддержкой в этой среде.

Тем не менее представители обеих сторон в рамках анкетного опроса и интервью не раз заявляли, что хотели бы достигнуть по-

ложительного результата на двусторонних мирных переговорах и «завершить эти кровопролитные столкновения».

Данное социологическое исследование помогло выявить следующие рекомендации, которые могут стать полезными в рамках межэтнического социального взаимодействия представителей двух сторон:

- в рамках университетской образовательной программы большее внимание уделять проблемам межэтнических конфликтов, выявлять на раннем этапе возможные межэтнические разногласия в студенческой среде;
- в рамках дисциплин «этнография и этнология», «социальная антропология» проводить обсуждение вопросов межэтнических конфликтов, содействовать формированию толерантного отношения армян и азербайджанцев друг к другу, давать объективные оценки происходящего в условиях современности;
- привлекать специалистов в вопросах межэтнического взаимодействия к проведению ими семинаров, мастер-классов и тренингов в студенческой среде.

Список литературы и источников

1. *Барсегов Ю.Г.* Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарии. Т. 1. – М.: КРУГЪ, 2008. С. 665-671.
2. *Де Ваал Т.* Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. Пер. с англ. О. Алякринского / Томас де Ваал. – М.: Текст, 2005. С. 132–133.
3. *Золян С.* Нагорный Карабах: проблема и конфликт. – Ереван: «Лингва», 2001. С. 160.
4. *Кривошусков В.* Мятельный Карабах. Из дневника офицера МВД СССР. Изд. второе. – М.: «Голос-Пресс», 2007. С. 200–201.
5. *Маркедонов С.М.* Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. – Ереван: Институт Кавказа, 2012. С. 128–129.
6. *Ядов В.А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы. – Самара: Самарский ун-т, 1995. – 331 с.

**ПОЛИТИКА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ
ЧЕЧЕНСКОГО КОНФЛИКТА**

Аннотация. *Целью исследования является анализ политики органов государственной власти Российской Федерации по урегулированию конфликта в Чечне. Для этого необходимо решить следующие задачи: проследить изменения в политике федеральных властей по отношению к Чечне, начиная с 1991 г.; рассмотреть, какие методы применялись российскими властями на разных этапах конфликта, и понять, почему долгое время они не приносили существенного результата. Анализ политики федеральных властей показывает, что Центр долгое время не имел четкой стратегии разрешения этого кризиса. Российские власти на протяжении 1991–1999 гг. колебались между двумя вариантами – силовым и переговорным, не всегда последовательно прибегая то к одному, то к другому. В 1999 г. возобладал более взвешенный подход к разрешению конфликта в Чечне, сочетавший в себе комплекс силовых, дипломатических, экономических, информационно-пропагандистских мероприятий.*

Ключевые слова. *Российская Федерация; Чеченская Республика; Ичкерия; Чеченский конфликт; государственная национальная политика; этнополитический конфликт; сепаратизм; Первая Чеченская война; Вторая Чеченская война; мирное урегулирование*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the policy of the state authorities of the Russian Federation to resolve the conflict in Chechnya. To do this, it is necessary to solve the*

following tasks: to trace changes in the policy of the federal authorities in relation to Chechnya, starting in 1991; to consider what methods were used by the Russian authorities at different stages of the conflict and to understand why for a long time they did not bring significant results. An analysis of the policy of the federal authorities shows that the Center for a long time did not have a clear strategy for resolving this crisis. During 1991-1999, the Russian authorities hesitated between two options – power and negotiation, not always consistently resorting to one or the other. In 1999, a more balanced approach to resolving the conflict in Chechnya prevailed, combining a set of power, diplomatic, economic, and outreach activities.

Keywords. *Russian Federation; Chechen Republic; Ichkeria; Chechen conflict; State national policy; ethnopolitical conflict; separatism; The First Chechen War; The Second Chechen War; peaceful settlement*

Распад Советского Союза стал отправной точкой целого ряда этнополитических конфликтов, некоторые из которых перешли в вооруженное противостояние. На территории Российской Федерации одним из самых затяжных и кровопролитных оказался Чеченский конфликт, связанный с противостоянием федерального центра и сепаратистских движений, выступавших за создание независимого чеченского государства. Начавшись в 1991 г. с захвата власти сепаратистами на части территории Чечено-Ингушской АССР, он перерос в гражданскую войну в Чечне, осложненную в 1994 г. вводом федеральных войск и началом полномасштабных боевых действий. «Замороженный» в 1996 г., он с новой силой вспыхнул спустя три года. Режим контртеррористической операции на территории Чеченской Республики был отменен только в 2009 г., однако последствия конфликта дают знать себя вплоть до настоящего времени.

Одним из участников конфликта был, как уже упоминалось, федеральный центр. Целью исследования является анализ

политики органов государственной власти Российской Федерации по урегулированию конфликта в Чечне. Для этого необходимо решить следующие задачи: проследить изменения в политике федеральных властей по отношению к Чечне, начиная с 1991 г., выявить причины неоднократной смены подходов к проблеме мирного урегулирования; выяснить, как развивались взаимоотношения официальной Москвы с руководством Чеченской Республики; рассмотреть, какие методы применялись российскими властями на разных этапах конфликта и понять, почему долгое время они не приносили существенного результата; дать общую оценку российской политике, осуществляемой в Чечне, и обосновать ее эффективность.

Чеченский сепаратизм заявил о себе в конце 1980-х гг., после начала политики перестройки и вызванных ею политизации общественно-политической жизни и подъема этнополитических движений на всей территории СССР, в том числе в Чечено-Ингушетии. С 1990 г. он стал превращаться в реальную политическую силу и расширять круг своих сторонников. Органы государственной власти РСФСР (как, впрочем, и СССР) первоначально не обращали на него никакого внимания, неверно оценив его потенциал и перспективы развития ситуации в этом регионе. Тем самым была упущена возможность купировать кризис в зародыше и не допустить его перехода из латентной в острую фазу.

8 июня 1991 г. сформированный сепаратистами Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН) провозгласил так называемую «Чеченскую Республику (Ночхи-Чо)»¹, а спустя месяц заявил о выходе этой республики из состава РСФСР и СССР. Никакой реакции со стороны официальной Москвы на этот шаг не последовало. ОКЧН продолжал усиливать свои позиции, и 6 сентября созданные им вооруженные формирования захватили органы государственной власти в Грозном, разогнали Верховный Совет ЧИАССР и вынудили его председателя Д.Г. Завгаева подать в отставку. Фактически это был государственный переворот

¹ Барт (Грозный). 1991. № 10.

в отдельно взятом регионе, однако российские власти проявили странную пассивность¹.

В конечном итоге было решено попытаться найти компромиссный путь решения политического кризиса. Однако ставка на переговоры с руководством сепаратистов себя не оправдала. Исполком ОКЧН рассматривал их как показатель слабости российских органов власти и укреплял свои позиции, не встречая какого-либо противодействия со стороны Центра. Более того, переговоры в какой-то степени легитимизировали деятельность ОКЧН, в то время как противники сепаратистов не получали какой-либо действенной поддержки из Москвы².

27 октября лидер сепаратистов Д.М. Дудаев был избран президентом Чеченской Республики, и 1 ноября провозгласил независимость Чечни от РСФСР и СССР. Тогда, спустя два месяца после начала острой фазы конфликта, федеральный центр решил прибегнуть к силе. 7 ноября Президент РСФСР Б.Н. Ельцин издал указ «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике»³. Планировалось перебросить в Грозный небольшой отряд спецназа, который во взаимодействии с частями местного гарнизона должен был разоружить незаконные вооруженные формирования и взять под контроль Грозный. Однако в ходе реализации этого плана были допущены серьезные ошибки как военно-технического, так и информационно-пропагандистского характера. Сепаратисты, напротив, смогли быстро отмобилизовать свои отряды и заблокировать части федеральных сил. Кроме того, им удалось представить себя в качестве защитников суверенитета и свободы чеченского народа от «агрессии Москвы». В результате значительная часть чеченцев подержала Дудаева⁴.

¹ Зайченко Г. Чечено-Ингушетия: кунаки Ельцина взяли власть // Коммерсант. 1991. № 36. 09.09.1991.

² Осмаев А.А. Волкодлаки (Тайна гибели Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики). М., 2017. С. 54.

³ Указ Президента от 07.11.1991 года № 178 «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике» [Электронный ресурс] // Ельцин-Центр. URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/33717/> (Дата обращения: 08.03.2021)

⁴ Россия и Чечня (1990–1997 гг.): Док. свидетельствуют: [Сборник]. М., 1997. С. 35.

Среди российского руководства в эти дни не было единства мнений по поводу дальнейших действий. 11 ноября Верховный Совет РСФСР отказался утвердить указ Президента о введении чрезвычайного положения в ЧИАССР. Ельцин также не решился на эскалацию вооруженного противостояния и фактически признал свое поражение. К концу ноября территория Чечни фактически вышла из подчинения российским властям, сепаратисты взяли власть во всех районах, за исключением Надтеречного, Малгобекского, Назрановского и Сунженского (последние три вскоре объединились в Республику Ингушетия в составе России). Началось затяжное противостояние между федеральным центром и «мятежным» регионом.

В 1992–1993 гг. российские власти пытались разрешить этот конфликт путем переговоров с представителями дудаевского режима. Связано это было, прежде всего, со слабостью российской государственности, сложным социально-экономическим положением России и острым конфликтом между законодательной и исполнительной властью. Переговорный процесс протекал трудно и неоднократно прерывался, т.к. Дудаев настаивал на безусловном признании Российской Федерацией независимости Чечни¹. Многочисленные попытки российской стороны предложить компромиссный вариант, который мог бы устроить обе стороны, не находили положительного отклика со стороны чеченского руководства².

Между тем летом–осенью 1994 г. в Чечне фактически началась гражданская война между Дудаевым и его противниками. На протяжении второй половины 1994 г. у российских властей усиливалось понимание бесперспективности продолжения переговоров с представителями дудаевского режима и необходимости оказания реальной поддержки антидудаевской оппозиции,

¹ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001. С. 215.

² Коган-Ясный В.В. Политический аспект отношений федеральных органов государственной власти Российской Федерации с Чеченской Республикой в 1990–1994 гг. // Россия и Чечня: цепь ошибок и преступлений. 1994–1996. М., 1998. С. 83.

возглавляемой С.Н. Хаджиевым и У.Д. Автурхановым. Планировалось, что после свержения Дудаева удастся урегулировать все спорные вопросы с новыми региональными властями. Оппозиционные формирования начали получать финансовую и материально-техническую поддержку от федерального центра. К концу осени стало ясно, что гражданская война в Чечне зашла в тупик: ни Дудаев, ни оппозиция не могли нанести друг другу решающего военного поражения. В этих условиях перед российской властью стоял выбор: либо, как три года назад, отказаться от военного противостояния и попытаться возобновить переговоры с представителями Дудаева, де-факто признавая их право выступать от имени субъекта Федерации, либо решиться на проведение силовой операции против сепаратистов. К тому времени в среде российской политической элиты укрепились позиции сторонников «жесткой линии», настаивавших на отстранении Дудаева от власти и замене его более умеренными политическими деятелями, склонными к компромиссам с федеральным центром¹. Предполагалось, что бои будут скоротечными и завершатся быстрой победой федеральных сил. В конце концов, Президент РФ Б.Н. Ельцин поддержал силовой вариант, и 11 декабря российские войска пересекли административную границу Чечни. Начались боевые действия. Быстрой победы не получилось, более того, Дудаев вновь сумел выступить в ореоле защитника чеченского народа от внешней экспансии и привлечь на свою сторону симпатии значительной части населения республики².

Вплоть до середины 1995 г. российские власти делали главную ставку на силовое решение конфликта, насильственное отстранение сепаратистов от власти и замену их лояльными Москве политическими деятелями. Однако после теракта в Буденновске, совершенного в июне 1995 г., российские власти приняли решение о возобновлении переговорного процесса с сепаратистами³. В дальнейшем курс федерального центра неоднократно менялся.

¹ Россия и Чечня: цепь ошибок и преступлений. 1994–1996. М., 1998. С. 60.

² Коган-Ясный В.В. Указ. соч. С. 95.

³ Зорин В.Ю. Чечня: кремнистый путь к миру. С. 109–111.

Связано это было с целым рядом факторов: давлением мирового сообщества и значительной части российской общественности, требовавших прекращения боевых действий; объективной слабостью Вооруженных Сил, не готовых к ведению затяжной партизанской войны; политической конъюнктурой, связанной с парламентскими и президентскими выборами 1995–1996 гг.; отсутствием у российской политической элиты понимания сути кризиса и долгосрочной стратегии его преодоления. В результате вместо проведения какой-то определенной, взвешенной линии, официальная Москва постоянно меняла свою тактику, переходя от переговоров с сепаратистами к возобновлению боевых действий, а затем вновь возвращаясь за стол переговоров. Однако попытки федерального центра, по словам премьер-министра В.С. Черномырдина, «следовать тактике расширения мира в сочетании с жесткими силовыми методами против террористов» не только не приводили к успеху, но, напротив, только усиливали позиции дудаевцев. Российское государство терпело поражение в пропагандистской войне.

К концу 1995 г. федеральный центр отказался от каких-либо контактов с представителями Дудаева и стал оказывать поддержку новому пророссийскому Главе Чеченской Республики Д.Г. Завгаеву¹. Однако возвращение к власти Завгаева, скомпрометировавшего себя в 1991 г. и не пользовавшегося большой популярностью в чеченском обществе, вряд ли было удачным решением Кремля. Несмотря на большой объем поддержки, получаемой от федеральных властей, ему так и не удалось превратиться в самостоятельную политическую фигуру и привлечь на свою сторону большую часть чеченского общества. Гибель Дудаева в апреле 1996 г. ничего не изменила. Тогда в конце мая, в преддверии президентских выборов, Ельцин согласился на проведение переговоров с новым лидером чеченских сепаратистов З.А. Яндарбиевым о мирном урегулировании конфликта. В Москве состоялась встреча на высшем уровне, в ходе которой была достигнута договоренность о прекращении боевых действий. 10 июня в Назрани было подписано комплексное соглашение о

¹ Зорин В.Ю. Указ. соч. С. 80–87.

поэтапном восстановлении мира в Чечне. Это позволило Ельцину предстать перед избирателями в ореоле политика, успешно завершившего войну в Чечне, которая к тому времени не пользовалась поддержкой со стороны большей части россиян¹.

Вскоре после победы Ельцина на выборах федеральный центр занял жесткую позицию и вновь стал склоняться к военному решению конфликта, уповая на быстрый разгром противника. Однако в начале августа отряды сепаратистов неожиданно начали масштабное наступление, захватили Грозный и многие крупные населенные пункты Чечни. «Августовская катастрофа» вынудила российские власти пойти на фактическую капитуляцию, т.к. возможности продолжения войны были практически исчерпаны. 31 августа в дагестанском городе Хасавюрте были подписаны «Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой», согласно которым соглашение об основах взаимоотношений между РФ и ЧР должно было быть достигнуто до 31 декабря 2001 г. «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права»². В результате реализации Хасавюртовских соглашений федеральные войска начали покидать территорию Чечни. Вместе с ними уходили и пророссийски настроенные представители республиканских и местных органов государственной власти, включая Главу ЧР Д.Г. Завгаева и членов его правительства. Реальная власть в республике перешла к лидерам сепаратистов во главе с З. Яндарбиевым.

12 мая 1997 г. в Москве Президент РФ Б.Н. Ельцин и избранный Президент Чеченской Республики Ичкерия А.А. Масхадов подписали Договор «О мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия». В нем говорилось о том, что «Высокие Договаривающиеся Стороны... стремясь установить прочные, равноправные, взаимовыгодные отношения», навсегда отказываются от применения и угрозы при-

¹ Россия – Чечня. Цепь ошибок и преступлений [Электронный ресурс] // Правозащитный центр «Мемориал». URL: <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/chechen/itogi/> (Дата обращения: 08.03.2021).

² Хасавюртовские соглашения // Независимая газета. № 163. 3 сентября 1996 г.

менения силы при решении любых спорных вопросов. При этом РФ и ЧРИ договорились строить свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а взаимодействие в конкретных сферах определить путем подписания соответствующих соглашений¹. Тем самым федеральный центр де-факто признавал суверенитет Ичкерии.

Как показали дальнейшие события, конфликт был не решен, а лишь заморожен и перешел в латентную фазу. Власти Ичкерии продолжали настаивать на признании Москвой своей независимости де-юре, а в Конституции Российской Федерации Чеченская Республика по-прежнему упоминалась в качестве субъекта Федерации. Не удалось урегулировать ни один из спорных вопросов, включая возвращение всех российских военнопленных и соблюдение прав нетитульного населения на территории, подконтрольной властям ЧРИ. Возобновившийся в 1997–1998 гг. вялотекущий переговорный процесс не привел к положительным результатам². Более того, территория Чечни превращалась в плацдарм антироссийской экспансии на Северном Кавказе.

К лету 1999 г. российско-чеченские отношения в очередной раз зашли в тупик. К тому же Москва убедилась в том, что президент Ичкерии Масхадов фактически утратил контроль за ситуацией в регионе, где стремительно возрастало влияние радикальных исламистов. В августе крупные отряды ваххабитов вторглись из Чечни на территорию Дагестана, но были разгромлены. После этого российским руководством было принято решение о проведении военной операции по уничтожению боевиков на территории Чечни. 23 сентября Ельцин подписал указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Россий-

¹ Договор «О мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия» [Электронный ресурс] // Кавказский Узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/295065/> (Дата обращения: 08.03.2021).

² Осмаев А.Д. К вопросу о Хасавюртовских соглашениях (из истории российско-чеченских политических отношений в 1996 г.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2012. № 2 (17). С. 178.

ской Федерации», согласно которому создавалась Объединенная группировка войск на Северном Кавказе для проведения контртеррористической операции¹. 30 сентября российские войска вновь пересекли административную границу Чеченской Республики и начали боевые действия против отрядов сепаратистов.

Реальная выработка нового политического курса по урегулированию Чеченского конфликта была связана с именем нового российского премьер-министра В.В. Путина, который в 2000 г. сменил Ельцина на посту Президента России. На начальном этапе конфликта была сделана ставка на массированное применение федеральных войск с целью нанесения сокрушительного поражения сепаратистам. Российские власти отказались от каких-либо переговоров с Президентом ЧРИ А. Масхадовым и тем более с радикальными исламистами. Уже к весне 2000 г. вооруженные силы Ичкерии потерпели сокрушительное поражение, а под контроль федеральных сил перешла большая часть Чечни².

В марте 2000 г. В.В. Путин победил на президентских выборах под лозунгом «восстановления мира и конституционного порядка» в Чечне. После этого Правительством РФ было принято решение о завершении активной фазы боевых действий и выводе с территории ЧР регулярных частей ВС РФ. В дальнейшем федеральный центр сделал ставку на «чеченизацию» конфликта, которая предусматривала привлечение на сторону российских властей части элиты и бывших участников чеченских вооруженных формирований. Так, во главе прокремлевской администрации Чечни в 2000 г. стал бывший сторонник сепаратистов, главный муфтий Чечни А.А. Кадыров. Широко практиковалась амнистия бывшим участникам незаконных вооруженных формирований и привлечение их к активной борьбе с сепаратистами. Лица, зани-

¹ Указ Президента РФ от 23 сентября 1999 г. № 1255с «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Гарант. URL: <https://base.garant.ru/184295/> (Дата обращения :08.03.2021).

² Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002. С. 320.

мавшие руководящие посты в органах государственной власти Ичкерии, получали высокопоставленные должности в органах государственной власти ЧР, становились депутатами регионального парламента при условии сотрудничества с федеральными властями. «Чеченизация» предусматривала количественное (создание новых подразделений, дополнительные поставки военной техники) и качественное (улучшение подготовки солдат, перевооружение современным оружием и техникой) развитие российской 58-й армии, создание и комплектование гомогенных чеченских мобильных отрядов под руководством ГРУ и ФСБ. Одновременно было объявлено о начале постепенного вывода российских войск из республики, рассчитанного на несколько лет. Согласно этой политике, РФ гарантировала своим союзникам в Чечне значительную экономическую и военную помощь в случае необходимости отражения агрессии со стороны сил сепаратистов. Наконец, из федерального бюджета выделялись значительные финансовые средства на восстановление и реконструкцию экономики и социальной сферы Чеченской Республики, серьезно пострадавших в ходе боевых действий¹.

Что же касается радикально настроенных сторонников независимости Чечни, то Кремль отказался от каких-либо переговоров с ними и встал на путь прямого физического уничтожения наиболее влиятельных политических и военных деятелей Ичкерии. Эта стратегия, казалось, начала приносить успех. На протяжении 2000-х гг. большая часть полевых командиров была убита или покинула Чечню. В 2005 г. в ходе спецоперации был убит президент Ичкерии А. Масхадов, а в следующем году – его преемник А.-Х. Садулаев.

В то же время в 2004 г. в ходе террористического акта погиб президент Чеченской Республики А. Кадыров. Федеральный центр оказался в сложной ситуации выбора, т.к. среди чеченских политических деятелей, придерживавшихся пророссийской ориентации, существовало острое соперничество. В конечном итоге

¹ Осмаев А.Д. Общественно-политическая и повседневная жизнь Чеченской Республики в 1996–2005 гг.: автореферат диссертации ... доктора исторических наук: 07.00.02. Махачкала, 2010. С. 35–40.

В.В. Путин решил поддержать сына погибшего чеченского президента Ахмата Кадырова Рамзана. В 2005 г. Р.А. Кадыров стал премьер-министром, а в 2007 г. – президентом Чечни. Демонстрируя лояльность федеральным властям, Кадыров с молчаливого согласия российского истеблишмента и лично В. Путина методично укреплял свою власть. Российское руководство санкционировало создание довольно многочисленных и хорошо оснащенных военнизированных отрядов, подконтрольных Кадырову, которые не только принимали активное участие в боях с сепаратистами, но и служили надежной опорой чеченскому лидеру в его борьбе с политическими оппонентами. Кроме того, из федерального бюджета Чечня регулярно получала значительные денежные суммы¹.

Итак, какие можно сделать выводы? Политика российских властей по урегулированию Чеченского кризиса прошла два больших этапа. На первом (1991–1999 гг.) она не отличалась постоянством. Более того, отсутствовала долгосрочная стратегия разрешения конфликта, а подходы, применяемые властью, постоянно менялись. Федеральный центр то инициировал переговорный процесс с лидерами сепаратистов, то пытался действовать с позиции силы. Эти колебания не только не приводили к успеху, но, напротив, не позволили в 1991 г. сравнительно быстро и безболезненно купировать кризис, не дать ему перерасти в полномасштабное вооруженное противостояние. Эту возможность Москва упустила. В 1992–1993 гг. власти России избегали перехода конфликта в военную стадию и делали ставку на развитие переговорного процесса, надеясь согласовать текст Договора о разграничении предметов ведения между Российской Федерацией и Чеченской Республикой. Впрочем, успеха они вновь не достигли. В 1994 г. политика российских властей начала меняться. Укрепление позиций Федерального Центра и нарастание внутричеченского кризиса привело к усилению сторонников «жесткой линии» в окружении Президента Ельцина, которые попытались оказать давление на Дудаева с целью вынудить того уйти в отставку. После отказа чеченского президента оставить свой пост, федеральные власти приняли ре-

¹ Малащенко А.В. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности. М., 2009. С. 90–95.

шение об оказании масштабной военной и финансовой поддержки антидудаевскому Временному Совету. В конце года сторонники силовой линии в российском руководстве окончательно взяли верх. Было принято принципиальное решение о проведении войсковой операции на территории Чечни. Как известно, при этом была допущена переоценка сил и боеспособности федеральных войск, недооценка вооруженных формирований противника и внутренних ресурсов к эффективному сопротивлению дудаевского режима, а также менталитета чеченского народа, значительная часть которого восприняла ввод федеральных войск в качестве агрессии и выступила на стороне Дудаева.

В первой половине 1995 г. федеральный центр занимал жесткую линию, уповая на быстрый разгром вооруженных формирований сепаратистов. Убедившись в бесперспективности исключительно силовых методов решения конфликта, федеральная сторона в июне 1995 г. инициировала начало полномасштабного переговорного процесса с представителями Дудаева. Соглашение от 30 июля и последующие шаги по его реализации открывали реальную возможность мирного урегулирования конфликта на основе взаимных компромиссов. Однако во второй половине 1995 г. уже сепаратисты заняли неконструктивную позицию и своими провокационными действиями осенью фактически сорвали переговорный процесс.

В конце весны 1996 г. в преддверии президентских выборов, российские власти вновь стали склоняться к возобновлению переговорного процесса с сепаратистами, чтобы иметь возможность формально заявить об окончании боевых действий. Встреча на высшем уровне Б.Н. Ельцина и лидера чеченских сепаратистов З.А. Яндарбиева 27–28 мая в Москве, а также подписание 10 июня в Назрани ряда документов, направленных на прекращение боевых действий и поэтапное решение блока военных и политических вопросов, демонстрировали готовность сторон к налаживанию диалога друг с другом. Однако уже в июле Кремль вновь склонился к силовому варианту решения конфликта. В августе 1996 г., после захвата вооруженными отрядами сепаратистов Грозного и других

крупных населенных пунктов Чечни, начался последний этап попытки мирного решения конфликта. Его основными вехами стало подписание 31 августа 1996 г. соглашений в Хасавюрте и заключение 12 мая 1997 г. мирного договора между РФ и ЧРИ. В результате достигнутых договоренностей боевые действия прекратились, федеральные войска ушли из Чечни, а решение вопроса о статусе территории было отложено до 31 декабря 2001 г. Следует отметить, что федеральный центр фактически утратил контроль за ситуацией в регионе, а реальная власть оказалась сосредоточена именно в руках сепаратистов. Говоря о Хасавюртовских соглашениях, нельзя не констатировать, что они представляли собой фактически капитуляцию федерального центра.

В 1999 г. начался новый этап политики российских властей по преодолению Чеченского конфликта. Он был связан с приходом к власти нового российского лидера – В.В. Путина и его команды. Действия федеральных властей стали более взвешенными и четкими. Они были направлены, с одной стороны, на изоляцию, маргинализацию и силовое подавление радикального этнического и конфессионального сепаратизма, а с другой – на привлечение на свою сторону представителей умеренного крыла чеченского этнополитического движения и рядовых боевиков. Большое внимание уделялось экономическому восстановлению Чеченской Республики, финансовым вливаниям в региональный бюджет, налаживанию диалога с чеченским обществом и, в целом, имиджевому обеспечению проводимой федеральными властями политики.

После окончания активной фазы боевых действий Москва делала последовательную ставку на «чеченизацию» вооруженного конфликта и налаживание конструктивных взаимоотношений с семьей Кадыровых и их сторонниками, которым передавались все рычаги управления в регионе. Однако можно ли говорить, что политика федерального центра достигла успеха? Напомним, что основная цель, которую ставил перед собой Кремль – возвращение Чечни в конституционно-правовое поле Российской Федерации.

16 апреля 2009 г. в Чеченской Республике был официально отменен режим контртеррористической операции. Эта дата некоторыми исследователями считается условным завершением Чеченского конфликта, однако на самом деле еще в начале 2000-х гг. он вышел за пределы Чечни и распространился на другие регионы Северного Кавказа, где началось затяжное вооруженное противостояние между российскими и региональными властями с одной стороны, и радикальными исламистами, выступавшими за создание мусульманского теократического государства, с другой. Только к концу 2010-х гг. Москва смогла стабилизировать ситуацию в регионе.

Что же касается самой Чечни, то по всем формальным признакам она – типичный субъект Российской Федерации. Однако в реальности вся полнота власти сконцентрирована в руках Главы Чеченской Республики, который является самостоятельной политической фигурой в отличие от руководителей других регионов. Наверное, Кремль и сам не заметил, как оказался созависимым от чеченского истеблишмента, возглавляемого Р.А. Кадыровым, который имеет свое видение политического будущего Чечни и Северного Кавказа в целом. По моему мнению, правильным будет констатировать, что Чеченский конфликт был переведен из острой фазы в латентную, но причины, породившие его, российские власти не смогли (или не захотели) устранить. Вне всякого сомнения, это таит в себе потенциальную угрозу, которую новое поколение российских этнополитиков должно постоянно держать в пределах своего внимания.

Список литературы и источников

1. *Зорин В.Ю.* Чечня: кремнистый путь к миру. – М.: «Виоланта», 1997. – 381,[2] с., [8] л. ил.
2. *Коган-Ясный В.В.* Политический аспект отношений федеральных органов государственной власти Российской Федерации с Чеченской Республикой в 1990–1994 гг. // Россия и Чечня: цепь ошибок и преступлений. 1994–1996. М., 1998. С. 70–95.
3. *Мяло К.Г.* Россия и последние войны XX века (1989–2000). К истории падения сверхдержавы. – М.: Вече, 2002. – 480 с.

4. *Осмаев А.А.* Волкодлаки. (Тайна гибели Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики). – М.: МБА, 2017. – 124 с.
5. *Осмаев А.Д.* Общественно-политическая и повседневная жизнь Чеченской Республики в 1996–2005 гг.: автореферат диссертации ... доктора исторических наук: 07.00.02. – ИИАЭ ДНЦ РАН. – Махачкала, 2010. – 54 с.
6. Россия и Чечня (1990–1997 гг.): Док. свидетельствуют: [Сборник] / Всерос. обществ.-полит. движение «Духов. Наследие»; [Отв. ред. И.Н. Еременко, Ю.Д. Новиков]. – М.: АО «РАУ-ун-т», 1997. – 264 с.
7. Россия – Чечня: цепь ошибок и преступлений. – М.: «Звенья, 1998. – 600 с.
8. *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука. 2001. – 552 с. ил.

**О РОЛИ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА
В АФГАНСКОМ ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ
1979–1989 гг.**

Аннотация. *Статья посвящена изучению этнического фактора, выявлению его роли и места в Афганском военном конфликте 1979–1989 гг. Автор выделяет пять основных составляющих, которые определили значимую роль этнического фактора в афганских событиях 1980-х гг.: отсутствие у правительства НДПА четкой стратегии в сфере национальной политики; вызванный войной поток беженцев, среди которых преобладали пуштуны; возникновение в Афганистане института полевых командиров и рост регионального влияния этого социального института в 1980-е гг.; вызванное затяжной гражданской войной ослабление центральной власти и в противовес ему возникшее усиление власти «на местах», в том числе и базирующееся на этнической основе; уменьшение роли религиозного фактора после вывода из Афганистана советских войск и возрастание роли фактора этнического.*

Ключевые слова: *афганская война, война в Афганистане 1979–1989 гг., Афганистан, пуштуны, этнический фактор, таджики*

Abstract. *The article is devoted to studying the ethnic factor, identifying its role and place in the Afghan military conflict of 1979-1989. The author identifies five main components that determined the significant role of the ethnic factor in the Afghan events of the 1980s: the government of the PDPA has no clear strategy in the field of national policy; the war-induced flow of refugees, among whom the Pashtuns dominated; the*

emergence in Afghanistan of an institution of field commanders and the growing regional influence of this social institution in the 1980s; The weakening of the central authority caused by the protracted civil war and, as opposed to it, the resulting strengthening of power on the ground, including on an ethnic basis; a decrease in the role of the religious factor after the withdrawal of Soviet troops from Afghanistan and an increase in the role of the ethnic factor.

Keywords: *Afghan war, war in Afghanistan 1979–1989, Afghanistan, Pashtuns, ethnic factor, Tajiks*

Известным фактом является то, что Афганистан – многонациональное, этнически пестрое государство. Афганистан как государство в своих современных границах (часть территории Афганистана в конце XIX в. вошла в состав Британской Индии согласно неравноправному договору с Великобританией) появился в XVIII в., и на протяжении нескольких столетий его существования взаимоотношения составляющих население Афганистана этносов были разными и не всегда простыми. Поэтому можно утверждать, что этнический фактор всегда оказывал влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в Афганистане. Но в рамках настоящей статьи автора интересует, как этнический фактор реализовался в рамках афганского вооруженного конфликта 1979–1989 гг. (с участием советских войск), более известного как «Афганская война», и какое влияние оказывал этот фактор на данный военный конфликт.

Говоря об афганском вооруженном конфликте 1979–1989 гг., большинство исследователей, как правило, подчеркивают доминирующую роль религиозного (исламского) фактора, мобилизовавшего значительную часть населения страны на борьбу с официальным правительством и с советскими войсками. Тем не менее роль этнического фактора неверно было бы недооценивать, что справедливо отмечается, во-первых, некоторыми востоковедами и этнографами (что будет рассмотрено ниже); а

во-вторых, особая роль этнического фактора была ярко продемонстрирована после ухода из Афганистана советских войск.

Разумеется, на конфликт в Афганистане 1979–1989 гг. воздействовали разные факторы: религиозный, экономический, клановый, политический и т.д., и для полного изучения этого конфликта нельзя пренебречь ни одним из них, но эта статья будет посвящена влиянию собственно этнического фактора, который с учетом специфики Афганистана как исторически многонационального государства представляется весьма важным. Рассмотрение этнического фактора в афганском вооруженном конфликте 1979–1989 гг. и будет главной темой статьи, а определение степени и форм его влияния на конфликт – главной задачей. Тема представляется весьма актуальной ввиду того, что этнический фактор ярко проявляется и по сей день в локальных вооруженных конфликтах в различных частях Земли, и рассмотрение этого фактора в военном конфликте относительно недавнего прошлого может быть полезным для урегулирования текущих и будущих локальных вооруженных конфликтов, в которых каким-либо образом проявляется этническая составляющая.

Государствообразующим народом в Афганистане являются пуштуны. Вторым по численности этносом являются таджики. Также в Афганистане представлены туркмены, хазарейцы, узбеки, нуристанцы и некоторые другие народы. Какими-то отдельными этническими группами в вопросе об их влиянии на афганский вооруженный конфликт 1979–1989 гг. можно пренебречь – например, крайне малым количеством местных индийцев или евреев (последние и вовсе практически полностью эмигрировали из Афганистана в 1980-е и 1990-е гг.¹). Таким образом, на протяжении XVIII – XIX вв. и значительной части XX в. преобладающее влияние на внутреннюю и внешнюю политику Афганистана оказывали пуштуны. Правящая королевская династия в

¹ Григорьев С.Е. Евреи Афганистана // Евреи Европы и Ближнего Востока: наследие и его ретрансляция. История, языки, литература, культура. Материалы международной научной конференции памяти Э. Брамсон-Альпернене. Серия «Труды по иудаике. История и этнография». СПб.: Петербургский институт иудаики, 2017. С. 163.

Афганистане также была пуштунской. Однако негативное влияние (которое до сих пор не изучено в достаточной степени) на политическое развитие Афганистана и национальное самосознание афганцев оказало состоявшееся в конце XIX в. отделение от Афганистана в пользу Британской Индии части афганских территорий, вследствие чего за пределами Афганистана оказалось не менее трети населяющих его накануне этого отделения этнических пуштунов. Тем не менее пуштуны продолжали оставаться государствообразующим и доминирующим этносом страны.

1970-е гг. принесли с собой изменения, оказавшие радикальное и даже «роковое» влияние на политическое развитие Афганистана: в 1973 г. в результате по сути «дворцового» переворота, совершенного двоюродным братом короля Мохаммеда Захир Шаха М. Даудом пала афганская монархия; а в апреле 1978 г. в результате Апрельской революции был в свою очередь свергнут и политический режим президента М. Дауда, а власть перешла в руки членов просоветской и социалистической партии НДПА¹. Довольно резкие социально-экономические и политические реформы, проводимые представителями новой власти, а также некоторые другие факторы, рассмотрение которых выходит за рамки этой работы, привели к началу гражданской войны на территории Афганистана. Что интересно, одними из первых против нового правительства выступили этнические меньшинства – в частности, хазарейцы и нуристанцы². Ю.П. Босин пишет об этом: «Одними из первых (уже в октябре 1978 г.) открыли вооруженное сопротивление новой власти нуристанцы, а вскоре хазарейцы»³.

События в Афганистане приняли еще более драматичный поворот после ввода на территорию этой страны Ограниченного контингента советских войск⁴ в декабре 1979 г., что способствовало обострению конфликта. Как же выражался именно этнический фактор на протяжении 1980-х гг. в афганском вооруженном

¹ Здесь и далее НДПА – Народно-Демократическая партия Афганистана.

² Имели традиционно сложные отношения с официальным Кабулом, так как были обращены в ислам только в конце XIX века.

³ Босин Ю.В. Роль и соотношение исламского и этнического... С. 183.

⁴ Далее ОКСВ.

конфликте? Автор считает уместным выделить несколько основных тезисов, обозначив их цифрами, и при этом подчеркнуть, что каждый из них требует отдельного обстоятельного научного исследования. Собственно, эти тезисы и являются ядром и главными научными результатами настоящей работы.

1. Правительство НДПА не имело четкой программы по «национальному вопросу», что было его стратегическим просчетом¹. Некоторые меры предпринимались (например, выпуск прессы и организация радиовещания на языках этнических меньшинств страны²), но это не было единой продуманной системой, а реализовывалось в форме каких-то отдельных мероприятий. Впрочем, саму НДПА на протяжении всего периода ее нахождения у власти тоже разъедала межфракционная борьба, вызванная в том числе и межэтническими противоречиями.
2. Еще до ввода в Афганистан советских войск, в конце 1970-х гг., за пределы страны устремился вызванный нарастающим ухудшением внутривнутриполитической ситуации поток беженцев³ – преимущественно в Пакистан, также в меньшей степени в Иран и в некоторые другие страны. Ввод ОКСВ способствовал усилению этого потока, и в середине 1980-х гг. Афганистан занял первое место в мире среди стран по числу покинувших ее жителей – по свидетельству ООН, афганцы составили «самую крупную группу беженцев в мире»⁴. В XX в. в Афганистане никогда не проводилась перепись, которая могла бы дать точные сведения о его населении, но с очень высокой долей вероятности можно полагать, что до 1980-х гг.

¹ Босин Ю.В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть... С. 135.

² Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки – Амина (1978–1979 гг.). Симферополь: издательство Симферопольского государственного университета, 1999. С. 45.

³ Saunders H. Afghan refugees // Department of state bulletin. 1979. V. 79. № 2033. P. 54.

⁴ A/41/778. 9 января 1987 г. Доклад Экономического и Социального Совета ООН. Положение в области прав человека в Афганистане [Электронный ресурс]. Официальный сайт ООН. С. 7. URL: <https://undocs.org/ru/a/41/778> (Дата обращения: 17.01.2021).

этническим большинством в стране были пуштуны, которые составили значительный процент из числа покинувших Афганистан беженцев. Некоторые исследователи делают вывод, что вследствие состоявшегося в 1980-е гг. массового исхода населения из Афганистана его этнический состав претерпел изменения, и пуштуны перестали быть этническим большинством¹, что в итоге не могло не оказать влияние на самые разные стороны внутривнутриполитической жизни Афганистана и способствовать усилению этнических непуштунских элит севера страны, в том числе таджиков и узбеков.

3. Известно, что на протяжении всего афганского вооруженного конфликта 1979–1989 гг. (с участием СССР) антиправительственную афганскую оппозицию представляли главным образом семь партий – Исламская Партия Афганистана (ИПА), Исламское Общество Афганистана (ИОА), Исламская партия Афганистана М.Ю. Халеса, Исламский Союз за освобождение Афганистана (ИСОА), Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА), Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА) и Движение исламской революции Афганистана ДИРА – центры (штаб-квартиры) и лидеры которых находились в Пакистане². Также были и шиитские партии, центры и лидеры которых расположились в Иране.

Но вместе с тем в самом Афганистане, на его территории, значимую роль стали играть полевые командиры, которые, как правило, являлись членами какой-то крупной партии (по меньшей мере формально), но их престиж и влияние могли быть очень высоки и связывались и ассоциировались не столько с партией, сколько с личностью самого полевого командира. Например, это Ахмад Шах Масуд в Панджшере или Д. Хакани в провинции Пактия, Исмаил-Хан в Герате и т.д. В ряде случаев эти полевые командиры устанавливали на подконтрольной им

¹ Лалетин Ю.П. Этнос в Афганистане... С. 371.

² Более подробно про это можно прочитать здесь: Слинкин М.Ф. Указ. соч. или здесь: Спольников В.Н. Афганистан. Исламская оппозиция: истоки и цели. М.: Наука, 1990. 187 с. Эти же авторы пишут и про шиитские антиправительственные организации.

территории систему личной власти, основывая ее нередко и на основании этнической принадлежности.

Это становление и усиление системы власти полевых командиров, имевшее место в 1980-е гг., способствовало последующей фрагментации страны в том числе по этническому признаку¹, что особенно ярко проявилось уже после вывода ОКСВ из Афганистана и начала гражданской войны между самими моджахедами, которые недавно сражались против правительственных афганских и советских войск. Кроме того, и само афганское антиправительственное движение изначально имело в себе довольно значимую этническую составляющую, способствовавшую его разьединению, о чем пишут, например, Ю.П. Босин² и З. Халилзад³.

4. Совершенно закономерное в условиях жестокого гражданского противостояния ослабление и размывание центральной власти привело в противовес этому к усилению политической власти «на местах». Исторически в Афганистане никогда не было сильного централизованного государства в том смысле слова⁴, в котором это понимается в европейской истории и политологии, зато постоянно сохранялись родоплеменные структуры и их элементы, осуществляющие локальную политическую власть. Гражданская война конца 1970-х и 1980-х гг. еще больше обострила эту уже имеющуюся традиционную черту афганского общества. В свою очередь, усиление местной политической власти и размывание власти центральной приводили в том числе и к этническому разделению в границах государства, когда его части обособлялись по клановому, территориальному, этническому и другим признакам или же стремились к этому⁵.

¹ Лалетин Ю.П. Племя и государство в Афганистане... С. 63.

² Босин Ю.В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть... С. 154.

³ Khalilsad Z. Soviet-occupied Afghanistan // Problems of communism. 1980. № 206. P. 11–16.

⁴ Дьяконова М.А. Конфессиональный фактор во внешней политике государства (на примере Афганистана) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2013. № 6 (1). С. 365.

⁵ Босин Ю.В. Афганистан... С. 157.

Тем не менее на протяжении десятилетий предыдущей истории страны государство было самым сильным актором в сравнении со структурами региональной племенной и этнической власти, а в 1980-е гг. оно превратилось лишь в одного из многих политических игроков, что хорошо подметил Ю.В. Босин: «Центральная власть, традиционно обладавшая безусловным военным превосходством над всеми этническими и племенными группами, превратилась лишь в одного из многих игроков на афганской политической сцене»¹.

5. Из всех внутренних факторов афганского вооруженного конфликта 1979–1989 гг. изначально наиболее сильно и четко проявлялся религиозный фактор. Борьба с «неверными», к которым в глазах многих афганцев независимо от их этнической принадлежности вполне можно было отнести и советские войска, и социалистическое правительство, касалась практически всех жителей Афганистана, которые по вероисповедному признаку преимущественно являются мусульманами². Но после вывода ОКСВ из Афганистана и последующего падения режима НДПА религиозный фактор «ушел в тень», и на передний план вышел фактор этнический³, который и сейчас продолжает оставаться довольно значимым препятствием для политического урегулирования ситуации в Афганистане⁴.

Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что все выдвинутые автором тезисы требуют отдельного исследования в рамках каждого из них, то есть эту тему – роли этнического фактора в афганском

¹ Там же. С. 160.

² Босин Ю.В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть... С. 163, 184.

³ Лалетин Ю.П. Племя и государство в Афганистане... С. 8; Босин Ю.В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть... С. 164; Лалетин Ю.П. Этноты в Афганистане... С. 376; Арунова М.Р. Этнический фактор во внутриафганском конфликте... С. 211.

⁴ Об этом более подробно можно узнать здесь: Джавад Х. Анализ этнополитического фактора, препятствующего политическому развитию Афганистана // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2018. № 3–4 (13–14). С. 43–49; или здесь: Абдуллоев Р. Этнополитические процессы в Афганистане после 2001 года // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. № 1. С. 7–17.

вооруженном конфликте 1979–1989 гг. – нельзя считать в должной мере раскрытой. Скорее, автор хотел бы создать «дорожную карту» для дальнейших штудий в этом направлении.

Пока же можно прийти к предварительным выводам, что этнический фактор сыграл достаточно значимую роль в афганском вооруженном конфликте 1979–1989 гг. и его усилению способствовали следующие явления: плохо продуманная национальная политика НДПА; массовый исход из Афганистана беженцев, среди которых численно преобладали пуштуны, что могло изменить традиционное соотношение этносов в Афганистане (попросту говоря, сделать пуштунов из этнического большинства меньшинством); возникновение и становление – в том числе и на этнической основе – института полевых командиров практически во всех регионах Афганистана, в руках которых сосредотачивалась местная власть; размывание и ослабление центральной политической власти и соответственно усиление власти «на местах» – в частности, усиление власти этнических местных элит; уменьшение роли религиозного фактора в афганском военном конфликте уже после вывода ОКСВ из Афганистана и соответственно выход на передний план фактора этнического. Но первоначально этнический фактор все же проявлялся скрыто, «уходя в тень» на фоне прочих факторов и причин локального афганского военного конфликта 1979–1989 гг. Эти выводы, по мнению автора, намечают перспективные пути для дальнейших более детальных исследований поднятого в статье проблемного вопроса.

Список литературы и источников

1. А/41/778. 9 января 1987 г. Доклад Экономического и Социального Совета ООН. Положение в области прав человека в Афганистане [Электронный ресурс]. Официальный сайт ООН. URL: <https://undocs.org/ru/a/41/778> (Дата обращения: 17.01.2021).
2. *Абдуллоев Р.* Пуштуны в политической жизни Афганистана // *Центральная Азия и Кавказ*. 2013. Т. 16. № 1. С. 85–95.
3. *Абдуллоев Р.* Этнополитические процессы в Афганистане после 2001 года // *Центральная Азия и Кавказ*. 2013. Т. 16. № 1. С. 7–17.

4. *Аракелова В., Хачатурян Н.* По обе стороны конфликта: исмаилиты в афганской войне 1979–1989 гг. // *Causaso-Caspica*. Труды Института востоковедения Российско-армянского университета / Под ред. Г. Асатрян. Ереван: издательство Российско-Армянского (Славянского) университета, 2019. С. 217–224.
5. *Арунова М.Р.* Этнический фактор во внутриафганском конфликте // *Мусульманские страны у границ СНГ (Афганистан, Пакистан, Иран и Турция – современное состояние, история и перспективы)* / Ответственные редакторы В.Я. Белокреницкий и А.З. Егорин. М.: Институт востоковедения РАН, издательство «Крафт+», 2001. С. 210–217.
6. *Босин Ю.В.* Роль и соотношение исламского и этнического факторов во внутриафганском конфликте // *Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии)* / Ответственные редакторы В.Я. Белокреницкий и А.З. Егорин. М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. С. 180–187.
7. *Босин Ю.В.* Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М.: Издательство «Гуманитарий» Академия гуманитарных исследований, 2002. 232 с.
8. *Джавад Х.* Анализ этнополитического фактора, препятствующего политическому развитию Афганистана // *Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права*. 2018. № 3–4 (13–14). С. 43–49.
9. *Дьяконова М.А.* Конфессиональный фактор во внешней политике государства (на примере Афганистана) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение*. 2013. № 6 (1). С. 364–368.
10. *Григорьев С.Е.* Евреи Афганистана // *Евреи Европы и Ближнего Востока: наследие и его ретрансляция. История, языки, литература, культура. Материалы международной научной конференции памяти Э. Брамсон-Альпернене. Серия «Труды по иудаике. История и этнография»*. СПб.: Петербургский институт иудаики, 2017. С. 157–163.
11. *Искандаров К.* Таджики Афганистана в процессе этнополитических противоречий страны // *Вестник Таджикского национального университета*. 2017. № 3–6. С. 12–20.

12. *Коргун В.Г.* Ислам и национальный вопрос в Афганистане // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии / Ответственные редакторы В.Я. Белокреницкий и А.З. Егорин. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 107–114.
13. *Лалетин Ю.П.* Этносы в Афганистане: напряженность взаимоотношений // Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М.: МГИМО-Университет, 2005. С. 353–378.
14. *Лалетин Ю.П.* Племя и государство в Афганистане: идеальный тип (модель) политсистемы ряда стран Западной Азии. М.: МГИМО МИД России, 2008. 105 с.
15. *Рейснер И.М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: издательство АН СССР, 1954. 417 с.
16. *Слинкин М.Ф.* Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки – Амина (1978–1979 гг.). Симферополь: издательство Симферопольского государственного университета, 1999. 359 с.
17. *Спольников В.Н.* Афганистан. Исламская оппозиция: истоки и цели. М.: Наука, 1990. 187 с.
18. *Dupree L.* Afghanistan. Princeton: Princeton University press, 1980. 778 p.
19. *Khalilsad Z.* Soviet-occupied Afghanistan // Problems of communism. 1980. № 206. P. 11–16.
20. *Rais R.B.* Recovering the Frontier State. War, Ethnicity, and State in Afghanistan. Lanham: Lexington Books, 2009. 237 p.
21. *Rubin B.* The Fragmentation of Afghanistan. State formation and collapse in the international system. New Haven and London: Yale University Press, 1995. 420 p.
22. *Saunders H.* Afghan refugees // Department of state bulletin. 1979. V. 79. № 2033. P. 54.

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ
В РЕСПУБЛИКЕ ИНГУШЕТИЯ
(ОСЕНЬ 2018 – НАЧАЛО 2019 г.)**

Аннотация. *В данной статье дается краткий обзор проблем этноконфессионального характера, с которыми столкнулась Республика Ингушетия в период осени 2018 – начала 2019 г. Общественно-политический кризис в регионе оказался неизбежен в условиях отсутствия с одной стороны, диалога между властью и обществом, а с другой, по причине территориальных разногласий, возникших в результате подписания Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой¹. Попытка региональных властей решить проблему силовыми методами только лишь обострила кризис и привела к требованию представителей многочисленных родов и суфийских общин к смене руководства Ингушетии.*

Ключевые слова: *Ингушетия, ингуши, границы, территориальное соглашение, митинги, этноконфессиональные отношения*

Abstract. *This article gives a brief overview of the problems of an ethno-confessional nature that the Republic of Ingushetia faced in the period of autumn 2018 – early 2019. The socio-political crisis in the region was inevitable in the absence of one side, dialogue between the authorities and society, and on the other, due to territorial differences, arising from the signing of the Agreement*

¹ Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой. <http://docs.cntd.ru/document/550204892> (Дата обращения: 25.01.2021).

on the Establishment of the Border between the Republic of Ingushetia and the Chechen Republic. The attempt of the regional authorities to solve the problem by force only exacerbated the crisis and led to the demand of representatives of numerous clans and Sufi communities for a change of leadership of Ingushetia.

Key words: *Ingushetia, Ingush, borders, territorial agreement, rallies, ethno-confessional relations*

Республика Ингушетия вступила в 2020 г. с кризисом, существенно влияющим на общественно-политическую жизнь региона, и явившимся наследием событий осени 2018 – начала 2019 г. Актуальность данного исследования заключается в необходимости анализа роли этноконфессионального фактора в событиях указанного периода, с учетом весьма отрывочных знаний современной науки проблем, с которыми столкнулся самый молодой регион РФ в указанный период.

Следует также отметить, что основные публикации, посвященные проблеме кризиса Ингушетии 2018–2019 гг. исследуют проблему общественно-политического характера, при этом игнорируя более серьезные трансформации в этноконфессиональных процессах республики. Однако интересны некоторые выводы, которые сделаны Р. Сулеймановым в своей статье, где он отмечает, что «вопрос об установлении административной границы между Чечней и Ингушетией может быть решен исключительно в рамках действующего на территории РФ законодательства. А противоречия, возникшие вследствие соглашения об административной границе между Чечней и Ингушетией, носят исключительно политический или юридический характер и, очевидно, могут быть урегулированы (или уже урегулированы) в рамках правового поля и действующего на территории Российской Федерации светского законодательства»¹. Это, пожалуй, единствен-

¹ Сулейманов Р.В. Ислам vs политика, или вопросу об административной границе между Чечней и Ингушетией. <https://cyberleninka.ru/article/n/islam-vs-politika-ili-k-voprosu-ob-administrativnoy-granitse-mezhdu-chechney-i-ingushetiey> (Дата обращения: 12.11.2021).

ное исследование, в котором роль религиозных деятелей, шариатского права, а также ситуация с конфликтом внутри Муфтията, упоминается в контексте общественно-политического кризиса.

Что касается основной аналитики кризиса в Ингушетии, то последствия, которые несли многочисленные митинги в республике с требованием отставки главы региона, а также возрастающие противоречия между двумя этносами – ингушами и чеченцами, были табуированы в публикационной деятельности. Лишь изредка в медийном пространстве ряда независимых журналов, политических обозревателей, сайтов и социальных сетей обнаруживается информация. К таковым следует отнести следующие: сайты – Новая Газета¹, Кавказский узел², РИА Новости³, Caucasustimes⁴ и др.

В этой связи, необходимость оценки процессов этноконфессиональной составляющей в регионе, ее роли в общественно-политической ситуации, в которой оказалась республика, являются актуальной задачей.

Развернувшиеся противоречия между двумя соседними регионами Республикой Ингушетией (далее РИ) и Чеченской Республикой (далее ЧР) породили целый комплекс серьезных трансформаций в общественном сознании. В том числе, когда речь идет об этноконфессиональных отношениях.

В 2018 г. в Ингушетии уже наблюдалось нарастание недовольства политикой, проводимой командой главы региона Ю.-Б. Евкурова. Очередное утверждение его на посту главы вызвало негодование, так же, как и широко распространяющаяся в различных ведомствах коррупционная деятельность. Данная политика привела и к серьезному разногласию как в межконфессиональных отношениях на уровне двух регионов, так и внутри ингушского ислама.

Что касается этноконфессиональных отношений, то здесь необходимо отметить резко обострившийся конфликт между Духовным управлением мусульман РИ – Муфтиятом и Управлением по

¹ <https://novayagazeta.ru/>

² <https://www.kavkaz-uzel.eu/>

³ <https://ria.ru/>

⁴ <https://caucasustimes.com/ru/>

делам религии при главе республики. Сам факт образования нового органа при главе свидетельствовал о том, что светская власть региона старается контролировать и применять религиозный фактор в своей политике. Провокации, между тем, внутри ингушского ислама в указанный период возрастают. В обществе недоверие, как к региональным властям, так и к духовному управлению, приводит к столкновению интересов политики и общественности.

Новые позиции муфтия РИ И. Хамхоева вызвали неодобрение со стороны главы региона, что привело, в конечном счете, к его вмешательству в деятельность Муфтията. Республиканскими властями было дано требование покинуть занимаемый И. Хамхоевым пост, после чего муфтий обратился с просьбой о поддержке к главе ЧР. Конфликт между главой и муфтием перешел в новую плоскость, и продолжился вплоть до создания Ю.-Б. Евкуровым Управления по делам религии в качестве совещательного органа в системе правительства республики.

Общественность накануне событий 2018 г. прогнозировала перспективы более серьезных конфликтов в этноконфессиональных отношениях, и И. Хамхоеву 17 июля 2019 г. пришлось освободить занимаемый им на протяжении длительного времени пост муфтия. Это решение было принято и по причине того, чтобы не оказаться в серьезной оппозиции к другим религиозным деятелям и преодолеть конфликт между светской властью и муфтиятом. Также, чтобы не создавалось ощущение у светских властей, что он в противостоянии с ушедшим в отставку Ю.-Б. Евкуровым вышел победителем: муфтием тогда был избран его заместитель Абдурахман Мартазанов.

Назначение нового муфтия не решило в целом проблемы, однако заморозило уже имеющиеся. С началом распространения пандемии новый муфтий оказался серьезно болен и в апреле 2020 г. скончался. Вновь муфтием был объявлен И. Хамхоев, который уже не имел в лице бывшего главы противника его политики, а в условиях нового управленца М.-А. Калиматова продолжает руководить религиозной общиной в Ингушетии и в настоящее время. Тот факт, что сегодня И. Хамхоев вновь занимает место руководи-

теля духовного органа мусульман Ингушетии, свидетельствует, что его позиции остаются в данной структуре весьма серьезными.

Следует также отметить ключевой момент в конфликте «власти – религии». Во время митингового движения И. Хамхоев высказался однозначно, раскритиковав региональную политику в ее чрезмерном сосредоточении вокруг себя всех ветвей власти и определении границ без проведения всенародного референдума. В этом заявлении прослеживалось также мнение о несостоятельности чеченских властей и необдуманности предпринимаемых ими политических шагов. В результате чего той поддержки, которую оказала «чеченская» сторона муфтию во время конфликта с Ю.-Б. Евкуровым, И. Хамхоев оказался лишен.

Бытование особого типа ислама в виде суфизма в среде ингушей накладывает некоторый отпечаток на попытку консолидировать общество¹. Хотя, по мнению экспертов, «своеобразие избранного ими религиозного пути помогало этим народам сохранять свои традиции и специфику внутриобщинных социальных отношений в условиях, способствовавших скорейшей ассимиляции»².

В большинстве случаев это служит серьезным препятствием: суфийские братства, представленные в политической жизни региона, а также курирующие многочисленные социально-экономические объекты республики, реализуют свою деятельность локально, обособляясь от основной части населения. Данное обстоятельство формирует в ингушском социуме конкуренцию во внутрирелигиозной характеристике, и без того осложненную наличием нетрадиционного ядра мусульманской общины.

В общественно-политическом кризисе 2018 г. наблюдался временный характер консолидации внутриконфессиональной составляющей региона, поскольку религиозные деятели тех или иных общин выступили с резкой критикой власти и поддержали митингующих.

¹ Чабиева Т.С. Некоторые особенности соотношения понятий «Тейп» и «Вирд» в ингушском обществе // Вестник Костромского государственного университета. № 5–6. Кострома. 2011. С. 200.

² Хизриева Г. Суфизм в России: вирдовые братства Кадирийя на Кавказе. <https://cyberleninka.ru/article/n/sufizm-v-rossii-virdovye-bratstva-kadiriyya-na-kavkaze> (Дата обращения: 15.11.2021).

Однако, с другой стороны, движение общественности и оппозиции не поддерживали общины, представлявшие нетрадиционное направление ислама, которое в молодежной среде Ингушетии являлось наиболее авторитетным и многочисленным. В митинговом движении, в котором активное участие принимала молодежь, это вызвало весьма специфическое восприятие и новое отношение, которое привело к сильнейшему отчуждению от таких общин, и мечети, где велись ими проповеди, стали пустовать.

С другой стороны, во внутрисуфийском исламе в Ингушетии в период общественных волнений наблюдался позитивный диалог. Братства, практикующие громкие зикры, совершали совместно с другими коллективные многочисленные практики во время митингов, мотивируя всех остальных в необходимости возлагать надежды на Всевышнего, в исходе назревшей проблемы.

Определенным образом внутриконфессиональные отношения привели к проблемам межнационального характера, которые в настоящее время находятся на весьма сложной своей стадии развития. Говорить однозначно о гармонизации отношений в ближайшей перспективе не приходится, поскольку события осени 2018 г. свидетельствуют, что региональная власть принимает политические решения без учета общественного мнения, провоцируя резкое падение своего рейтинга. Как результат, между ингушами и чеченцами любой малейший конфликт может спровоцировать серьезный очаг конфликтогенности, и это с учетом сохраняющейся еще в регионе напряженности в осетино-ингушских отношениях после событий осени 1992 г.

Наблюдается высокий уровень коррупции, исключаяющий развитие отраслевых сфер, а борьба с данным явлением пока не демонстрирует позитивные результаты. Общественно-политическое движение ингушей озвучило проблемы клановой коррупции, как явление, препятствующее на пути развития региона, обозначена была опасность кризиса бюджета, а к концу уже 2020 г. эти опасения подтвердились признанием правительством РФ Ингушетии банкротом.

Региональная политика властей вплоть до 2018 г. характеризуется отсутствием возможности справиться с социально-экономическими проблемами, тем самым сосредотачиваясь на вопросах экстремизма и терроризма. В этом отношении власти действительно достигли значительных успехов. Антитеррористическая политика и комиссия, функционировавшие вплоть до начала конца 2018 г., стабилизировали обстановку в регионе, число вооруженных конфликтов сократилось, а идеология нетрадиционного радикального ислама получила сильнейший удар несмотря на то, что оно имело свойство проникать во все сферы жизнедеятельности ингушского социума. Борьба с терроризмом отодвинула на задний план этнополитические вопросы, проблемы региональной экономики.

Однако деятельность по ликвидации «предполагаемых» боевиков без суда и следствия систематически приводила к открытому недовольству общественности, которая в лице таких традиционных институтов, как Мехк-Кхел и Совет тейпов, публиковала видеообращения в медийном пространстве.

Говоря о медийности, следует отметить, что этот инструмент общественного волеизъявления явился ключевым в период кризиса 2018 г. и по настоящее время. Представители общественности, авторитетные уважаемые в регионе лица, Совет старейшин, представители влиятельных родов, а также религиозные деятели и жители республики, используя медийное пространство, обращаются как к республиканским властям, так и к федеральному центру с требованием пересмотреть принятое Соглашение, учесть общенародное мнение путем референдума, а в межэтническом диалоге между ингушами и чеченцами все чаще слышатся речи, о необходимости применения шариатского права в определении границ.

Касательно шариатского права, следует отметить, что в Ингушетии именно эта форма решения вопроса, наравне с обычным горским правом – адатом, пользуется значительным успехом в сравнении с гражданским правом – общероссийским. А вот правомерность применения обычного и шариатского права

в некоторых случаях ставится под сомнение. Здесь необходимо согласиться с мнением Р. Сулейманова, «что вопрос об установлении административной границы между Чечней и Ингушетией может быть решен исключительно в рамках действующего на территории РФ законодательства. Религиозные деятели как неотъемлемая часть социума, безусловно, вправе высказывать свое мнение и принимать участие в разрешении подобных политических и юридических вопросов, но при условии, что они не будут их переводить в религиозную плоскость, иными словами, прибегать к нормам шариата в противовес светскому российскому законодательству»¹.

Общественно-политический кризис в РИ в указанный период характеризуется, с одной стороны, состоянием политической системы общества, выражающейся в обострении имеющихся внутрирегиональных конфликтов и в резком усилении политической напряженности, с другой – отсутствием взаимодействия между различными ветвями власти, сокращением эффективности социально-политического регулирования и контроля и стихийными формами общественно-политического протеста. В РИ уровень недоверия к региональной власти был весьма высоким, а Соглашение лишь спровоцировало взрыв недовольства в открытой форме.

Смена руководства региона и ожидания общественности в этом отношении не оправдались. Мониторинг общественного мнения свидетельствует о том, что общественно-политический кризис не вышел в новую плоскость – плоскость разрешения напряжения, а наоборот, пустил глубокие корни.

Более серьезные формы приобретает в регионе вновь возобновившаяся деятельность боевиков. В течение 2020 г. число спецопераций и нападений на силовиков в Ингушетии резко возросло. В регионе в начале 2020 г. активизировалась деятельность запрещенной в РФ организации «Исламское государство». В период лета 2020 г. отмечен высокий уровень антитеррористи-

¹ Сулейманов Р.В. Ислам vs политика, или к вопросу об административной границе между Чечней и Ингушетией. <https://cyberleninka.ru/article/n/islam-vs-politika-ili-k-voprosu-ob-administrativnoy-granitse-mezhdu-chechney-i-ingushetiey>. (Дата обращения: 12.11.2021).

ческой деятельности в Ингушетии с последующей ликвидацией участников данной организации.

Также в 2020 г. Ингушетия остается единственным субъектом РФ, где порядка 80% общин действуют вне правового поля, поскольку, несмотря на большое число мечетей в республике, здесь долгое время не проводилась административная работа по регистрации общин, в результате чего подавляющая их часть не зарегистрирована в соответствии с российским законодательством.

С учетом серьезных трансформаций во взаимоотношениях религиозных общин, организаций и светской власти в настоящее время наблюдается тенденция к развитию религиозной жизни мусульман Ингушетии в правовых рамках. К примеру, в селении Кантышево представители двух суфийских тарикатов Кадирия и Накшбандия реализуют совместную деятельность и сотрудничают с государственными органами в решении ряда проблем внутримусульманских общин.

Ингушское общество в 2020 г. продолжает находиться в состоянии ожидания позитивных перемен в регионе, надеясь на новое руководство в лице М.-А. Калиматова, который, в свою очередь, по основным рейтинговым показателям расположился на одной из низких ступеней, все реже проявляя свою медийность, политическую деятельность и открытость в диалоге с народом. Представители общественных организаций продолжают устраивать одиночные пикеты в поддержку находящихся в заключении участников митинговых движений 2018 г. Безусловно, это приводит к многочисленным вопросам в обществе, и в значительной степени к некоторым волнениям, которые могут проявить себя в очередном общественно-политическом кризисе в перспективе.

Что касается ингушского Муфтията, то в 2019 г. он был официально ликвидирован, однако его деятельность сохраняется и в настоящее время, и вызвано это рядом причин.

Во-первых, нет четкой позиции республиканских властей в отношении сложившейся ситуации с муфтиятом в регионе: его как бы нет, но он по факту существует. И местные власти сейчас стараются не затрагивать этот непонятный статус-кво.

Во-вторых, в республике с такой высокой долей исповедующих ислам (98% населения Ингушетии мусульмане) не может не функционировать централизованная религиозная организация, которая отвечает многочисленным нуждам местного общества и регулирует религиозную жизнь социума.

В-третьих, поскольку нет альтернативной организации подобной направленности, то де-факто муфтий и руководимое им учреждение выполняет ту же функцию, независимо от того, юридически оно зарегистрировано или нет.

Как было отмечено ранее, в правовой культуре населения Ингушетии остаются все еще доминирующими обычаи и религиозные нормы. Следовательно, какие бы меры ни предпринимали светские власти, в том числе, когда номинально и юридически Муфтият находится в числе ликвидированных организаций, тем не менее в регионе будет и муфтий, и совет алимов, и шариатский суд, которые признаются обществом. Очевидно, что подобную ситуацию, которую трудно представить в каком-нибудь другом регионе России, нужно исправлять: в Ингушетии должна быть мусульманская централизованная религиозная организация, функционирующая в правовом поле России. Поскольку это необходимо и региональным светским властям, и мусульманскому духовенству¹.

Список литературы и источников

1. Сулейманов Р.В. Ислам vs политика, или к вопросу об административной границе между Чечней и Ингушетией [Электронный ресурс]. // Российская государственная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islam-vs-politika-ili-k-voprosu-ob-administrativnoy-granitse-mezhdu-chechney-i-ingushetiey> (Дата обращения: 12.11.2021).
2. Хизриева Г. Суфизм в России: вирдовые братства Кадирийа на Кавказе [Электронный ресурс]. // Российская государственная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sufizm-v-rossii-virdovye-bratstva-kadiiriya-na-kavkaze> (Дата обращения: 15.11.2021).

¹ Двоевластие в исламской умме Ингушетии создает проблему. Интервью Чабиевой Т.С. Агентству политических новостей. <https://www.apn.ru/index.php?newsid=40714> (Дата обращения: 26.11.2021).

3. Чабиева Т.С. Некоторые особенности соотношения понятий «Тейп» и «Вирд» в ингушском обществе // Вестник Костромского государственного университета. № 5–6. Кострома. 2011. С. 200–205.
4. Двоевластие в исламской умме Ингушетии создает проблему. Интервью Чабиевой Т.С. Агентству политических новостей [Электронный ресурс]. // Агентство политических новостей. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=40714> (Дата обращения: 26.11.2021).
5. Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой [Электронный ресурс]. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550204892> (Дата обращения: 25.01.2021).

РАЗДЕЛ VI. ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Богдашина Ирина Владимировна.

ВНЕРАБОЧЕЕ ВРЕМЯ И ОТДЫХ СОВЕТСКИХ ГОРОЖАНОК В ЖЕНСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ 1950–1960-х гг. (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Большинство горожанок Сталинграда (Волгограда) следовали патриархатным семейным традициям, в одиночку выполняя основной объем домашних дел, однако данный уклад позволял играть хозяйкам главенствующую роль в семье хотя бы на хозяйственно-бытовом уровне. Особенностью женской повседневной жизни в 1950–1960-е годы является разделение досуга на частный (домашний) и общественный (вне дома). Во многом, именно материалы эго-документов позволили выявить не только близкую взаимосвязь хозяйственно-бытовой и культурно-досуговой сфер, но и скрытую от общества эмоционально-чувственную (полную переживаний и лишений) сторону повседневной жизни женщин нестоличного региона.

Ключевые слова: досуг, домашняя работа, повседневность, женская память, горожанки, Волгоград, 1950–1960-е гг.

Abstract. Most of the townspeople of Stalingrad (Volgograd) followed patriarchal family traditions, single-handedly performing the bulk of household chores, but this way allowed the hostesses to play a dominant role in the family at least at the household level. A feature of female everyday life in the

1950-1960s is the division of leisure activities into private (home) and public (outside the home). In many ways, it was the materials of ego-documents that made it possible to identify not only the close relationship between the economic, household and cultural and leisure spheres, but also the emotional and sensual side hidden from society (full of experiences and deprivation) of the daily life of women in a non-capital region.

Key words: *leisure, homework, everyday life, women's memory, urban women, Volgograd, 1950–1960s*

Отдых и досуг приобретали особую актуальность в Волгограде (до 1961 г. – Сталинград) – городе, который был до основания разрушен в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В сложных социально-бытовых условиях уровень развития повседневной культуры выступал важным фактором и для горожанок, которые пытались сочетать повседневные домашние дела заботой о себе. Досуговые практики женщин нестоличного города приобретали особенную специфику, потому как на отдых большинству из них удавалось отводить лишь небольшую часть своего свободного времени. Кроме того, экономический потенциал города удовлетворял досуговые потребности горожан постепенно, внося свои коррективы в условия жизни, труда и отдыха его жителей.

Цель данного исследования – выявить сюжеты, касающиеся женских досуговых практик и проследить динамику перемен основных тенденций, анализируя тексты дневников и воспоминаний жительниц города в 1950–1960-е гг. В памяти горожанок и еще больше в уникальных дневниковых записях врача-хирурга Зинаиды Сергеевны Седельниковой (1933–2004 гг.) отложились яркие воспоминания, а также чувственно-эмоциональные переживания, связанные не только с досуговыми, но и с каждодневными хозяйственно-бытовыми практиками.

В тяжелых материально-бытовых условиях именно культурно-досуговая деятельность стала выполнять для женщин важную

роль в восстановлении сил и снятии морально-физического напряжения. Стоит отметить, что представительницам интеллигенции в большей степени было присуще задумываться о рациональном использовании времени. В дневниковых записях З.С. Седельниковой можно найти немало заметок о том, сколько времени приходилось тратить женщине на домашний труд: «Легла спать во втором часу ночи: готовила ужин, завтрак и обед на завтра. Убирала ванную, чистила тазы, кастрюли, перед сном устроила баню папе и себе. Сто раз вспомнила мамочку, как бы она помогла мне теперь»; «Целый вечер в хлопотах и уборке дома после довольно заполненного рабочего дня. Ужасно неблагодарный труд домашней хозяйки – устаешь до ужаса – а сделанного не видно»¹. Именно домашние дела, ставшие традиционно «женским» занятием, зачастую являлись преградой на пути женской самореализации. Ко всему прочему добавлялась досуговая бедность провинциального региона; вскоре после переезда в Сталинград (Волгоград) женщина-врач не только скучала по столице, но и жаловалась на «совершенное однообразие будней» в послевоенном городе². О неудовлетворительном состоянии культурно-досуговой сферы писали и в региональных газетах под заголовками «Скучно и неинтересно», «На темы дня», «Письма в редакцию», «Письма читателей» – недовольство выражали сами жители города³.

Бедность досуга обременялась постоянной нехваткой времени или возможностей, о чем женщина-врач с сожалением написала в своем дневнике: «Хочется в театр, в гости к хорошим друзьям, но на первое нет денег, вторых мало существует в Сталинграде, да и всегда жаль время – надо заниматься. Так вот и бегут дни»⁴. В условиях сильной занятости женщины пытались «сбрасывать» со своих плеч домашние обязанности, которые и отнимали

¹ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13. Л. 4 об., 8.

² ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13. Л. 109.

³ Сталинградская правда. 1953. 1 июля; Молодой ленинец. 1953. 9 января, 17 февраля, 25 февраля; Молодой ленинец. 1956. 28 января, 30 декабря; Сталинградская правда. 1958. 28 мая; Молодой ленинец. 1960. 29 марта; Сталинградская правда. 1961. 10 июня; Молодой ленинец. 1965. 17 сентября.

⁴ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 176.

значительную часть их свободного времени. Проявляя заботу к близким людям, зачастую женщины жертвовали собственными интересами, а выполняемая ими домашняя работа приобретала форму вынужденного, но необходимого досуга.

Чтобы уменьшить занятость, хозяйки перекладывали часть домашних забот на домочадцев или приглашали домработниц. Однако совсем немногие женщины региона могли себе позволить нанять помощницу, данная привилегия оставалась все еще за обеспеченными слоями населения¹. Большинству хозяек справляться с домашними делами помогали дети, преимущественно дочери (намного реже мужья и сыновья). Девочек с детства приучали к труду, что являлось не только неотъемлемой частью семейного воспитания, но и типичной формой домашней занятости. Абсолютное большинство опрошенных нами женщин отметили, что матери и бабушки с детства привлекали их к работе по дому: «В основном мама была занята домашними делами, я маме помогала, уборка на нас целиком, но мы могли и сготовить»; «По дому я помогала – стирала, гладила, убирала, мама часто болела, и я ей с сестрой помогала»; «Работы было всегда много, нас, детей, приучали к труду. Мы убрали дом, помогали по огороду, меня начали привлекать со школы»². Но за неимением помощников бездетным женщинам приходилось в одиночку справляться с домашними заботами. «Я ничего не успеваю делать! Некогда приготовить второе, перештопать носки, перешить рубашки. Все время занята делами, а их все прибавляется, а не убывает», – записала женщина-врач в дневнике. А некогда бывшая возможность выполнения домашних дел другими членами семьи воспринималась как «относительная беззаботность», но «теперь же надо все самой и никуда от этого не уйти»³.

Привязанность женщин к дому диктовала формы их досуга; радио и телевидение, чтение, настольные игры, шитье и вышивание, а также праздничные застолья – вот те занятия, которые

¹ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 28. Л. 58.

² ПМА 1: Т.В. 1948 г.р., Н.П. 1941 г.р., Т.М. 1950 г.р.

³ ГАВО. Ф. Р-6880 Оп. 6. Д. 28. Л. 57, 68.

составляли основу домашнего времяпрепровождения. Однако обеспечение и домашнего досуга сопровождалось нехватками. Например, покупка радиоприемника или телевизора воспринималась как целое событие: «А дома приятный сюрприз: Саша и Неля купили радиоприемник... Как я рада! Наконец будем слушать известия, музыку, Москву!»¹. Более дорогостоящей вещью оказывался телевизор, приобрести который имели возможность немногие семьи. Опрошенные нами женщины вспоминают просмотр телевизора как диковинное занятие, смотреть фильмы и передачи ходили к соседям и друзьям: «Купили телевизор, у других еще не было, соседи приходили со своими стульями смотреть фильмы»; «Нам не на что было покупать телевизор, купили только в конце 1960-х годов, а когда соседи купили телевизор, то все из подъезда ходили по вечерам смотреть фильмы и передачи, не каждый день, конечно, но и мы ходили»². Наличие дома телевизора, с одной стороны, обогатило досуговую культуру женщин, а с другой, еще больше привязало их к дому; З.С. Седельникова в своей автобиографии отметила, что «с появлением телевизора посещение кинотеатров резко сократилось в среднем до 7 в год», против 30–60 картин до появления домашнего экрана³. Однако на протяжении 1950–1960-х гг. именно радио оставалось не только основным источником информации для горожанок, но и формой проведения домашнего досуга; по радио, которое было в каждом доме, слушали новости, концерты и передачи⁴.

Чтение оставалось одной из самых распространенных форм свободного времяпрепровождения, особенно в домашней обстановке. Для интеллигенции литература выступала важной частью самообразования, однако «как много уходит времени на чтение художественной литературы!», – записала в дневнике Седельникова⁵. Тем не менее именно «отдых за книгой» выступал не только важной, но и привычной составляющей повсед-

¹ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13. Л. 152 об.

² ПМА 1: Н.В. 1938 г.р. М.Ф. 1932 г.р.

³ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 71. Л. 39.

⁴ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 244, Д. 22. Л. 85, Д. 26. Л. 113.

⁵ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 23. Л. 4.

невной жизни¹. Женщины отмечают, что книги было достать нелегко, их брали у друзей или в библиотеке: «Книги было трудно достать, мужу и мне на производстве давали талоны на покупку книг»; «Библиотека завода “Судоверфь” была устроена очень хорошо, туда ходила со школьного возраста»². Вполне обыденным было «достать» книгу «всего на один вечер», еще большей удачей считалось «пересмотреть и выбрать часть книг» в домашней библиотеке у знакомых³. Популярность приобретали книжные базары, вечера книги и месячники книги, организованные в большинстве своем именно женщинами – продавщицами книжных магазинов и библиотеками⁴.

Настольные игры также являлись формой домашнего досуга. Пожалуй, самой распространенной из них была игра в карты; вечера Зинаиды Седельниковой могли быть заняты игрой в «подкидного» или «козла» в компании родных и друзей⁵. Типично женским занятием выступало вышивание, наши респондентки вместе с мамами и бабушками проводили немало часов за рукоделием⁶. Однако данное занятие требовало существенных временных затрат: «Отдых после обеда состоял из часового вышивания... Было бы время, я вышивала бы...»; «Когда вышла замуж, вышивать уже было некогда»⁷. В условиях отсутствия готовой одежды хорошего качества и модного покроя женщины были вынуждены самостоятельно изготавливать многие предметы гардероба. Если вышивание все же выступало формой отдыха, то самостоятельный пошив одежды превращался для женщин в вынужденную, но необходимую форму домашнего досуга: «С раннего утра села за шитье и лишь в 5-м часу вечера закончила

¹ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 121об, Д. 17. Л. 8, Д. 19. Л. 17, 51, Д. 21. Л. 35.

² ПМА 1: Н.В. 1938 г.р., Г.Ю. 1951 г.р.

³ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 32. Л. 62, Д. 15. Л. 135 об.

⁴ Молодой ленинец. 1954. 11 июня; Сталинградская правда. 1956. 4 февраля; Молодой ленинец. 1956. 30 декабря; Сталинградская правда. 1959. 22 августа; Молодой ленинец. 1961. 27 июня; Волгоградская правда. 1962. 6 января.

⁵ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 110, 174 об, Д. 25. Л. 23, Д. 30. Л. 86.

⁶ ПМА 1: Н.П. 1941 г.р., Н.В. 1938 г.р., О.В. 1953 г.р., И.В. 1937 г.р.

⁷ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 67; ПМА 1: Н.П. 1941 г.р.

шить штапельное платье, получилось хорошо»; «Весь день провела за шитьем, перешивала голубое шерстяное платье. Осталось переделать рукава. Вечером читала “Вестник хирургии”»¹.

Праздничные застолья, проводимые в большинстве случаев именно в домашней обстановке, являлись исключительно женской заслугой. Но, создавая условия отдыха для других, сами хозяйки зачастую не получали удовольствия от мероприятия. Дружественные посиделки сопровождались танцами, пением, игрой на музыкальных инструментах². З. Седельникова неоднократно описывала в своем дневнике не только ход застолий, но и хлопотную подготовку к ним: «К 6 часам накрыли на стол. Собралось неожиданно больше товарищей, чем ожидали, всего 21 человек. С трудом сели за стол, причем к большому раздвижному столовому столу был подставлен маленький стол из кухни. Выпито литров 6 вина, 6 бутылок шампанского, слава богу, хватило закуски, хотя беспокоилась очень. Еще я послала Катю и купила еще 1 кг ветчины»³. Подробное описание женщиной количества гостей, а также всего выпитого и съеденного, свидетельствует о том, что во время мероприятия сама хозяйка, в отличие от гостей, вовсе не отдыхала, а следила за довольствием присутствующих.

Женщины непроизвольно выступали организаторами домашнего досуга не только для своей семьи, но и всех, кто был вхож в их дом. Проявляя заботу к близким (и не только) людям, хозяйки становились обязательным и необходимым элементом домашней досуговой культуры. В этой связи досуг вне дома оставался для самих женщин чуть ли не единственным способом отдыха и снятия напряжения.

По воспоминаниям женщин, самыми распространенными видами повседневного досуга за пределами дома выступали: походы в кинотеатры и театры, уличные прогулки, а также посещение танцевальных площадок; купание и выезды на природу

¹ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 24, 79 об.

² ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 115, 188, Д. 25. Л. 97, Д. 31. Л. 178; ПМА 1: Т.А. 1954 г.р., Н.П. 1941 г.р., А.И. 1948 г.р.

³ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 121 об., 122.

в летнее, катание на коньках и лыжах в зимнее время¹. Условия послевоенного города постепенно удовлетворяли потребности его жителей, а потому недавно открывшиеся досугово-культурные учреждения старались не только как можно скорее посетить, но и оценить их достоинства и недостатки: «Я забыла совсем о том, что вчера я впервые попала в “голубой зал” дома культуры, открывшегося в ту субботу. “Голубой зал” лишь наполовину соответствует своему названию, а именно: только стены покрыты голубой краской, а вот портьеры на окнах почему-то красные с желтым! Зал квадратный. 15 рядов удобных кресел без прохода в центре, зато свободны проходы между рядами. Видно отовсюду хорошо, приятные люстры по паре в три ряда на потолке со скромной лепкой. Хочется посмотреть еще “зеленый зал”»². А в театры, находившиеся только в центральной части города, съезжались даже с самых отдаленных районов. Нередко поход в театр мог сопровождаться сложностями, за неимением билетов часто приезжали перед началом спектакля с надеждой «купить билеты с рук», что удавалось не каждому³.

Важное место в досуговой культуре отводилось праздничным мероприятиям. Например, массовые демонстрации в сопровождении с так называемыми «маёвками» превратились в обязательный атрибут весеннего праздника⁴. Женщины уверенно вспоминают названия некогда любимых кинотеатров, домов культуры и клубов: к/т «Культармеец», к/т «Энергия», ДК «Судоверфь», ДК «Металлург», клуб «Строитель», к/т «Авангард», к/т «Гвардеец», к/т «Мир»⁵. Танцевальные площадки были оборудованы практически при каждом доме культуры или клубе; на таких вечерах девушки

¹ ПМА 1: А.Д. 1943 г.р., И.В. 1937 г.р., М.П. 1933 г.р., Г.Ю. 1951 г.р., Н.П. 1941 г.р., Н.В. 1938 г.р., О.В. 1953 г.р., А.И. 1948 г.р., Т.В. 1948 г.р.

² ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 20. Л. 239, 239 об.

³ ПМА 1: И.В. 1937 г.р., Н.А. 1942 г.р., Н.П. 1941 г.р., О.В. 1953 г.р., Т.А. 1954 г.р.; ГАВО. Ф. Р-6880 Оп. 6. Д. 26. Л. 114.

⁴ ПМА 1: И.В. 1937 г.р., М.П. 1933 г.р., Н.П. 1941 г.р.

⁵ ПМА 1: И.В. 1937 г.р., Г.Ю. 1951 г.р., Н.П. 1941 г.р., Н.В. 1938 г.р., А.И. 1948 г.р., Н.П. 1956 г.р.

знакомились с юношами, а нередко находили и спутника жизни¹. Однако не все посетители вели себя должным образом, об этом сообщалось в газетах и радиопередачах. Бывало и так, что «явится подвыпивший хулиган, вроде крановщика И.Н., на танцевальную площадку и начинает приставать к девушкам, говорить им гадости, хватать за руки», а некоторые девушки и вовсе «с танцев возвращались без туфель» из-за плохо оборудованной площадки². Однако танцплощадка оставалась (в основном для молодых девушек) самым распространенным средством не только для проведения свободного времени, но и заведения новых знакомств.

Выезды на природу – купание в реке, пикники, походы за грибами, а в редких случаях и рыбалка – составляли основу летнего отдыха горожанок³. В 1960-е годы предметом зависти становились дачные участки, на которых женщины не только выращивали урожай, но и проводили время в компании друзей⁴. Ежегодный отдых за пределами региона был доступен совсем немногим жительницам. В провинциальном городе туристическую путевку было достаточно трудно приобрести, обращались в места работы или к знакомым. Для З.С. Седельниковой очень важное место занимал ежегодный курортный отпуск, к данному событию женщина готовилась заранее (шила новую одежду, копила деньги, «доставала» путевку через знакомых). До момента долгожданного отъезда буквально считались дни: «...Надо купить см 20 синего или голубого крепдешина – чтобы раскроить голубой сарафан – ведь надо готовиться к отпуску и поездке на юг – а у меня все короткое, да и светлого летнего ничего нет»; «Думаю о своем отпуске. Удастся получить путевку и хорошо отдохнуть?»;

¹ ПМА 1: Н.В. 1938 г.р., И.В. 1937 г.р., Н.А. 1942 г.р., Н.П. 1941 г.р.

² Молодой ленинец. 1954. 8 июня; Молодой ленинец. 1956. 30 декабря; Молодой ленинец. 1957. 9 августа; Молодой ленинец. 1958. 5 июля; ГАВО. Ф. Р-6174. Оп. 2. Д. 298. Л. 205, Д. 336. Л. 39.

³ Молодой ленинец. 1953. 18 августа; Молодой ленинец. 1954. 27 июня; Молодой ленинец. 1955. 17 мая; Сталинградская правда. 1958. 8 июня; Молодой ленинец. 1961. 2 августа; Волгоградская правда. 1965. 3 июля.

⁴ ПМА 1: Л.В. 1956 г.р., А.Д. 1943 г.р.; ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 25. Л. 47, Д. 32. Л. 26, Д. 35. Л. 175.

«Получила зарплату за дежурства в клинике 374 р. Почти все отложила к отпуску»¹. Даже для рядового врача (сравнительно финансово обеспеченной), возможность отдыха сопровождалась постоянными финансовыми нехватками, а большинство горожанок о таком курортном отдыхе за пределами региона (в первой половине 1950-х гг.) не могли и мечтать.

В условиях сильной занятости и, как следствие, усталости, возможность «хорошо отдохнуть» приобретала особенную ценность². С эмоциями и чувствами описывала в дневнике накопившуюся усталость З.С. Седельникова: «Каждый день и вечер заняты оба. Совершенно некогда привести в порядок массу домашних дел. Некогда отдохнуть. Появляется нервозность и вялость. Нужна передышка!»³. В свою очередь, массу положительных эмоций вызывал долгожданный отдых: «Выкупалась в первый раз в этом году в реке и с большим аппетитом поела горячую картошку в мундире с кусочком сельди, огурцом и помидором. К черту все думы о работе! Надо отдохнуть!»⁴. Однако в будничное время, как и многие другие, женщина-врач после работы «спешила домой», ведь «время-то нынче не хватает!», а придя домой, приходилось «тотчас печь блинчики с творогом» – так выглядел один из типичных вечеров замужней, но бездетной горожанки⁵. Такие, казалось бы, мелочи в силу большого временного промежутка, в настоящее время уже не под силу вспомнить горожанкам; данные эмоции (подчас скрываемые от общества) мы можем выявить лишь в «письмах для себя», которые были нечастым явлением для советского общества.

Путем обращения к материалам эго-документов, нам удалось выяснить, что характерной чертой женской повседневности в нестоличном городе было тесное взаимодействие культурно-досуговой и хозяйственно-бытовой сфер. Привязанность женщин к семейному очагу диктовала формы отдыха, большая часть

¹ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 63, Д. 15. Л. 13, 21.

² ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 13.

³ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 32. Л. 123.

⁴ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 20. Л. 34.

⁵ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 30. Л. 95.

которых проходила именно в домашней обстановке. Однако в условиях домашней загруженности посещение массовых культурно-досуговых мероприятий оставалось для женщин одним из немногих способов отдохнуть и восстановить духовные силы. Именно в женских текстах оказались запечатлены не только личностные переживания, но и реальные жизненные ситуации (практически незаметные в средствах массовой информации), на примере которых становится возможным реконструировать повседневные практики. Материалы эго-документов, которые являются важнейшей составляющей для историко-антропологического изучения советского женского быта, позволили выявить эмоциональную сторону досуговых практик горожанок, фактически не отраженную в других видах источников.

Список литературы и источников

1. Волгоградская правда (Волгоград) 1962, 1965.
2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6880. Оп. 6.
3. ГАВО. Ф. Р-6174. Оп. 2.
4. Молодой ленинец (Сталинград – Волгоград) 1953, 1954, 1955, 1956, 1957, 1958, 1960, 1961, 1965.
5. Полевые материалы автора, г. Волгоград. Январь – декабрь 2019 г. (информанты – Мария Федоровна 1932 г.р., Мери Петровна 1933 г.р., Ираида Васильевна 1937 г.р., Нина Васильевна 1938 г.р., Нина Петровна 1941 г.р., Нелли Андреевна 1942 г.р., Анна Дмитриевна 1943 г.р., Татьяна Викторовна 1948 г.р., Антонина Ивановна 1948 г.р., Татьяна Михайловна 1950 г.р., Галина Юрьевна 1951 г.р., Ольга Владимировна 1953 г.р., Татьяна Александровна 1954 г.р., Нина Петровна 1956 г.р., Любовь Валентиновна 1956 г.р.).
6. Сталинградская правда (Сталинград) 1953, 1956, 1958, 1959, 1961.
7. *Белова А.В.* Женские автодокументы как источники по истории женской провинциальной повседневности и социальной памяти // Российская провинция сквозь призму сословно-правовых, этноконфессиональных, социокультурных, медико-социальных и демографических коллизий в XVIII–XXI вв. Материалы международной научной конференции. Тамбов, 30 августа 2019 г. Тамбов: Принт-Сервис, 2019. С. 44–49.

8. *Бокова Я.М.* Досуговая культура населения Советского Союза в период «оттепели» // Новый университет. Серия: актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2015. № 8–9 (53–54). С. 64–67.
9. *Вязигина Н.В.* Гендерные особенности мемуарного текста // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2–2 (78). С. 141–144.
10. *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 482 с.
11. *Липатов А.В., Меркурьева В.С., Чикова Т.А.* Досуговый потенциал Сталинграда-Волгограда в 1953–1964 гг. // Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье на перекрестке цивилизаций, культур, исторических альтернатив и природных ландшафтов. Волгоград, 1 января – 31 декабря 2018 г. Волгоград: ООО «Бланк», 2018. С. 270–277.
12. *Липатов А.В., Такташева Ф.А.* Социально-бытовые условия организации и формы проведения досуга рабочей молодежи в Сталинградской области в послевоенный период (1945 – начало 1950-х г.) // Грани познания. 2019. № 1 (60). С. 26–32.
13. *Пушкарёва Н.Л.* Феномен «женского чтения» и задачи исследования текстов, написанных женщинами // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. Материалы международной научной конференции «Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы» / Отв. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново: ИвГУ, 2000. С. 17–21.
14. *Пушкарёва Н.Л.* Значимость «устной истории» как вида источника и метода сбора материала для женской и гендерной истории // Актуальные проблемы источниковедения отечественной истории. Материалы международной научно-практической конференции. Витебск, 6–7 октября 2011 г. Витебск: Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2011. С. 246–248.
15. *Пушкарёва Н.Л.* Устная история и гендерная история: сближение и перспективы развития // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 168–176.
16. *Рождественская Е.Ю.* ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 114–127.

Финансирование

Подготовлено по плану НИР ИЭА РАН и проекту РФФИ № 19-09-00191.

**ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ВЫБОРА СПОСОБОВ
РЕШЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ
ДВОРЯНАМИ И КРЕСТЬЯНАМИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.**

Аннотация. *Цель статьи – выявить гендерные аспекты выбора способов решения семейных конфликтов, которые наряду с нормативными использовали дворяне и крестьяне Российской империи в первой трети XIX в. на фоне проводившейся в это время работы по систематизации законодательства. В качестве способов решения семейных конфликтов мужчинами использовались: дуэль и собственноручное наказание неверной жены для решения конфликта между супругами. Замужество, чаще в форме тайного венчания, и уход в монастырь были типично женскими способами решения семейных конфликтов. Автор статьи обращает внимание на то, что представители дворянства и крестьянства выбирали способы решения семейных конфликтов в зависимости не только от сословной, но и от половой принадлежности.*

Ключевые слова: *история повседневности, гендерная история, семейный конфликт, дворяне, крестьяне, дуэль, тайное венчание*

Abstract. *The purpose of the article is to identify the gender aspects of choosing ways to resolve family conflicts, which, along with normative ones, were used by nobles and peasants of the Russian Empire in the first third of the 19th century against the background of the work carried out at that time to systematize legislation. As ways to solve family conflicts, men used: duel and hand punishment of the wrong wife to solve*

the conflict between spouses. Marriage, more often in the form of secret marriage, and going to the monastery were typically female ways of solving family conflicts. The author of the article draws attention to the fact that representatives of the nobility and peasantry chose ways to solve family conflicts depending not only on the estate, but also on gender.

Key words: *everyday history, gender history, family conflict, nobles, peasants, duel, secret wedding*

Семейные отношения, несмотря на устойчивое положение семьи в российском обществе XIX в., регулировались не столько законодательными источниками, сколько религиозными правилами и обычным правом. Мы можем отметить, что очевидное противоречие возникало не только между закрепленными законодателем способами решения семейных конфликтов и способами, применяемыми людьми для их разрешения в реальности, но и применением тех или иных способов решения семейных конфликтов мужчинами и женщинами.

Большинство авторов исследуют семейные конфликты в рамках истории повседневности. С помощью категории конфликта они характеризуют повседневный аспект жизни семей, выражая тем самым стремление связать микроисторический уровень жизни с макроисторией и обратиться к «ментальному уровню повседневной жизни, к идеалам, стереотипам сознания, ценностным ориентациям»¹.

Наше стремление выделить альтернативные источники разрешения семейных конфликтов дворянами и крестьянами в первой трети XIX в. также определяется основными задачами методологического подхода истории повседневности. Мы изначально исходим не из идеи государственного регулирования конфликтов, возникающих в семье. Для нас важно определить, какими спо-

¹ Трефилова М.Н., Котлова Т.Б. Конфликт как фактор трансформации семьи горожан в конце XIX – первой четверти XX в. (на материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губернии) // Женщина в российском обществе. 2011. № 1 (58). С. 4.

собами семейные конфликты решались не «сверху», а «снизу». Мы постараемся выделить способы разрешения семейных конфликтов, т.е. противоречий, возникающих между членами семьи, которые они выбирали сами.

Понятие семейного конфликта не только в законодательстве и научной мысли первой трети XIX в., но и в современном нам законодательстве не является строго определенным. Поэтому в нашем исследовании мы будем основываться на современном научном понятии семейного конфликта как «противоборства между членами семьи на основе противоположно направленных мотивов и/или взглядов»¹.

В истории развития правового регулирования семейных отношений мы хотели бы обратить особенное внимание на период первой трети XIX в., период с 1800 по 1832 г. 1832 г. – год выхода в свет первой книги Свода законов Российской империи, т.е. первого систематизированного нормативного акта обновленного законодательства².

На основании исследования воспоминаний представителей дворянского сословия становится понятным, что одним из наиболее часто употребляемых ими способов решения семейных конфликтов была дуэль. Так, М. Бестужев в своих воспоминаниях описывает примечательный сюжет из своей молодости, связанный с декабристом К.Ф. Рылеевым. Кондратия Федоровича всегда характеризовали как человека пылкого и страстного. Вот и здесь Рылеев выступил как защитник семейных интересов Бестужевых. Отставной флотский офицер фон Дезин приревновал Александра Бестужева к своей жене. Но вместо того, чтобы вызвать его, как тогда было принято, на дуэль, фон Дезин нагово-

¹ Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии СПб., 2004. С. 284.

² Дело в том, что XIX в. как раз стал периодом динамичного развития разных отраслей права. Начался долгий трудоемкий процесс систематизации нормативных актов разного рода, начиная с Соборного уложения 1649 года. Семейное право по-прежнему не выделялось в отдельную отрасль права, оно относилось к гражданским законам. Необходимо отметить, что так было вплоть до начала XX в., до момента смены государственного строя в нашей стране, т.е. появление систематизированных актов семейного права мы наблюдаем уже в послереволюционном периоде.

рил дерзостей их матушке при выходе из церкви. Александр, не стерпев такого еще большего оскорбления, вызвал его на дуэль. Фон Дезин отказался. Рылеев, встретив этого офицера случайно на улице, видимо сделал ему замечание по этому поводу. Получив в ответ все те же дерзости, Кондратий Федорович «исхлестал его глупую рожу кравашем(хлыстом), бывшим в его руке»¹. Защитить честь друга или честь семейства этого друга было для дворян намного важнее, чем получить наказание за данное правонарушение. Кроме того, в этом был еще и долг мужчины-дворянина. Так, несмотря на законодательное запрещение дуэли, в повседневной жизни дворянина она часто выступала средством для решения разного рода конфликтов, в том числе и семейных. Также необходимо отметить, что этот способ решения семейного конфликта выбирали преимущественно дворяне-мужчины.

Вступление в брак в XIX в. совершалось не по велению сердца, а вследствие необходимости либо решить свои материальные проблемы, либо обеспечить их отсутствие на долгое время². Поэтому и само заключение брака имело скорее форму договора, скреплявшего личные интересы на основе имущественных. Однако замужеством и женитьбой можно было решить и семейные конфликты. Своей воспитаннице Александре Авдотья Григорьевна советовала обзавестись мужем, но не по сердечной надобности, а по надобности «прекратить дурное опекуновское управление ее имением, допустившее расхищение родственниками половины драгоценностей ее матери, на сумму 6000 рублей»³. Авдотья Григорьевна искренне внушала ей выйти замуж за человека «заведомо хорошего и опытного»⁴, а

¹ Бестужев М.А. Мои тюрьмы (очерки и ответы 1869 года) // Воспоминания Бестужевых / Ред., ст. и коммент. М.К. Азадовского. СПб., 2005. С. 55.

² Белова А.В. Выбор брачного партнера в русской дворянской семье конца XVIII – первой половины XIX в. // Современная семья: проблемы и перспективы развития: Материалы Всероссийской научной заочной конференции / Отв. ред. Э.Ю. Майкова. Тверь: ТГТУ, 2001. Вып. 1. 140 с. С. 91–92.

³ Хрущева А.Г. Воспоминания // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX в. М., 2006. С. 98.

⁴ Там же.

не легкомысленного офицера, замужество за которым ей прочил ее опекун. Так замужество выступает здесь способом решения семейного конфликта между опекуном и его подопечной. Не решением возникшего противоречия интересов в суде, а именно вот таким хитрым «типично женским» способом.

В воспоминаниях крестьянки Хрущовой мы встречаем и другой способ решения семейного конфликта, возникшего в результате продолжения уже описанной нами выше истории. Александра в связи с указанными обстоятельствами соглашается 24 октября 1820 г. тайно венчаться в приходской церкви с Нефимоновым Николаем Петровичем, «человеком степенным, дельным, трезвым и честным»¹, чья кандидатура также была негласно утверждена в качестве подходящего на роль мужа все той же няней Хрущовой. Так мы видим, что тайное венчание для данных новобрачных видится более простым способом решения своей проблемы, нежели чем обращение к законодательной помощи органов власти, несмотря даже на то, что оно осуждалось церковью. Н.Л. Пушкарева указывает, что церковный закон требовал совершать таинство венчания «при множайших людях», чем «предвосхищалась возможность выдачи замуж женщины, уже состоящей в браке или имеющей кровное родство с женихом, и одновременно пресекались разные уловки и «хитрости»»². Справедливость таких опасений со стороны церкви подтверждается сюжетом из дневниковых записей А.Н. Вульфа. Мемуарист со свойственной ему эмоциональностью удивляется: «Анна Петровна все еще в любовном бреду и до того, что хотела бы обвенчаться со своим любовником. – Дивлюся ей!»³.

Как свидетельствует другой исследователь брачного церемониала дворян в XIX в. А.С. Чижикова, «в столицах случаи тайного брака были не столь редким явлением»⁴. Случай тайного венчания

¹ Там же. С. 99.

² Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997. С. 223.

³ Вульф А. Н. Дневники (любовный быт Пушкинской эпохи). М., 1929. С. 98.

⁴ Чижикова А.С. Брачный церемониал российских дворян в XIX веке // Вестник славянских культур. 2011. № 4 (22). С. 78.

в провинциальном городе своих родителей описывает в своих записках и русская кавалеристка, офицер Русской императорской армии, участница Отечественной войны 1812 г. Надежда Андреевна Дурова, бывшая по матери дворянского происхождения¹.

То, что браки, венчанные «без воли и тайно от отца», «в то время были не редкость»², отмечает в своих воспоминаниях икрестьянин села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда Александр Яковлевич Артынов³.

Другой способ решения семейного конфликта – уже не в процессе заключения брака, а в ходе семейной жизни, мы находим в воспоминаниях крестьянки Авдотьи Григорьевны Хрущовой⁴. Семейная жизнь Николая Петровича Нефимонова и Шестаковой Александры Гавриловны, факт тайного венчания которых описан нами выше, не была столь безоблачной. Барин вел не такой уж и семейственный образ жизни. Молодая жена, родив первого мертвого ребенка, слезно просила мужа отпустить ее в монастырь и взять себе все ее имение. Интересный момент мы наблюдаем и в этом случае – жена не просит развода, не ищет возможности оформить эту процедуру через органы власти, а страстно желает уйти в монастырь. Со временем, конечно, все образовалось, их семейная жизнь наладилась, но сам факт стремления решить семейный конфликт таким, никак не связанным с постановлениями закона способом, весьма примечателен.

Любопытный случай разрешения семейного конфликта также не путем официального развода по законодательству, а другим способом описывает в своих воспоминаниях Адриан Моисеевич Грибовский, статс-секретарь императрицы Екатерины Великой. «Один из богатых Л. застал у жены своей московского вице-губернатора Бр..., которого велел людям

¹ Дурова Н.А. Кавалерист-девица. Происшествие в России: в 2 т. СПб., 1836. Т. 1. С. 43.

² Артынов А.Я. Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX в. М., 2006. С. 393.

³ Там же.

⁴ Хрущова А.Г. Указ. соч. С. 99.

своим высечь розгами, заставил его за труды им заплатить и вон вытолкал, а жену, по наказанию и ее розгами на скамейке, к отцу отослал, сенатору Гермесу. Вице-губернатор, по исключении из службы, выслан из Москвы», – не без удивления повествует А.М. Грибовский¹. Автор, конечно, может быть, и не осведомлен, была ли юридически оформлена последующая процедура развода. Но первые старания, предпринятые обманутым мужем, ярко иллюстрируют повседневный процесс решения подобных противоречий между мужем и женой с применением столь архаичных способов решения семейных конфликтов. Примечательно, что факт такого отношения к женщине описан именно в мужских дневниковых записях.

Хотя один эпизод, свидетельствующий о стремлении решить возникший семейный конфликт законным путем, мы все-таки встречаем в воспоминаниях той же А.Г. Хрущовой. Бригадир Шестаков никак не мог простить своему тестю дворянину Панову, что тот женился на крепостной, объявил их общего сына законным и тем самым лишил наследства свою дочь, собственно супругу Шестакова. Шестаков явился к тестю, имел «горячее объяснение» с ним, угрожал возбудить дело о подлоге в метрических книгах². Последующие обстоятельства данного происшествия мы опустим, но здесь мы видим твердое стремление решить семейный конфликт в судебном порядке. Все-таки, когда речь заходила о наследстве, представители дворянского сословия часто прибегали к законному решению семейных противоречий в данном вопросе.

Еще одним подтверждением того, что люди редко прибегали к использованию способов решения семейных конфликтов, установленных государственным законодательством или церковными правилами, является случай, описанный Н. Бестужевым в его рассказе «Шлиссельбургская станция». В 1819 г. он служил в Кронштадте, где в это время разнеслись

¹ Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С подлинной рукописи. С портретом и снимком почерка // Русский архив. М., 1899. Кн. 1. С. 56.

² Хрущова А.Г. Указ. соч. С. 96.

слухи, будто в квартире одного купца домовый начал беспокоить постояльцев. Оказалось, что эта мысль выжить благоверного из квартиры выдумкой домового пришла жене купца. Примечателен сам способ решения семейного конфликта, который мы, конечно, больше смогли бы охарактеризовать бытовой неурядицей. Но эта самая бытовая оплошность могла бы довести наших героев и до развода, уже юридически оформленного последствия данной неурядицы. Самое главное, что мы не наблюдаем здесь стремления жены задействовать юридические механизмы влияния на поведение мужа.

Изучение воспоминаний, дневников и писем дворян и крестьян Российской империи первой трети XIX в. позволило нам выделить использовавшиеся ими способы решения семейных конфликтов, которые, в свою очередь, мы можем разделить на применяемые исключительно мужчинами и женщинами. Так, с помощью дуэли и наказания неверной жены семейные конфликты решали мужчины. Женщины предпочитали решать семейные неурядицы другими способами, в реализации которых мужчины тоже принимали участие, но не были их инициаторами. Замужество, чаще в форме тайного венчания, и уход в монастырь были типично женскими способами решения семейных конфликтов. Общей чертой в решении семейных конфликтов представителями обоих полов в Российской империи первой трети XIX в. является крайне редкое обращение к законодательству. Результаты нашего исследования открывают перспективы для дальнейшего изучения гендерного аспекта проблемы выбора альтернативных ненормативным способов решения семейных конфликтов.

Таким образом, выделенные нами альтернативные законодательным способы решения семейных конфликтов представляют не что иное, как привычные нам явления повседневной жизни дворян и крестьян. Эти явления зачастую запрещаются или преследуются не только государством, но и церковью, например, используемая для решения семейного конфликта мужчинами дуэль или тайное венчание, к которому прибегали женщины для устранения препятствий на пути

к личному счастью. Исходя из этого, они просто не могли указываться в законодательстве в качестве способов решения семейных конфликтов.

Мы не можем сказать, что перечень выделенных нами способов решения семейных конфликтов, выбираемых дворянами и крестьянами в первой трети XIX в., является исчерпывающим. В качестве источников исследования выступили воспоминания и мемуарные свидетельства, авторами которых в большей степени были дворяне и отчасти крестьяне. Но наличие довольно обширной степени обращения представителей дворянского и крестьянского сословий к выделенным нами способам очевидна. Дворяне и крестьяне оказывали взаимное влияние друг на друга в выборе способа решения семейных конфликтов. Вспомним хотя бы случай с крепостной крестьянкой А.Г. Хрущовой, дававшей «ценные» советы своим подопечным дворянского происхождения, и, напротив, случай с помещиком А.М. Грибовским, заинтересованным в решении семейных проблем своих крестьян. Эти акценты, выявившиеся в ходе работы с источниками, позволили нам выделить в качестве главных сословий, на мнение представителей которых мы опирались при выделении способов решения семейных конфликтов, дворян и крестьян. Так мы ограничили наше исследовательское поле, с одной стороны, а с другой – предоставили широкие возможности для исследования выделенной нами проблемы альтернативных способов решения семейных конфликтов в первой трети XIX в. для других исследователей.

Отсутствие полного и точного определения понятия семейного конфликта не только в законодательстве XIX в., но и в современном законодательстве, открыло широкие перспективы перед нашим исследованием и одновременно поставило перед нами вопрос: а что, собственно говоря, считать семейным конфликтом в ходе работы с источниками? Мы не стали ограничивать себя какими-то определенными рамками и брали за основу любые упоминания о противоречиях, возникавших в семейной жизни и между супругами, и между родителями / опекунами

и детьми. Среди этих упоминаний, конечно же, доминируют имущественные вопросы, т.к. само понимание брака в это время ограничивается именно имущественными интересами. И ничего удивительного нет в том, что заключением брака предполагалось решить, прежде всего, многие имущественные трудности. Таким образом, мы, надеясь обойти нормативно определенные способы решения противоречий в семье, постоянно встречаемся с ними как с косвенными явлениями, которых хотели бы избежать дворяне и крестьяне, используя альтернативные способы решения семейных конфликтов.

Список литературы и источников

1. *Алексеев А.А.* Правовое регулирование имущественных отношений супругов в Российской империи: Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 235 с.
2. *Артынов А.Я.* Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 275–416. ISBN 5-86793-360-1.
3. *Белова А.В.* Брак и любовь российских дворянок XVIII – середины XIX в.: между социальным принуждением, свободой воли и Божьим промыслом // Тверские святые и святыни: Материалы научных конференций. Тверь: СФК-офис, 2010. 270 с. С. 173–196.
4. *Белова А.В.* Браки российских дворянок XVIII – середины XIX в.: между социальным принуждением и любовью // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 1–3 ноября 2010 года, Череповец. – М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 1. – 464 с. – С. 106–112.
5. *Белова А.В.* Выбор брачного партнера в русской дворянской семье конца XVIII – первой половины XIX в. // Современная семья: проблемы и перспективы развития: Материалы Всероссийской научной заочной конференции / Отв. ред. Э.Ю. Майкова. Тверь: ТГТУ, 2001. Вып. 1. 140 с. С. 91–92.
6. *Белова А.В.* Женщина в провинциальной дворянской семье в России конца XVIII – первой половины XIX в.: воспроизводство культурного этоса // Семья в России: теория и реальность: Материалы

- Всероссийской научно-практической конференции (Тверь, 29–30 октября 1999 г.) / Отв. ред. Т.П. Долгова. Тверь: ТГТУ, 1999. 204 с. С. 196–199.
7. *Белова А.В.* Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середины XIX в.): дисс... д-ра ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2009. 616 с.
 8. *Белова А.В.* Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // *Женщина в российском обществе.* 2004. № 1–2. С. 72–82.
 9. *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетей, 2010. 480 с. (Серия «Гендерные исследования»).
 10. *Бодрова Ю.В.* Семья провинциального чиновника первой половины XIX века: на материалах Тверской губернии: Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009. 277 с.
 11. *Ворошилова С.В.* Правовое положение женщин в России в XIX–XX вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2011. 406 с.
 12. Воспоминания Бестужевых / Под ред. М.К. Азадовского. СПб.: Наука, 2005. 891 с. ISBN 5-02-026370-2.
 13. Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С подлинной рукописи. С портретом и снимком почерка // *Русский архив.* М., 1899. Кн. 1. С. 5–166.
 14. *Вульф А.Н.* Дневники (любовный быт Пушкинской эпохи). М.: Федерация, 1929. 445 с.
 15. *Гарцева Ю.Ю.* Ответственность членов семьи за ненадлежащее выполнение обязанностей и злоупотребление правом в Российской империи в XVIII – начале XX века // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2016. № 2 (34). С. 260–265.
 16. *Дурова Н.А.* Кавалерист-девица. Происшествие в России: в 2 т. СПб.: Военная типография, 1836. Т. 1. 289 с.
 17. *Емельянов С.М.* Практикум по конфликтологии. СПб.: Питер, 2004. 360 с. ISBN 5-272-00113-3.
 18. *Колинько А.Ю.* Развитие семейного права в России в XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 197 с.
 19. *Левшин Э.М.* Становление и развитие брачно-семейного законодательства в дореволюционной России: Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 273 с.

20. *Микаелян О.С.* Условия и порядок заключения брака в законодательстве России IX – XX вв.: проблемы правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 174 с.
21. *Невзоров Е.Ю., Щербинина Ю.В.* Солдатские дети в законодательстве и правоприменительной практике в Российской империи XVIII–XIX веков // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 179. С. 131–142. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-179-131-142.
22. *Нестерова В.Л.* Культурный мир российской женщины XIX – начала XX вв. на материалах отечественных женских журналов: Дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2015. 193 с.
23. *Нижник Н.С.* Правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России: IX–XX вв.: Дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2003. 492 с.
24. *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
25. *Пушкарева Н.Л.* Женщины России и Европы на пороге Нового времени: монография. М.: ИЭА РАН, 1996. 285 с.
26. *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX века). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
27. *Трефилова М.Н., Котлова Т.Б.* Конфликт как фактор трансформации семьи горожан в конце XIX – первой четверти XX в. (на материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губернии) // Женщина в российском обществе. 2011. № 1 (58). С. 3–16.
28. *Хрущова А.Г.* Воспоминания // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 94–107.
29. *Чижикова А.С.* Брачный церемониал российских дворян в XIX в. // Вестник славянских культур. 2011. № 4 (22). С. 74–80.
30. *Ярмонова Е.Н.* Правовое положение женщин на Руси с IX по XV в.: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 195 с.

ОСУЖДЕННЫЕ ПО СТАТЬЕ 121.1 УК РСФСР В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ТЮРЕМНОЙ СИСТЕМЫ В МЕМУАРАХ Л.С. КЛЕЙНА

Аннотация. В рамках данной статьи источником информации о восприятии изменений положения гомосексуально-го осужденного служат мемуары историка Л.С. Клейна, осужденного по ст. 121.1 в 1981 г. Оказываясь помещенным в тюремную систему, осужденный занимал низкое положение в социальной иерархии – получал статус «чуш-ка». Другие заключенные воспринимали такого человека как символически нечистого, который способен «заражать» своей нечистотой окружающих. Мужчина лишился права полноценного контроля за своим телом, которое могло подвергаться в том числе прямой стигматизации с помощью нанесения татуировок и иных калечащих практик. Для того, чтобы избежать такого статуса, осужденный должен был доказать свою символическую чистоту и продемонстрировать непринадлежность к гомосексуалам.

Ключевые слова: РСФСР, 1980-е гг., мужеложство, символическая чистота, стигматизация, тюремная система

Abstract. Within the framework of this article, the source of information on the perception of changes in the situation of a homosexual convict is the memoirs of historian L.S. Klein, convicted under Art. 121.1 in 1981. Being placed in the prison system, the convict occupied a low position in the social hierarchy - received the status of "chushka." Other prisoners perceived such a person as symbolically unclean, who is able to "infect" with his uncleanness of others. The man was deprived of the right to full control over his body, which could also be directly

stigmatized by applying tattoos and other crippling practices. In order to avoid such a status, the convict had to prove his symbolic purity and demonstrate non-belonging to homosexuals.

Key words: *RSFSR, 1980s, muzhelozhstvo, symbolic purity, stigmatization, prison system*

Советское государство в 1970–1980-е гг. отличалось стремлением регулировать многие сферы общества. Под подобный контроль подпадала и личная жизнь людей: их семья, быт, отношения с родственниками. Поведение, не соответствующее установленной норме, воспринималось как отклонение и подлежало коррекции, в том числе с помощью помещения в тюремную или лагерную систему. Определенные преступления, описанные и зафиксированные в Уголовном кодексе СССР, заключались именно в нарушении существующей в обществе советской морали и предполагали исправление индивида и его наказание за девиантные поступки. Ярким примером подобного преследования и контроля за личной жизнью можно считать статью за «музжеложство» – совершение однополого акта между мужчинами по взаимному согласию (ст. 121 УК СССР 1960 г.)¹. Советская власть негативно относилась к гомосексуальности, что можно увидеть как в самом принятии и сохранении криминализующей статьи Уголовного кодекса, так и в репрессиях со стороны власти против деятелей культуры, заподозренных в гомосексуальных связях (например, В.А. Козина). Массовое общественное сознание также считало подобные отношения аморальными и недопустимыми, что видно по результатам опроса «Левада-Центра» за 1989 г.²: 33,7% респондентов высказались за ликвидацию гомосексуалов, а 30,7% – за их изоляцию от общества.

Очевидно, что человек, осужденный по статье 121.1 УК,

¹ Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. ст. 120 // Докипедия – URL: <https://dokipedia.ru/document/5160972> (Дата посещения: 29.05.2020).

² Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / А.А. Голов, А.И. Гражданкин, Л.Д. Гудков и др.; под общ. ред. Ю.А. Левады. – М.: Мир, Океан, 1993. С. 286.

кардинально изменял свой социальный статус и становился для многих «маргиналом».

В настоящий момент вопрос о том, как сам осужденный переживал эту трансформацию и чувствовал себя после подобной стигматизации, остается слабо изученным. В связи с этим большое значение имеет обращение к эго-документам, которые могут показать самоощущение индивида в данной ситуации. При этом особый интерес представляет положение осужденных по данной статье внутри тюремной социальной структуры, то есть в рамках экстремальной ситуации пребывания внутри «тотального института».

Таким образом, ключевой целью данного исследования является выявление социального статуса осужденных по статье 121 УК РСФСР внутри тюремной социальной структуры.

Важно отметить, что в данном случае реальная гомосексуальность человека не имеет принципиального значения: само осуждение человека по статье 121 заставляло общество воспринимать этого индивида как преступника и гомосексуала, даже если это не соответствовало реальности. В связи с этим сексуальная ориентация описываемых героев не является интересом исследователя. Объектом анализа выступает реакция общества на изменение статуса после обвинения в гомосексуальных связях и отношение окружающих людей к человеку после его маргинализации.

При работе использовалась литература, которая могла бы помочь восстановить положение гомосексуальных мужчин в период «позднего социализма», а также объясняла бы политику маргинализации, используемую в отношении них разных государствах.

Источником для исследования послужила автобиография Л.С. Клейна «Трудно быть Клейном»¹. Биография составлена самим ученым и включает в себя разделы, посвященные разным этапам жизни и карьеры историка. Источником для создания произведения стали интервью Клейна с журналистами,

¹ Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. – СПб.: Нестор-История, 2010.

материалы личной переписки с коллегами и друзьями, фрагменты книг исследователя¹. Кроме автобиографии «Трудно быть Клейном», в отдельные моменты в исследовании привлекались материалы из книги «Перевернутый мир»²: некоторые фрагменты этого произведения стали частью автобиографии, однако для получения более подробной и полной цитаты в отдельных случаях было необходимо обращение не только к фрагменту, но и ко всему оригиналу.

Лев Самуилович Клейн родился в 1927 г. в Витебске. Свое детство будущий ученый провел в Белоруссии, однако в 13 лет вместе с семьей был эвакуирован в Йошкар-Олу после начала Великой Отечественной войны. В 1947 г. Л.С. Клейн перевелся на очное отделение Ленинградского университета на факультет истории, параллельно с которым он получал образование и на филологическом факультете. Через десять лет, в 1957 г., поступил в аспирантуру по археологии, а уже в 1962 г. был принят на кафедру в качестве ассистента. Звание доцента историк получил в 1976 г. за свои исследования в области археологии³.

5 марта 1981 г. Л.С. Клейн был арестован по обвинению в мужеложстве. В своей автобиографии историк подробно описывает как процесс ареста, так и время, которое он вынужден был провести в заключении. С точки зрения историка, его процесс носил очевидный политический характер, а сам арест был связан с недовольством со стороны власти деятельностью и позицией исследователя⁴. Л.С. Клейн был приговорен к трем годам заключения, однако в августе 1981 г. его приговор был заменен на более мягкий: полтора года, большую часть которых Лев Самуилович к этому времени уже отбыл.

Как отмечает Г. Беккер, в тот момент, когда окружающие люди начинают воспринимать человека как девианта, «нарушитель норм» приобретает новый статус: на него наклеивается определенный «ярлык», который становится элементом его

¹ Там же. С. 13–17.

² Самойлов Л. Перевернутый мир. – СПб: ФАРН, 1993.

³ Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. С. 21–89.

⁴ Там же. С. 328.

новой идентичности. При этом обладание таким ярлыком может иметь и символическую ценность, а социум может предполагать, что носитель данного статуса обладает и другими нежелательными признаками, ассоциируемыми с данной девиантностью¹. Так, обвиненный в совершении однополых контактов мужчина получал ярлык «мужеложника» и начинал по-иному восприниматься своими коллегами, близкими и друзьями. После того как человек попадал в пенитенциарную систему, он оказывался помещен в то, что Э. Гоффман определял как «тотальный институт». В таком месте теряют значение прошлые социальные статусы человека, привычные ему модели поведения становятся неактуальными.

Лев Самуилович Клейн до вынесения приговора находился в тюрьме «Кресты» г. Ленинграда. В своих воспоминаниях он подробно описывает то, к какой «касте» относили гомосексуальных мужчин и тех, кого подозревали в гомосексуальных наклонностях. Подобные люди получали статус «чушка» – изгоя, который оказывался лишен любых прав и свобод: они вынуждены были работать больше, чем иные заключенные, а также часто использовались для удовлетворения сексуальных потребностей обитателей зоны. При этом стать «чушком» можно было не только за подозрение в гомосексуальности, но и за другое осуждаемое заключенными поведение. Например, за нарушение внутреннего тюремного устава или за наличие физических увечий или излишне симпатичной внешности².

Можно сказать, что подобный статус неприкасаемого получал практически каждый, кто был не способен интегрироваться в местное сообщество. Однако гомосексуальные мужчины и те, кому выпала роль тюремной «проститутки», располагались на самом низу иерархии: *«Особую категорию чушковых составляют «пидоры» — педерасты (кличка — от неграмотного «пидорас»).* *С ними вор или мужик не должен даже разговаривать или находиться рядом. Если случайно окажется рядом, то —*

¹ Беккер Г. Указ. соч. С. 52–53.

² Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. С. 367.

*процедить сквозь зубы: «Дерни отсюда (т. е. поди прочь), пидор вонючий!» Вот и все, что можно сказать пидору на людях. Или врубить ему по зубам и демонстративно вымыть руку»*¹. В данном фрагменте особый интерес представляет тот факт, что мужчины, практикующие секс с мужчинами, воспринимались «грязными», будто бы прокаженными. Подтверждение этому можно увидеть и в иных цитатах из автобиографии, например: *«Он усладить их будет (было сказано прямее), а такой человек обязан есть отдельно от всех и посудой его никто не должен пользоваться»*².

Антрополог М. Дуглас, работая с представлениями о чистоте и ее противоположностях в разных обществах, показала, что выделение нечистого напрямую связано с символическими структурами внутри общества³: нечто «грязное» как бы выбивается из привычной для человека системы, с помощью которой он классифицирует явления в окружающем мире. Соответственно, с такой точки зрения, мужчины, практикующие секс с мужчинами, не вписывались в систему координат, существующую в пенитенциарной системе. Более того, их «нечистота» могла переходить⁴ на тех, кто стремился поговорить с ними на равных: после такого поступка человек всегда оказывался осквернен и сам опускался до статуса «чушка». Однако нельзя сказать, что гомосексуальное поведение не вписывалось в практику лагерного быта. Напротив, подобные контакты существовали между заключенными очень продолжительное время существования данного социального института. Следовательно, представление о «нечистоте» гомосексуала было привязано не к пенитенциарной системе, а ко всему обществу в принципе, просто внутри тотального института подобное жесткое разграничение «грязного» и «чистого» находило свое прямое проявление.

По сути, осужденный за «мужеложество» в лагере терял контроль над собственным телом и становился объектом в глазах окружающих. Происходила полная деперсонализация

¹ Там же. С. 368.

² Там же. С. 339.

³ Дуглас М. Указ. соч. С. 64–65.

⁴ Там же. С. 63.

личности. Как вспоминает это сам Л. Клейн, подобных мужчин могли использовать в любой момент и вне зависимости от их воли для удовлетворения сексуальных потребностей иных заключенных¹. Также само тело «чушка» могли использовать и калечить. Например, Л.С. Клейн вспоминает о том, как одного из заключенных специально готовили к тому, чтобы он мог постоянно практиковать оральный секс с более статусными уголовниками: *«выбивали ему передние зубы – верхние и нижние. Чтобы не мешали. Приставят к зубу шашечку от домино и стучают по ней алюминиевой миской – зуб вылетает очень аккуратно»*².

Иногда гомосексуального мужчину на зоне клеймили в буквальном смысле этого слова, помещая на его телесвоеобразные татуировки³, подчеркивавшие его статус. Подобные знаки являются наглядным свидетельством существования практики стигматизации, которая осуществлялась особенно жестоко в условиях заключения. При этом, как отмечает сам Л.С. Клейн, такие позорные татуировки, в отличие от других, нельзя было выводить или маскировать: *«<...> например, петух на груди или мушки над бровью, над губой (так помечаются разные виды пидоров). Их нельзя ни вырезать, ни выжигать. Положено — носи»*⁴. Статус «чушка» был для заключенного несмываем на все время его пребывания в пенитенциарной системе: подобного неприкасаемого выдавали обязательные для него манеры, особая одежда.

Однако не все осужденные по данной статье обретали подобный статус. Сама биография Л.С. Клейна – яркий пример того, как человек мог выстроить иную линию поведения и занять уважаемое положение среди арестантского сообщества. Важно понять, почему ученому это удалось и какие механизмы он для этого использовал.

Л.С. Клейн не дал совершить против себя позорящих действий в первое время пребывания в камере: он был готов

¹ Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. С. 338.

² Там же. С. 339.

³ См. также: Dan Healey. Russian Homophobia from Stalin to Sochi. P. 46–47.

⁴ Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. С. 373.

обороняться от иных заключенных любой ценой и открыто демонстрировал подобное стремление. Также ученый позволил своим сокамерникам ознакомиться со своим делом, которое до суда было у него на руках, и в ходе анализа документов они пришли к выводу, что обвинение Клейна носит политический характер¹. Следовательно, обвиненный по «позорной» статье мог избежать низкого социального статуса внутри зоны, если доказывал свою символическую чистоту: непричастность к гомосексуальному поведению или участие в нем в активной роли, которая воспринималась гораздо позитивнее и часто служила даже признаком мужественности.

Статус самого Л.С. Клейна, после того как он смог доказать ложность своего обвинения, резко возвысился: он получил пост раздатчика сахара, что говорит о том, что он воспринимался сокамерниками как равный, и его прикосновение к пище, особенно такой ценной на зоне, как сахар, не приравнивалось к ее осквернению².

Переходя к результатам исследования, стоит отметить, что приведенные в статье выводы имеют определенные ограничения, которые стоит учитывать при дальнейшем анализе данной проблематики. В первую очередь, предложенные умозаключения были совершены с помощью анализа одного источника, что не может не ограничивать репрезентативность результата. При этом данный источник имеет значимые преимущества, так как является одним из очень немногих подробных описаний опыта осужденного по ст. 121.1. Также сам Л.С. Клейн, обладавший хорошим классическим образованием, смог в своем рассказе отметить многие важные детали и подробно передать все, что ему пришлось пережить. Во-вторых, в силу первого ограничения, результаты анализа в большей степени применимы в отношении очень крупных городов, столицы, а не всей территории РСФСР, внутри которой различия между разными пенитенциарными учреждениями могли быть разительными. Третье, наиболее

¹ Там же. С. 335.

² Там же.

важное замечание, касается и особенности статуса самого Л.С. Клейна. Иным заключенным достаточно скоро стал известен политический характер его дела, что помогло историку получить особый статус в тюремной иерархии. Однако большая часть мужчин, осужденных по статье 121.1, не могли воспользоваться этим преимуществом и вынуждены были разрабатывать иные стратегии выживания в системе. Их опыт в рамках источника оказывается репрезентирован в меньшей степени.

Подводя итог анализу образа осужденного по статье 121.1 УК РСФСР, можно прийти к следующим выводам. Мужчина, обвиняемый в совершении гомосексуальных актов, на зоне оказывался в самом низу социальной иерархии – приобретал статус «чушка», который лишал его любой свободы, а также возможности контролировать свое тело и собственную безопасность. Иные заключенные получали доступ к использованию тела гомосексуального мужчины как объекта для удовлетворения собственных желаний: очень часто это тело маркировалось с помощью специфической одежды, татуировок, увечий. При этом пассивный гомосексуал считался нечистым, и любые контакты с ним на равных приводили к осквернению другого человека. Внутри зоны существовали свой особый жаргон, используемый при разговоре о гомосексуальности. Однако в некоторых случаях осужденный по статье за «мужеложество» мог предотвратить собственную маргинализацию: с помощью активного сопротивления насилию, знания основ поведения внутри «зон» человек мог показать свою невиновность, если его обвинение носило политический характер. В таком случае его статус оказывался намного выше статуса «чушка». Однако для тех мужчин, которые на самом деле испытывали гомосексуальное влечение, это вряд ли было возможно.

Список литературы и источников

1. Беккер Г. Аутсайдеры. Исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018. 272 с.
2. Гоффман Э. Тотальные институты. Очерки о социальной ситуации

- психических больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. – М.: Элементарные формы, 2019. 458 с.
3. *Дуглас М.* Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-пресс-Ц, 2000. 288 с.
 4. *Клейн Л.С.* Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010. 730 с.
 5. *Козловский В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры: материалы к изучению. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1986. 228 с.
 6. *Самойлов Л.* Перевернутый мир. СПб: ФАРН, 1993. 224 с.
 7. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / А.А. Голов, А.И. Гражданкин, Л.Д. Гудков и др.; Под общ. ред. Ю.А. Левады. М.: Мир, Океан, 1993. 300 с.
 8. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. ст. 120 [Электронный ресурс] / Докипедия. URL: <https://dokipedia.ru/document/5160972> (Дата посещения: 19.01.2021).
 9. *Хили Д.* Гомосексуальное влечение в дореволюционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства. М.: Ладомир, 2008. 648 с.
 10. *Эпплбаум Э.* Гулаг. – М.: Corpus, 2015. 688 с.
 11. *Dan Healey.* Russian Homophobia from Stalin to Sochi. New York: Bloomsbury Academic, 2018. 286 p.

ПАМЯТЬ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ В МЕМУАРАХ ИНОСТРАНЦЕВ И ИНОСТРАНЦЕВ В XVIII – I ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой меморизации памяти об исторической родине иностранцев на территории Российской империи. Цель данного исследования – выявить гендерные различия памяти об исторической родине в мемуарах иностранцев и иностранцев в XVIII – I четверти XIX в. Совершая в своих записях противопоставление культур двух стран, мужчины акцентируют свое внимание на манерах, внешнем виде, умении расположить к себе. Женщины же обращают внимание на детали в интерьере, внешнем виде, общении. Мемуары как источник воспроизводства памяти являются и способом ее трансформации. Так мужчины описывают и соотносят сегодняшнее время, женщины, наоборот, постоянно возвращаются к прошлому.*

Ключевые слова: *Российская империя, история России в XVIII – I четверти XIX в., иностранцы, мемуары, историческая память*

Abstract. *The article addresses issues related to the problem of memorization of the memory of the historical homeland of foreigners in the Russian Empire. The purpose of this study is to identify gender differences in the memory of the historical homeland in the memoirs of foreigners and foreigners in the XVIII-I quarter of the XIX century. Making in their records the opposition of the cultures of the two countries, men focus their attention on manners, appearance, ability to arrange themselves. Women pay attention to details in the interior,*

appearance, communication. Memoirs as a source of memory reproduction is also a way of its transformation. Thus, men describe and relate today, women, on the contrary, constantly return to the past.

Key words: *Russian Empire, history of Russia in the 18th – 1st quarter of the 19th century, foreigners, memoirs, historical memory*

Ментальным ядром и основой общественного сознания является память. Это – психологический процесс, связанный не только с запоминанием, но и с воспроизведением прошлого. В человеческом сознании события фиксируются разными способами и соответственно существуют различия и в воспроизводстве воспоминаний. Одни и те же моменты воспринимаются по-разному женщинами и мужчинами.

Цель данного исследования – выявить гендерные различия памяти об исторической родине в мемуарах иностранок и иностранцев в XVIII – I четверти XIX в.

Покидая свою родину, человек, несомненно, сохраняет в памяти определенные моменты, которые помогают ему преодолевать трудности, связанные со сменой места жительства. Эти моменты становятся ключевыми воспоминаниями, примером для сравнения.

Мемуары иностранцев большей частью посвящены описанию пребывания их на территории Российской империи. Однако на протяжении всего повествования у авторов ощущается неразрывная связь с родиной. Многогранный образ исторической родины в сопоставлении его с впечатлениями от России создается в воспоминаниях благодаря реконструкции ментальной, бытовой, религиозной, культурной сфер обеих стран. Так, например, Л.-Ф. Сегюр, описывая Санкт-Петербург, ассоциирует его с Парижем: «Модные наряды, богатые одежды, роскошные пиры, великолепные торжества, зрелища, подобные тем, которые увеселяют из-

бранное общество Парижа и Лондона»¹. Французской художнице Э. Виже-Лебрен разлив р. Невы напоминает «родную» р. Сену. Ее поражает широта и мощь русской реки. М.Д.Б. де Корберон, переезжая из Москвы в Санкт-Петербург, не рекомендует останавливаться на дороге «потому, что там нет таких пристанищ, как во Франции»².

Данные примеры иллюстрируют дихотомию «свой – чужой». Авторы, будучи носителями одной культуры, проводят сравнение с аналогичными элементами другой культуры, где происходит сопоставление «чужого» со «своим», где центральной концептуальной идеей становится признак «так, как дома» или «не так, как дома».

Иностранцам важно выявить общее, что объединяет их историческую родину с «новым домом». Эти точки пересечения помогают создать универсальную модель мира. Именно они выступают в качестве адаптационных механизмов. Например, Л.-Ф. Сегюр отмечает европейский лоск Санкт-Петербурга. Часто француз говорит о схожести в развлечениях, одежде, облике города. Об этом пишет и Э. Виже-Лебрен: «видна грация французской компании»³. Иногда ей кажется, что окружающая ее действительность сделала «прыжок из Парижа в Санкт-Петербург»⁴. Однако М.Д.Б. де Корберон, видя европейский облик российской столицы, скучает по родному дому. Восприятие России через призму своей культуры также становится способом адаптации в инонациональном пространстве.

Для восприятия иной культуры характерна системная избирательность. Человек выделяет какой-либо объект из

¹ Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Segur/frametext1.htm> (Дата обращения: 25.08.2020).

² Корберон М.Д.Б., де. Интимный дневник шевалье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. [Электронный ресурс]. URL: <http://drevlit.ru/texts/k/korberon1.php> (Дата обращения: 28.08.2020).

³ Виже-Лебрен Э. Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801. [Электронный ресурс]. URL: <http://digital.library.utoronto.ca/women/lebrun/memoirs/memoirs.html> (Дата обращения: 30.04.2020).

⁴ Там же.

числа других. Авторы текстов часто в качестве таких объектов избирают природу, культуру, нравы, обычаи. Это те объекты, которые вызывают у иностранца интерес как наиболее значимые и заметные в восприятии местности. В дневнике М.Д.Б. де Корберона говорится о придворных, и автор примечает отсутствие в этих кругах честности и справедливости, находясь на приемах, отмечает их отличие от французских. С одной стороны, авторы описывают российскую действительность, но, с другой, сравнивают эту действительность с «домашней обстановкой» во Франции. «Это напоминает мне, то веселое время, которое я проводил в парижских гостиных»¹, – пишет Л.-Ф. Сегюр. Более того, в некоторых строчках чувствуется нотка грусти по родине. Для Л.-Ф. Сегюра в России короткое лето и достаточно суровый климат. Находясь в придворном обществе, Л.-Ф. Сегюр обращает внимание на княжну Скавронскую и подмечает, что «в Париже все любовались бы красотой и прелестью» данной девицы².

Рассматривая общие аспекты мемуарной литературы, следует остановиться и на гендерных различиях. Так, например, записки Екатерины II неполно отражают ее внутренний мир, поскольку данный документ носит политический характер. Однако они не лишены эмоций. Екатерина II часто обращается к воспоминаниям своего детства. Например, во время неприятной ситуации она пишет: «Всю жизнь я любила скрывать свои слезы...».

Напротив, дневник Э. Виле-Лебрен пропитан личным восприятием окружающего мира. Художница много описывает свое эмоциональное отношение к обычаям, нравам, обстановке. Э. Виле-Лебрен подчеркивает различие времен года. Для Э. Виле-Лебрен весна ассоциируется с пением соловья, с цветочным ароматом в воздухе, с благоуханной природой. Этого художница не видит в России весной, но видит летом³.

Еще одно интересное отличие – женщины начинают свое повествование с раннего детства. «Я родилась 21 апреля (2 мая)

¹ Сегюр Л.-Ф. Указ. соч.

² Там же.

³ Виле-Лебрен Э. Указ. соч.

1729 г. (тому сегодня 42 года) в Штетине, в Померании»¹. «Я начну с рассказа о своем детстве, которое является, так сказать, символом всей моей жизни, поскольку моя любовь к живописи заявила о себе в самой ранней юности»². Находясь на чужбине женщине легче проецировать память об исторической родине, посредством детских воспоминаний. Детство – мощное место памяти, которое женщина не может опустить.

Совершая противопоставление бытовых взаимоотношений, мужчины акцентируют свое внимание на манерах, внешнем виде, умении расположить себя. Женщины обращают внимание на детали. Например, Э. Виж-Лебрен, находясь зимой в России, удивлена местной системе отопления. Ей важен ответ на вопрос, почему во Франции холодно в доме зимой, а в России тепло.

Характерным отличием записок Екатерины II и Э. Виж-Лебрен является желание понять и принять «чужую» культуру: «Веселый нрав мой много помогал мне в этом, потому что все эти аргусы нередко забавлялись моими речами и мало по неволе сами делались веселее и мягче»³. «Простые люди в России безобразны, но их поведение простое и достойное – они лучшие создания в мире»⁴. Обнаруживается стремление к толерантному отношению к инокультурным особенностям. В целом ряде фрагментов женщины из роли наблюдателя, регистрирующего факты, пытаются оправдать или объяснить некую разницу культур. Женщины не акцентируют внимание на негативных отличиях культур, наоборот, пытаются найти этому отличию объяснение.

Таким образом, проанализированный материал является весьма ценным с точки зрения изучения памяти об исторической родине иностранцев. Ключевым моментом в воспоминаниях становится противопоставление «старая – новая» Родина. Эта дихотомия соотносится как «свое – чужое». Новая культура воспринимается

¹ Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II // Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Репринтное воспроизведение. М.: «Наука», 1990. С. 10.

² Виж-Лебрен Э. Указ. соч.

³ Екатерина II. Указ. соч. С. 80.

⁴ Виж-Лебрен Э. Указ. соч.

через призму «родной» культуры. В качестве маркера памяти выступает диалог культур. Воспоминания, представленные в текстах, позволяют увидеть фрагменты представлений о родине и обнаружить гендерные особенности. Женские тексты акцентируют внимание на природно-бытовых сферах. Мужские записи большей частью посвящены рабочей сфере. В качестве «мест памяти» мужские воспоминания используют окружающую обстановку: дорога, архитектура, общество. В данном контексте женские воспоминания используют эмоциональную составляющую: природное явление, детские ассоциации, эмоциональный отклик на действие. Различия происходят и в исполнении. Так, мужчины описывают и соотносят сегодняшнее время, женщины, наоборот, постоянно возвращаются к прошлому.

Список литературы и источников

1. Белова А.В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 39–51.
2. Бурмистрова С.В. Специфика репрезентации авторского я в женской мемуарной прозе // Вестник ТГПУ. 2011. № 11 (113). С. 119–124.
3. Виже-Лебрен Э. Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. 1795-1801. [Электронный ресурс]. URL: <http://digital.library.upenn.edu/women/lebrun/memoirs/memoirs.html> (Дата обращения: 30.04.2020).
4. Вязигина Н.В. Гендерные особенности мемуарного текста // Филология и искусствоведение. 2013. № 2–2 (78). С. 141–144.
5. Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II // Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Репринтное воспроизведение. М.: «Наука», 1990. 288 с.
6. Корберон М.Д.Б., де. Интимный дневник шеваляе де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. [Электронный ресурс]. URL: <http://drevlit.ru/texts/k/korberon1.php> (Дата обращения: 28.08.2020).
7. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1999. С. 17–50.
8. Нуркова В.В. Анализ феноменологии автобиографической памяти

- с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 17–26.
9. *Осипова И.С., Никишов С.Н., Пронькина Е.Г.* Половые и гендерные особенности функционирования автобиографической памяти [Электронный ресурс] // Мир науки. 2017. Т. 5. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN517.pdf> (Дата обращения: 29.09.2020).
 10. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная лингвистика и исторические науки // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 31–40.
 11. *Сегюр Л.-Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Segur/frameset1.htm> (Дата обращения: 25.08.2020).

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: «ФРОНТОВЫЕ СЕСТРЫ» ГЕРМАНСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА

Аннотация. *В статье исследуется женский гендерный аспект служебной повседневности Германского Красного Креста, так как на протяжении всей истории основу организации составляли женские ассоциации и союзы профессиональных сестер милосердия и помощниц-добровольцев. При нацизме и политике «возвращения и расширения жизненного пространства» прежний миф о гражданской медсестре уточнялся до понятия «медсестра вермахта» – вермахтшвестер, а с началом Второй мировой войны, до гендера «медсестра переднего края» – фронтишвестер, сестра-солдат. Прагматический мир мужчин получил в свое распоряжение совершенный профессиональный, идеологически мотивированный инструмент санитарии поля боя. Тысячи фронтишвестер, пройдя в своем гуманитарном служении все круги ада минувшей войны, как гендер, бесследно исчезли после ее завершения.*

Ключевые слова: *Германский Красный Крест, Третий рейх, история женщин, нацизм, вермахт, феминизм*

Abstract. *The article explores the female gender aspect of the service everyday life of the German Red Cross, since, throughout history, the organization was based on women's associations and unions of professional sisters of mercy and volunteer assistants. Under Nazism and the policy of "returning and expanding the living space," the former myth of a civilian nurse was clarified to the concept of "Wehrmacht nurse" - Wehrmachtshwester, and, with the outbreak of*

World War II, to the gender of “front-line nurse” - front-line visitor, soldier sister. The pragmatic world of men received at its disposal a perfect professional, ideologically motivated instrument of battlefield sanitation. Thousands of frontrunners, having passed in their humanitarian service, all circles of hell of the past war, like gender, disappeared without a trace after its completion.

Keywords: *German Red Cross, Third Reich, history of women, Nazism, Wehrmacht, feminism*

Германский Красный Крест (DRK/ДПК) – общественная благотворительная гражданская организация добровольной помощи, преимущественно медицинского назначения, была создана в виде Прусского национального комитета в 1864 г. Целью Красного Креста была профессиональная и волонтерская профильная деятельность в условиях военного времени, а также в мирное время при возникновении чрезвычайных ситуаций – гуманитарных катастроф, эпидемий, политических катаклизмов. Профессиональная этика ДПК базировалась на семи основных принципах: гуманность, беспристрастность, нейтралитет, независимость, добровольность, единство и универсальность. В XIX в. ключевым фактором, влияющим на статистику безвозвратных потерь среди военнослужащих на поле боя, которые достигали 90% от общего числа раненых, а также гражданского населения в условиях войны и иных катастроф, выступило отсутствие первичной медицинской помощи и последующего простейшего ухода в постбоевой обстановке. 29 октября 1863 г. в Женеве была учреждена межправительственная организация – Международный комитет по оказанию помощи раненым, которая с 1876 г. называется Международным комитетом Красного Креста. Оповестительный знак в виде полосы белой материи с красным крестом на ней обрел статус правоустанавливающего документа, а ее обладатель – международную защиту. Женевские соглашения и документы легли в основу Гаагских и, очевидно, Женевских конвенций, обогативших между-

народное право новыми соглашениями о защите военнопленных, раненых и потерпевших кораблекрушение из состава военно-морских сил, а также некоторых категорий гражданских лиц¹.

В 1909 г. государства, входившие в состав Германской империи, согласовали Первую Женевскую конвенцию. Так началась деятельность единой общегерманской ассоциации Германский Красный Крест. Характерной гендерной особенностью движения являлось исключительное доминирование мужчин в попечительских и управленческих органах ассоциации. При этом профильные структуры ДРК наполнялись добровольцами в основном за счет присоединения женских организаций: ассоциаций сестринств профессиональных сестер милосердия, сгруппированных вокруг одного или нескольких «Материнских домов ДРК» внутри каждой административной территории государства, с настоятельницей-аристократкой во главе, и массовых объединений добровольцев: мужчин и женщин, сестер милосердия «без диплома», вступивших в ДРК индивидуально и прошедших обучение в качестве добровольцев, помощниц и сиделок внутри организации².

Привлечение женщин к службе в Красном Кресте вписывалось в популярную гендерную модель социальных функций женщины в быту, в проявление «природных» свойств женского характера: милосердия, заботы, бескорыстности, трудолюбия. Потребность в малоквалифицированном персонале, связанная с уходом за пациентами, а не с профессиональным лечением, открывала вакансии сиделок и палатных сестер для тысяч женщин, не имевших специального образования, отчасти решала проблемы их занятости и минимальной социальной защиты. Мужской персонал Красного Креста использовался в ином качестве: во врачебной, фельдшерской, аптекарской практике. Во время Первой мировой войны группы медсестер и помощниц, сменяя составы, непрерывно работали в тыловых госпиталях и лазаретах, на госпитальных судах и в бригадах санитарных эшелонов, на крупных железнодорожных станциях и в пунктах эвакуации. Мужской состав ДРК служил в мо-

¹ Grüneisen F. Das Deutsche Rote Kreuz in Vergangenheit und Gegenwart. – Potsdam, 1939. S. 1–5.

² Ibid. S. 54–80; S. 99–111.

бильных санитарных колоннах, обеспечивая эвакуацию раненых из прифронтовой полосы, снабжение военно-санитарной службы медикаментами и материалами. Главным попечителем ДРК в этот период был император Вильгельм II, а императрица Августа Виктория взяла на себя роль координатора деятельности женских благотворительных ассоциаций, в том числе и ДРК. В те годы на фронте побывали 25 тысяч медсестер из состава различных общественных организаций. В этих условиях в обществе произошла трансформация образа гражданской медсестры ДРК, «отправленной на войну», в медсестру «военную», профессионально привязанную к фронту, путем феминизации мифа о фронтовике-мужчине, передавшего гражданской медсестре такие качества, как осознанное чувство долга, патриотизм, любовь к Родине, готовность к самопожертвованию, христианская любовь к ближнему. Указанные свойства личности преломлялись через парадигму основной гендерной функции женщины той эпохи, через концепцию женственности. С одной стороны, участие женщин в политической жизни, законодательстве, развитии промышленности и управлении экономикой не поощрялось, а право на образование и профессиональную карьеру ограничивалось. С другой стороны, государство направляло социальные потребности ущемленной феминности в русло абсолютной занятости и подчинения в сфере реального военного строительства. Вовлечение женщин из аристократических кругов не изменило их правового статуса, а лишь расширило круг обязанностей. Форма добровольного и бескорыстного участия женщин в низовых звеньях на практике означала весьма жесткую модель профессиональной и моральной эксплуатации по военным стандартам. Социальные льготы служащим Красного Креста, отсутствовавшие в гражданском секторе, привязывали сестер милосердия к своей организации на всю жизнь. При этом военная специфика их профессиональной подготовки ограничивала доступ в систему общего здравоохранения. Женщины-служащие Красного Креста, как правило, не имели семей и оставались бездетными¹.

¹ Panke-Kochinke B., Schaidhammer-Placke M. Frontschwester und Friedensengel: Kriegskrankenpflege im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Ein Quellen- und Fotoband. Frankfurt am Main, 2002. S. 13–27.

По окончании Первой мировой войны ДРК лишился государственной поддержки. Многие региональные и местные организации закрылись, а медицинские сестры оказались без средств к существованию и перспектив трудоустройства. Согласно Уставу от 25 января 1921 г., новые организационные принципы ДРК отвечали требованиям ст. 177 и 178 Версальского договора и отводили Красному Кресту лечебную деятельность исключительно в гражданской сфере¹.

После прихода нацистов к власти в 1933 г. лейтмотивом государственной внешней политики стал тезис о возвращении отобранного победителями «жизненного пространства» военными методами, консолидацией всех ресурсов по модели единого военного лагеря. Германский Красный Крест стал одной из первых общественных организаций, подвергнутой тотальной унификации. Уже 4 мая 1933 г. президент ДРК заявил об обязанности организации «сделать цели национального правительства собственными целями», а также предложил включить членов НСДАП в работу главного совета ДРК. Вводились новые принципы деятельности Красно-го Креста: жесткое руководство президента; внедрение принципа фюрерства на всех уровнях; «возвращение к первоначальным задачам», то есть к уходу за ранеными в интересах армии².

В высших органах ДРК преобладали мужчины. 1 сентября 1934 г. покровительство над организацией принял Гитлер, совмещавший посты канцлера и президента. Новый текст присяги членов ДРК, как и военная присяга, содержал персональные обязательства перед фюрером: «Я присягаю в верности фюреру Германского государства и народа Адольфу Гитлеру. Я клянусь повиноваться приказам своих начальников и выполнять свой долг в Германском Красном Кресте. Да поможет мне Бог»³.

¹ Grüneisen F. Das Deutsche Rote Kreuz in Vergangenheit und Gegenwart. – Potsdam, 1939. S. 159.

² Цит. по: Seithe H., Hagemann F. Das Deutsche Rote Kreuz im Dritten Reich (1933–1939) Mit einem Abriß seiner Geschichte in der Weimarer Republik. Frankfurt am Main, 2001. S. 58.

³ Grüneisen F. Das Deutsche Rote Kreuz in Vergangenheit und Gegenwart. – Potsdam, 1939. S. 269.

В сестринства принимались только сестры, подтвердившие «арийское» происхождение, имевшие медицинское образование и статус государственных сертифицированных сестер. Фактическим руководителем каждого сестринства ДРК являлась старшая медицинская сестра. Медперсонал добровольной медицинской помощи в армии подчинялся регламентам Военно-уголовного и Дисциплинарно-процессуального кодексов¹.

1 января 1937 г. ДРК возглавил доктор медицины, обергруппенфюрер СС Эрнст-Роберт Гравиц (1899–1945)². ДРК был уполномочен «участвовать в официальной медико-санитарной службе вермахта». Добровольный выход из ДРК истолковывался партийными и государственными инстанциями как саботаж и диверсия. Территориальное деление ДРК было приведено в соответствие с границами военных округов. Согласно § 12 закона о ДРК, для членов ДРК устанавливались льготы, касающиеся обеспечения всем необходимым их семей, на основании закона о поддержке семьи от 30 марта 1936 г.³.

ДРК нес службу в зоне театра военных действий, в частности, в армейском тылу. При этом его прерогативой являлась служба сестер в военных госпиталях, в госпиталях для легкораненых, госпиталях люфтваффе, санитарных бригадах люфтваффе и в санитарных поездах, а в исключительных случаях – в полевых госпиталях вблизи линии фронта. Персонал Красного Креста в составе медико-санитарной службы вермахта получал удостоверение личности Верховного главнокомандования вермахта, заверенную печатью повязку с красным крестом и солдатскую книжку. Начальники медико-санитарных подразделений могли делать официальные предупреждения подчиненным, нарушающим дисциплину. Рабочее время медсестер и помощниц составляло 60 часов в неделю при двухнедельном графике. В случае необходимости персонал

¹ Reichsgesetzblatt. – Berlin, 1940. – Teil I. S. 445; Reichsgesetzblatt. – Berlin, 1940. – Teil II. S. 41.

² Eckart W. U. SS-Obergruppenführer und General der Waffen-SS Prof. Dr. med. Ernst Grawitz // Ueberschär G. R. (Hrsg.). Hitlers militärische Elite. Vom Kriegsbeginn bis zum Weltkriegsende. Bd 2. – Darmstadt, 1998. S. 63–71.

³ Reichsgesetzblatt. – Berlin, 1936. – Teil I. S. 327.

обязывался работать сверх установленных рабочих часов. Сестры служили в госпиталях на основе особого взаимодействия с конкретным материнским домом ДРК, получавшим ежемесячное финансирование за всех сестер, командированных в вермахт¹.

Германский Красный Крест прочно вошел в структуру нацистских партийно-государственных организаций. Все девушки и девочки, входившие в Союз немецких девушек (БДМ), становились кадровым резервом ДРК. Ежегодно из БДМ на службу в Красный Крест поступало 25 тысяч девушек². Ежедневное пособие женщины-помощницы ДРК составляло 1,50 рейхсмарки. В случае смерти от несчастного случая или болезни на службе наследникам или потерпевшей выплачивалось единовременное пособие в сумме 500 рейхсмарок³.

В публичном пространстве Германии появился новый термин, уточнявший предназначение женского медперсонала: «вермахт-швестер» – «сестра вермахта»⁴. Важно, что многие женщины и девушки становились медсестрами добровольно, предпочитая уход за больными работе на промышленных предприятиях. С началом Второй мировой войны и особенно после нападения Германии на Советский Союз стала ощущаться нехватка медицинских сестер. Это открыло возможность трудоустройства девушек из крестьянской и рабочей среды, а помощницам медсестер – путь профессиональной карьеры в сестринства после дополнительного обучения и экзаменов. В 1942 г. медсестрам запретили менять профессию. К уходу за больными допускались женщины «арийского» происхождения из оккупированных территорий, еврейки-метисы во втором поколении. Германский Красный Крест

¹ Bestimmungen für die Freiwillige Krankenpflege bei der Wehrmacht im Kriege // Oberkommando der Wehrmacht. – Berlin, 1940. – № 182 H.Dv.S. 12–13; 22–23.

² Vereinbarung mit der Reichsjugendführung // Das Deutsche Rote Kreuz Verordnungsblatt. – Berlin, 1938. – Folge 8. S. 27.

³ Grundsätze für die weiblichen Hilfskräfte des Deutschen Roten Kreuzes // Nachrichten Deutsche Rote Kreuz. – Berlin, 1934. – № 12. S. 16.

⁴ Panke-Kochinke B., Schaidhammer-Placke M. Frontschwester und Friedensengel: Kriegskrankenpflege im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Ein Quellen- und Fotoband. – Frankfurt am Main, 2002. S. 28–30.

получил монополию на использование добровольцев-медсестер в военных медучреждениях театра военных действий. Сестрам из религиозных организаций разрешалось работать в госпиталях в пределах территории Рейха. Мужское руководство ДРК более не представляло интересы и не осуществляло контроль сестер в военных госпиталях. Вместо этого были учреждены должности полевых и армейских начальниц (старост). Сестер могли задействовать на самых разных участках работы. Личная оценка качеств работницы выходила за пределы профессиональной этики и, несмотря на тотальное доминирование мужчин, институт «сестер вермахта» открывал женщинам возможность выйти за пределы официально признанной гендерной роли. Несмотря на поражение Германии в Первой мировой войне, образ сестры Красного Креста не утратил популярности в обществе и из «сестры военного времени» постепенно трансформировался в образ «фронтowej сестры» (фронтшвестер), активизировавшийся с утверждением нацизма. К началу Второй мировой войны свою добровольную службу в медучреждениях вермахта сестры, как правило, оценивали положительно: из чувства долга; национального энтузиазма или как способ ухода от политического давления; шанс избежать ограничения личной свободы; избавиться от опеки родителей; воочию узнать другие страны; получить профессию; завести знакомства или перейти в более высокий социальный слой; вступить в престижный брак; получить гарантированное содержание, льготы, пенсию¹.

Нацистская пропаганда утверждала, что «фронтовые сестры» находятся в смертельной опасности, как и мужчины на передовой, а потому могут рассчитывать на признательность с их стороны. Иногда сестра входит на равных в близкие отношения, по крайней мере, в романах; умножает силы и возможности, приобретает уважение и любовь мужчины-партнера; вступает в дружеский брак. Она и мать, учитель, медсестра, товарищ, боец. Она благородна, полезна, добра, предупредительна, чиста, акку-

¹ Panke-Kochinke B., Schaidhammer-Placke M. Frontschwester und Friedensengel: Kriegskrankenpflege im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Ein Quellen- und Fotoband. – Frankfurt am Main, 2002. S. 172–173.

ратна, опрятна. Она воплощает все то, чего у «низших» рас никогда быть не может. Она приходится народу любимой дочерью, выражением немецких обычаев и немецкого духа. Воспитанные на пропагандистских построениях нацистских идеологов, получившие прекрасное профессиональное образование и практику, медсестры Германского Красного Креста вписались в отлаженную систему санитарной службы вермахта, быстро завоевав авторитет и уважение коллег-мужчин. С первых дней войны они проследовали рядом с ними по покоренным Польше, Франции, Балканам, Норвегии и Северной Африке. Они исполнили многие из своих желаний, получив «свободу» и «увидев мир». Осознание того, что их добровольческая миссия приносит свои плоды в процессе восстановления Германии и дальнейшего расширения ее «жизненного пространства», на практике подтверждая нацистские тезисы о расовом превосходстве «арийцев», способствовало формированию устойчивой патриотической мотивации, уверенности в правоте социальных концепций режима, твердости и решимости в преодолении трудностей военной обстановки.

Открытие Восточного фронта для большинства медсестер носило характер погружения в неизвестность, в отличие от западного театра военных действий, условия на котором были сходны с привычными германскими. Санитарная служба вермахта впервые столкнулась с тотальной нехваткой ресурсов, госпитального фонда, ограничением бытовых удобств, резким ухудшением эпидемиологической обстановки, отразившейся не только на пациентах, но и на персонале медучреждений. Выполнение самых сложных экстренных операций сместилось из глубокого тыла в пункты первой помощи вблизи переднего края. Бои и их трагический для немцев финал в районе Дона, Волги, Сталинграда привели к огромным жертвам, к первым серьезным потерям среди медсестер Красного Креста. В немецких воинских частях в условиях острой нехватки медикаментов свирепствовали эпидемии тифа, желтухи, дизентерии, дифтерии, холеры. Многие сестры переболели несколькими из перечисленных заболеваний. На завершающем этапе войны в Европе упорядоченный отход и эва-

куация медперсонала осуществлялись далеко не всегда. Сестры пробивались на Запад самостоятельно, попадали в плен к союзникам, где принудительно служили в лагерях по уходу за больными военнопленными или бывшими узниками концлагерей. Начиная с 1943 г. неизвестное число медсестер попало в плен на Восточном фронте, было убито или вывезено в советские лагеря. Приводимые ниже дневниковые записи и фрагменты воспоминаний некоторых сестер Германского Красного Креста позволяют проанализировать восприятие ими фронтовой повседневности.

Ильзе Беренс до начала Второй мировой войны служила в Международном санатории Красного Креста в Генуе. 31 августа 1939 г. она сделала запись в дневнике: «Ждать тут начало войны бессмысленно. В Германии будут созданы группы сестер и разосланы по военным госпиталям. Без меня! Невозможно!». Показательный пример мотивации немецкой медсестры нового типа. Март 1942 г. в госпитальном поезде: «Мы двигаемся на Восток. В течение нескольких дней мы не видели ничего, кроме глубоко затянутого облаками неба над широкими, очень широкими белыми полями в сером свете. И снег, снег, снег. Наконец мы доехали до Сталино и ждем поезда до Харькова. Минус 25°, холодно! Мы остаемся в деревянном вокзале, «комнате ожидания», которая сохраняет немного тепла за счет примитивной печи, румын, немецких солдат. Здесь тиф. Все на карантине... Приезжаем в Харьков поздно вечером. Мы ехали из Бордо десять дней». Очевидно, сестра Беренс впервые в России. В начальный период Второй мировой войны ее служба проходила в покоренной Франции. 22 марта 1942 г.: «Госпиталь переполнен. Мы находим сестер. Они совершенно измучены. Госпитальное отделение принадлежит 6-й армии. Раненые прибывают из Белгорода, где проходит фронт... Когда вы открываете кран, вода через раковину стекает на пол. Ванная и другие санузлы не соответствуют пышному фасаду. Я беру на себя палату на сто двадцать коек. Сюда поступают раненые в тряпках, вшах, в грязи. И те, кто серьезно, тяжело ранен... Работаем непрерывно с носилками от привокзальной площади до двери операционной. Раненые разные, без ног и рук, разрыв конечностей, выстрелы в

лицо, травмы позвоночника. Да, чудовищное, бесконечно глубокое, сверхъестественное пространство России раскрыло пасть и теперь непрерывно извергает танки, несущие смерть. Мы устали и чувствуем себя неудобно. А наши мысли идут на запад. На запад...». Медсестре ДРК хватило четырех месяцев, чтобы развернуть свой взгляд в противоположную сторону¹.

Свой отъезд на фронт сестра Эдит Гелерт предваряет воспоминаниями о Материнском доме ДРК в Германии: «Благоразумная сестра Герта никогда бы не выдала нам фетровые шляпы в комплекте с костюмом медсестры, если бы предвидела, что мы зимой вырезаем из них стельки для обуви». «Путешествие» Эдит на восток началось 7 августа 1941 г. из Житомира, где их встретили начальница (староста) ДРК в 6-й армии вермахта Хенни Тиссен и главный врач штаба армии. В первую же ночь на новом месте ее «атаковали» паразиты: «Невозможно описать то, что означала эта чума клопов, блох и вшей. Ванны не было, а только драгоценный таз с водой». Гелерт описывает и условия, в которых проходила ее служба: «В центре комнаты стоял полевой операционный стол. Ежедневно выдавалась миска с водой для умывания на одну процедуру в сутки. Одна из сестер заметила, что если не умываешься, то расчесываешь свое тело, и это очень “бодрит”. Туалеты заменял сарай во дворе, позади дома, вместимостью до 4-х человек. Когда эту “уборную” занимали мужчины, вывешивался красный флажок, когда женщины, белый». Обязанности санитарок в госпитале исполняли помощницы, советские еврейки: в глазном отделении они ухаживали за ранеными, помогали их кормить, мыли посуду, следили за чистотой бараков. В один из дней, когда Эдит решила угостить ребенка одной из них чашкой какао, подошли грузовики с охраной, в которые забрали всех помощниц и отправили на казнь. Сестра хотела пожать руку своей помощницы на прощанье, но женщина обняла своего мальчика и сказала: «Я не могу пожать тебе руку, ты тоже немка!» В госпитале 4/542, в Ростовской области, условия службы Эдит описывает буквально «полевыми»: «Соседнее кукурузное

¹ Behrens I. Wer aus Russland kommt ist müde. – Pahl, 1952. S. 5–24.

поле использовалось нами как уборная, и было совершенно непонятно, что делать после того, как кукурузу уберут». Здесь она служила инфекционистом и записала в дневнике следующее: «В отделении на мешках с соломой лежат больные дифтерией, картина апокалипсиса, лица накрыты марлей. Неприятный запах изо рта привлекает массу ужасных насекомых. Шея у больных распухла и стала больше головы. Терапия противодифтерийной сывороткой ограничена, так как сначала снабжается фронт». В 654-м полевом госпитале, где служила Эдит, недалеко от станции Жирнов в Ростовской области, в Рождественскую ночь 1942 г., в связи с прорывом РККА на Среднем Дону объявили эвакуацию. Главврач госпиталя направил сестру на станцию, где стоял санитарный поезд. Начальник поезда потребовал у нее документы и направление на эвакуацию, которых не оказалось. Сестре ДРК отказали в приеме, и впервые в ее адрес прозвучало, как пощечина, слово «дезертир». Она вернулась в свой госпиталь и доложила начальству, что остается. Врач написал несколько слов на клочке грязного бланка и снова отправил ее на станцию. На этот раз ее приняли, но не гарантировали возможность пересечения Донца по мосту под ударами советской авиации. Когда наступил день, поезд прибыл на станцию Лихая, где работал госпиталь и сестры ДРК. Она спаслась, а ее госпиталь погиб. Всю свою дальнейшую жизнь, без остатка, Эдит Гелерт посвятила Германскому Красному Кресту, неизменно пользуясь авторитетом сотрудников во всех специальностях и должностях. Скончалась в доме – пансионате ДРК, в 2015 г., в возрасте 100 лет¹.

Показательно, что после окончания Второй мировой войны и проведения процесса денацификации ДРК значительное число женского медперсонала, служившего в Европе и вернувшегося с фронта, осталось в своей организации по профессиональной принадлежности, кроме участников антигуманных акций, отнесенных Международным трибуналом к числу преступлений. Обновленный Германский Красный Крест сохранил за собой полномочия в сфере службы скорой медпомощи; оперативного реагирования

¹ Gehlert E. So war es! Eine Rotkreuzschwester erinnert sich. – München, 1995. S. 1–17.

и действий в период чрезвычайных гуманитарных ситуаций и катастроф; благотворительного гражданского ухода за больными и престарелыми согражданами; в содержании собственных больниц и реабилитационных центров. Система администрирования также сохранилась. Среди руководителей организации и врачей значительно возросло число женщин. Западноевропейское государство учитывало льготы и прежние заслуги, награды, связанные с охраной здоровья и спасением человеческих жизней.

Таким образом, активное и добровольное участие немецких женщин в деятельности Красного Креста объясняется удачным сочетанием нескольких гендерных моделей. Оно отвечало политическим и прагматическим интересам правящего класса в условиях эпохи непрерывно идущих войн, глобализации борьбы за доминирование в мире. Вопросы тыла традиционно решались в гражданском секторе, где свои обязанности исполняли женщины, в том числе через реализацию репродуктивной функции. Укрупнение театра военных действий изменило гендерные функции женщин, вовлекая их не только в экономику, но и в военную инфраструктуру. Идеология Германского Красного Креста, выработанная мужчинами, оказалась привлекательной для самых широких слоев общества, в том числе для женщин из средних и нижних социальных слоев. По сути, женщинам было предложено добровольно, бесплатно и на протяжении всей жизни получить «право» на выполнение «обязанностей» в рядах милитаризированной организации. Высший эшелон власти и контроля мужчины оставили за собой, «доверив» женщинам всю исполнительную рутину. Пропаганда, оперирующая изощренными псевдопатриотическими мифами, в комбинации с реальными льготами, доступностью базового образования и ведомственной карьеры привела к гендерной конструкции образа «фронтальной сестры», то есть к типу женщины, которая не привязана к семье, к репродуктивной роли.

Она имеет профессию и социальную защиту; ее гендерная роль гуманна и востребована обществом; она имеет возможности карьерного роста и доминирования в своей среде; имеет одинаковый статус с коллегами-мужчинами, с которыми действует

в едином профессиональном поле. При этом тщательный анализ ролевой функции «фронтowej сестры» показывает, что «дарованное равноправие» имеет свою цену. В нацистский период, вместе с парадигмой любимой дочери народа, фронтowa медсестра в сфере своей службы получила обязанности, аналогичные уставным требованиям к обычному солдату. Она заслужила те же награды и льготы, те же регламенты и наказания, присягу, солдатскую книжку и личный опознавательный знак на веревке вокруг шеи, ту же пощечину за попытку покинуть линию фронта. Обрела право быть убитой, умершей от тифа, растерзанной и плененной противником, несмотря на конвенции и соглашения.

Список литературы и источников

1. *Behrens I.* Wer aus Russland kommt ist müde. Pahl: Verlag Hohe Warte Franz v. Bebenburg, 1952. – 62 S.
2. Bestimmungen für die Freiwillige Krankenpflege bei der Wehrmacht im Kriege // Oberkommando der Wehrmacht. Berlin: Verlag von E.S. Mittler & Sohn, 1940. – 31 S.
3. *Gehlert E.* So war es! Eine Rotkreuzschwester erinnert sich. München: Archiv Schwesternschaft München vom Bayerischen Roten Kreuz e.V., typoskript, 1995. – 35 S.
4. Grundsätze für die weiblichen Hilfskräfte des Deutschen Roten Kreuzes // Nachrichten Deutsche Rote Kreuz. 1934. № 12. – 16 S.
5. *Grüneisen F.* Das Deutsche Rote Kreuz in Vergangenheit und Gegenwart. Potsdam-Babelsberg: Verlagsabteilung Deutsches Rote Kreuz Präsidium, 1939. – 290 S.
6. *Panke-Kochinke B., Schaidhammer-Placke M.* Frontschwester und Friedensengel: Kriegsrankenpflege im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Ein Quellen- und Fotoband. Frankfurt am Main: Mabuse-Verlag, 2002. – 287 S.
7. Reichsgesetzblatt. Berlin: Reichsverlagsamt, 1936. Teil I. – 1156 S.
8. Reichsgesetzblatt. Berlin: Reichsverlagsamt, 1940. Teil I. – 1674 S.
9. *Seithe H., Hagemann F.* Das Deutsche Rote Kreuz im Dritten Reich (1933–1939) Mit einem Abriß seiner Geschichte in der Weimarer Republik. Frankfurt am Main: Mabuse-Verlag, 2001. – 279 S.
10. Vereinbarung mit der Reichsjugendführung // Das Deutsche Rote Kreuz Verordnungsblatt. 1938. Folge 8. – 27 S.

БЛОГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОГО НАСИЛИЯ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ

Аннотация. *В представленной статье исследуются информативные возможности материалов блог-платформ как историко-антропологического источника по изучению проблемы гендерного насилия в обществах постколониальной субсахарской Африки. Разница в количестве тематических записей на разных платформах обуславливается автором неравномерностью посетителей крупных и авторских блог-порталов, а также характером их направленности. В частности, материалы блог-платформ отличаются большей откровенностью респондентов, причиной которой является возможность анонимной публикации сообщений и отсутствием жесткой цензуры. Это дает возможность размещать размышления о таких табуированных в африканских обществах темах, как сексуальные злоупотребления, насилие в гомосексуальной среде, критика традиционных обычаев и практик.*

Ключевые слова: *гендер, гендерное насилие, Тропическая Африка, блоги, цифровая антропология*

Abstract. *The presented article explores the informative possibilities of blog platform materials as a historical and anthropological source for studying the problem of gender violence in societies of post-colonial sub-Saharan Africa. The difference in the number of thematic entries on different platforms is due to the author's unevenness of visitors to large and copyright blog portals, as well as the nature of their*

orientation. In particular, the materials of blog platforms are characterized by greater frankness of respondents, the reason for which is the possibility of anonymous publication of messages and the lack of strict censorship. This allows reflection on topics taboo in African societies such as sexual abuse, violence in a homosexual environment, criticism of traditional customs and practices.

Key words: *gender, gender-based violence, Tropical Africa, blogs, digital anthropology*

В современном обществе, благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий, появляется особое виртуальное пространство, посредством которого может транслироваться крайне широкий спектр информации, в том числе затрагивающий важные антропологические феномены.

Использование отдельных элементов интернет-среды в последние десятилетия становится все более существенным в контексте антропологических исследований, поскольку они дают ученому абсолютно новый формат представления информации и саморепрезентации. В отечественной и зарубежной историографии на данный момент можно выделить значительное количество работ, посвященных способам репрезентации в Интернете, а также методологическим подходам в привлечении информации различных платформ и сервисов к изучению этнографических и антропологических феноменов¹. Авторы обращают внимание на специфи-

¹ Srinivasan R. Indigenous, Ethnic and Cultural Articulations of the New Media // International Journal of Culture Studies. 2006. Vol. 9 (4). P. 497–518; Тюренкова Д.О. Семейные ценности в русскоязычной блогосфере // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Отв. ред. В.В. Карпов. Вып. 5. СПб., 2014. С. 187–192; Kurtz L. C., Trainer S., Beresford M., et. al. Blogs as Elusive Ethnographic Texts: Methodological and Ethical Challenges in Qualitative Online Research // International Journal of Qualitative Methods. 2017. Vol. 16. P. 1–12; Майоров А.В., Волкова А.М., Потапов А.Д. Исследование взаимодействия человека с технологиями: киберантропология и ее проблемное поле // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2020. № 1. С. 185–199; Соколовский С.В. Киборги в киберпространстве: современные исследования в области кибер- и цифровой антропологии // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 5–22.

ку киберпространства, проблемы возникновения интернет-сообществ и информативные возможности новых коммуникативных технологий. Однако, как совершенно верно замечает С.В. Соколовский, в российском научном пространстве данное направление пока еще развито чрезвычайно слабо¹.

Особенно интересным в данной связи становится обращение к источникам личного происхождения, созданным и размещенным на интернет-ресурсах, при изучении табуированных в общественном и научном дискурсах тем, к которым можно отнести и гендерное насилие.

В постколониальной Тропической Африке проблема практик гендерного насилия усугубляется сложившейся в обществах различных народов «культурой молчания», которая порицает открытое обсуждение данного аспекта социальных отношений. В этой связи интернет-источники могут оказаться более информативными, раскрывающими как отношение самих жертв насилия, так и смелые позиции со стороны свидетелей или представителей тех или иных народов.

В рамках данного исследования предпринимается попытка выявить информативные возможности материалов блог-платформ как источника по изучению проблемы гендерного насилия в постколониальной Тропической Африке.

Блог определяется как веб-сайт с серией часто обновляемых постов в обратном хронологическом порядке, содержащих оригинальный контент, написанный одним или несколькими авторами (блоггерами), где каждый пост включает возможности для комментариев и ссылок, предназначенных для продвижения виртуального сообщества². Современные блоги обычно выступают персонализированными повествованиями, перформативными пространствами и саморефлексивными комментариями как для самих авторов блогов, так и для читателей, с которыми они устанавливают отношения.

В ходе исследования анализировались материалы, представленные на пяти африканских блог-платформах: This is

¹ Соколовский С.В. Указ. соч. С. 6.

² KurtzL. C., TrainerS., BeresfordM., et. al. Op. cit. P. 3.

Africa¹, AfricanFeminism², Ms.Afropolitan³, Rosebell's blog⁴, AfricaBlogging⁵. Данные ресурсы были выбраны как наиболее популярные в африканской среде.

Платформы This is Africa и AfricaBlogging являются нейтральными по своей тематике и содержат блоги, посвященные широкому кругу проблем, волнующих африканцев, в то время как AfricanFeminism, Ms.Afropolitan, Rosebell's blog имеют ярко выраженную феминистскую направленность, авторами в большинстве своем выступают женщины.

Также необходимо отметить, что из представленных интернет-ресурсов три блога – This is Africa, AfricanFeminism, AfricaBlogging – являются платформами для выражения мнений разных людей, а Ms.Afropolitan и Rosebell's blog являются частично или полностью авторскими.

В процессе выявления релевантных проблем гендерного насилия блог-постов применялись поиск, по ключевым словам, и хэштегам. Поскольку данные блог-платформы являются исключительно африканскими интернет-ресурсами, отпадает необходимость в селекции материала по региональному/национальному и языковому критериям. В качестве ключевых слов и хэштегов были выбраны шесть позиций, непосредственно связанных с проблемой гендерного насилия: rape, incest, gender violence (gender-based violence), domestic violence, female genital mutilation (FGM), harassment.

На диаграмме (ил. 1) представлены результаты поиска блог-постов на пяти африканских платформах. Разница в количестве полученных данных обуславливается разной степенью наполняемости и активности пользователей. Можно отметить,

¹ This is Africa [Electronic resource]. URL: <https://thisisafrica.me/> (accessed: 05.08.2020).

² African Feminism [Electronic resource]. URL: <https://africanfeminism.com/blog/> (accessed: 05.08.2020).

³ Ms. Afropolitan [Electronic resource]. URL: <https://www.msafropolitan.com> (accessed: 05.08.2020).

⁴ Rosebell Kagumire. African Feminisms, Politics, Gender, Human Rights. Peace and Conflict [Electronic resource]. URL: <https://rosebellkagumire.com/> (accessed: 05.08.2020).

⁵ AfricaBlogging [Electronic resource]. URL: <https://blogging.africa/> (accessed: 05.08.2020).

что авторские блоги имеют меньшее количество блог-записей, поскольку они ведутся одним человеком. AfricaBlogging также содержит меньшее количество записей, поскольку, во-первых, не является феминистски ориентированным ресурсом, а также служит достаточно закрытым порталом, содержащим блоги небольшого круга авторов.

Диаграмма 1.
Результаты поиска с разбивкой по блог-платформам

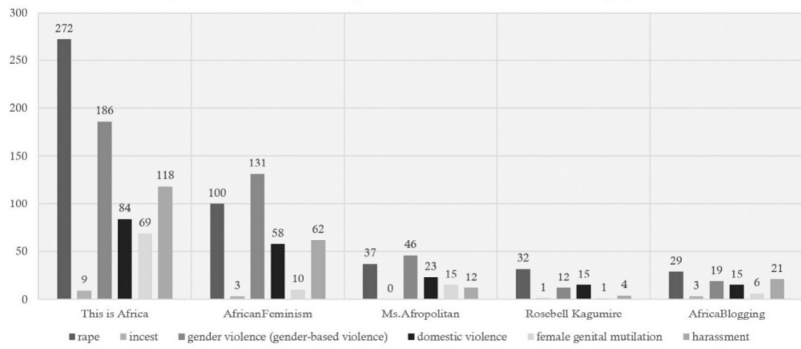
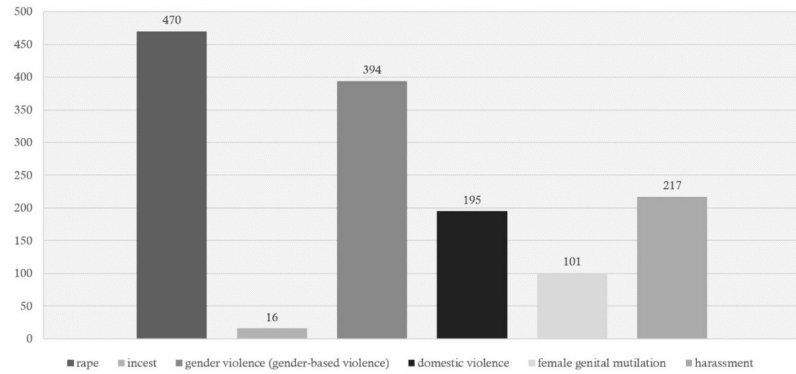

Диаграмма 2. Суммированные результаты поиска

Если суммировать результаты поиска по всем платформам (ил. 2), можно увидеть, что наиболее часто поднимаемой темой в блог-платформах по вопросам гендерного насилия являются изнасилования. Также существенное внимание уделяется в целом

насилию, основанному на гендерной принадлежности. Инцест как отдельная проблема встречается крайне редко, поскольку чаще включается в блок изнасилований.

Анализируя содержание блог-записей, следует отметить, во-первых, что их авторами являются преимущественно женщины. Это отражает в целом характерную для народов африканского региона асимметрию в обсуждении вопросов гендерных отношений и неравенства, голосами которого выступают также в основном женщины.

Во-вторых, следует отметить, что материалы блог-платформ позволяют выявить различный спектр представляемой информации. Блог-посты могут быть отражением личного мнения отдельного человека, который сталкивался с гендерным насилием в своей жизни и повествует о пережитом опыте. Кроме того, записи могут представлять собой рефлексию проблемы гендерного насилия как таковой, поскольку она является острой для всех обществ африканского континента.

Главное отличие блог-постов от других нарративных источников состоит, прежде всего, в персонализированности и эмоциональной окраске текста. Учитывая, что в ходе исторического развития субсахарских народов не складывается устойчивая традиция ведения дневников или написания мемуаров, блог-посты становятся, несомненно, важным источником личного происхождения, позволяющим исследователю «услышать голоса» африканок и африканцев, которые находятся в пространстве осуществления насильственных практик как части повседневной жизни.

Также следует отметить, что неавторские блог-платформы предоставляют возможность анонимной публикации постов, что позволяет авторам более открыто и безбоязненно выражать свои точки зрения и описывать эмоциональные переживания, ведь они не будут подвергаться за это еще большей дискриминации со стороны семьи, общины или социума в целом, как это нередко происходит в реальном пространстве.

Еще одной особенностью является возможность комментирования блог-постов пользователями интернет-ресурса, что превра-

щает блог в дискуссионное пространство. Это позволяет не только анализировать непосредственно содержание поста, но еще и увидеть реакцию на него, различные мнения о высказываемой автором проблеме. Например, Минна Салами на своей авторской блог-платформе поделилась с читателями историей о пережитых сексуальных домогательствах и изнасиловании, которым она подвергалась в разные годы, а также охарактеризовала различия в реакции на эти события в детском и зрелом возрасте¹. Ее пост привлек большое внимание со стороны читателей, которые в комментариях оставляли мотивирующие записи, а также делились собственными историями подобного рода. Механизм комментариев на блог-платформах представляется уникальным сочетанием источника личного происхождения и дискуссии, вокруг которого он разворачивается. В контексте антропологического исследования проблемы гендерного насилия это дает весьма обширный материал для анализа, поскольку включает в себя как автобиографические данные, так и рефлексии пережитых травмирующих опытов.

Авторы блог-постов затрагивают широкий круг тем по проблеме гендерного насилия в Тропической Африке: непосредственно само насилие и различные его проявления (физическое, психологическое, социальная, экономическая и политическая депривация), отношение правоохранительных органов и власти к гендерной дискриминации, насилие в отношении различных социальных групп, традиционные гендерные роли и стереотипы фемининности и маскулинности.

Блоги-посты, будучи источником личного происхождения, содержат в себе ценные индивидуальные опыты, что позволяет увидеть повседневность проблемы гендерного насилия и дискриминации, а также влияния гендерных стереотипов.

Так, например, Дорин Акийо Йомоа замечает в записи блога следующее: «“Ты женщина”». Эти три слова, возможно, мои наименее любимые слова в английском языке. Когда люди повторяют их мне, обычно это делается для того, чтобы судить, как

¹ Salami M. For people that have been raped. May 14, 2013 // Ms.Afropolitan [Electronic resource]. URL: <https://www.msafropolitan.com/2013/05/for-people-that-have-been-raped.html> (accessed: 20.08.2020).

я могу или не могу вести себя, или как я должна или не должна себя вести. Но кроме гениталий, с которыми я родилась, на основании этих трех слов обо мне нельзя сделать никаких других предположений. Тем не менее вот некоторые из них, которые люди обычно делают. Что мой биологический пол по своей природе делает меня менее способной делать такие вещи, как стоять в поезде, открывать дверь, брать чек, но все же, поскольку у меня есть влагалище, я должна готовить. Узнав, что я не умею или не хочу готовить, друг семьи однажды спросил: “Что ты собираешься делать, когда выйдешь замуж, если не будешь готовить?”¹. Экспрессивность, с которой автор поста рассказывает о пережитом опыте, показывает остроту проблемы в восприятии современных африканок, которые не желают смириться с подобным отношением. Именно такая эмоциональная окрашенность текста важна в контексте антропологического исследования проблем гендерного насилия, поскольку она демонстрирует остроту переживания проблемы и личный взгляд автора записи.

Также следует обратить внимание на рассуждение кенийской девушки о проблемах социальной депривации в контексте традиционных практик: «Когда я умру, похороните меня там, где мама хочет, чтобы я была похоронена. Когда я умру, позвольте уважать желания моей матери. Недавно я узнала, что после того, как вы вышли замуж по традиционной церемонии в моей общине (народа кикуйю в Кении) и получили выкуп, вы не можете развестись, если вы не вернете выплаченный за вас выкуп семье вашего (бывшего) мужа. Поэтому я спросила бабушку, что будет, если моя мама захочет снова выйти замуж. Она сказала, что выкуп нужно сначала вернуть семье моего отца, чтобы она могла выйти замуж за другого. Затем я спросила, что произойдет, если она скончается, и она сказала, что может только молиться, чтобы мой отец и его семья были логичны и позволили похоронить мою

¹ Yomoah D.A. 5 things my vagina does not make me. A guest blog by Doreen Akiyo Yomoah. April 19, 2014 // Ms. Afropolitan [Electronic resource]. URL: <https://www.msafropolitan.com/2014/04/5-things-my-vagina-does-not-make-me.html> (accessed: 20.08.2020).

мать на ее земле или земле ее родственников»¹. Сквозь личную историю, рассказанную в блог-посте автором, исследователь способен не только выявить характерные этнокультурные особенности и практики гендерного насилия, но и оценить степень их принятия и отрицания отдельными людьми.

Важным представляется указать на тот факт, что именно посредством анализа блог-постов возможно изучение гендерного насилия в гомосексуальной среде. Данная тема не находит практически никакого отражения в иных нарративных источниках, в том числе в периодической печати, поскольку ЛГБТ-сообщество остается наиболее дискриминируемой категорией населения в субсахарских обществах, в том числе среди тех народов, в странах которых были узаконены гомосексуальные отношения.

Авторы блог-постов в связи с этим предпочитают использовать при описании абьюзивных отношений вместо более распространенных понятий *gender-based violence* или *domestic violence* термин *Intimate partner violence* (насилие со стороны интимного партнера). Оно является более широким, поскольку предполагает рассмотрение не только отношений в рамках семьи, но и между сексуальными партнерами или иными близкими людьми вне зависимости от их гендерной принадлежности и/или сексуальной ориентации.

В частности, кенийский автор Кайли Киунгуйи на портале «This is Africa» рассуждает о насилии в лесбийских парах, проводя аналогии с гетеросексуальными отношениями. Она отмечает, что женщины в гомосексуальных парах прибегают к насилию по отношению к своему партнеру по схожим с «мужскими» причинам: получить и сохранить контроль, что связано с опасением быть покинутыми. Кроме того, она пишет о различии в эмоциональном переживании при разрыве гетеросексуальных и гомосексуальных отношений: «Лесбиянки сталкиваются с уникальными трудностями, бросая абьюзивные отношения, отличными от гетеросексуальных женщин. Гомофобия (в сочетании с гетеросексизмом), например, является серьезным социальным барьером, который не

¹ Kioi N. When I Die, Let My Mother's Wishes Be Respected. March 10, 2020 // AfricanFeminism [Electronic resource]. URL: <https://africanfeminism.com/when-i-die-let-my-mothers-wishes-be-respected>(accessed: 20.08.2020).

влияет на гетеросексуальных женщин, но часто мешает лесбиянкам обратиться за помощью. Еще больше усложняет ситуацию то, что некоторые лесбиянки могут серьезно бороться с внутренней гомофобией. Жестокие лесбиянки могут использовать гомофобию (как социальную, так и внутреннюю) в своих интересах, пытаясь контролировать своего партнера и сохранять над ним власть. В некоторых странах, где гомосексуализм является преступлением, они могут пригрозить «выдать» своего партнера властям и привлечь его к ответственности за участие в гомосексуализме или на рабочем месте, фактически ставя под угрозу их работу. Для лесбиянок с детьми угроза может заключаться в том, чтобы «выдать» их отцу своего ребенка, приведя в действие ужасающую мысль о потере опеки над своими детьми, поскольку судебная система с такой же вероятностью будет критиковать ее сексуальную ориентацию»¹. Отражая в интернет-пространстве весьма неоднозначную для африканских социокультурных реалий тему, авторы имеют возможность рассуждать более открыто, привлекая к обозначенной проблеме большее количество людей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что материалы африканских блог-платформ выступают в качестве релевантного источника по изучению такого антропологического феномена, как гендерное насилие. В блог-постах, авторами которых являются преимущественно женщины, транслируются индивидуальные опыты переживания насильственных практик и рефлексия проблемы в целом. В виртуальном пространстве саморепрезентации можно наблюдать большую откровенность, что обуславливается возможностью анонимной публикации сообщений.

Блоги, поскольку они являются в определенной мере перформативным материалом, становятся не только средством выражения личного мнения, отражения травмирующих опытов или рефлексии проблемы гендерного насилия, но и дискуссионным пространством, в котором отдельные пользователи могут обмениваться мнениями, делиться схожими переживаниями или точ-

¹ Kiunguyu K. Fact sheet: Intimate partner violence (IPV) among gay women. December 6, 2017 // This is Africa [Electronic resource]. URL: <https://thisisafrika.me/lifestyle/fact-sheet-ipv-among-gay-women/> (accessed: 20.08.2020).

ками зрения. Это повышает информативные возможности блогов как антропологического источника, ведь представляет большее количество голосов жертв насилия или его очевидцев.

Список литературы и источников

1. Майоров А.В., Волкова А.М., Потанов А.Д. Исследование взаимодействия человека с технологиями: киберантропология и ее проблемное поле // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2020. № 1. С. 185–199.
2. Соколовский С.В. Киборги в киберпространстве: современные исследования в области кибер- и цифровой антропологии // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 5–22.
3. Тюренкова Д.О. Семейные ценности в русскоязычной блогосфере // Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Отв. ред. В.В. Карпов. Вып. 5. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 187–192.
4. Kioi N. When I Die, Let My Mother's Wishes Be Respected. March 10, 2020 // AfricanFeminism [Electronic resource]. URL: <https://africanfeminism.com/when-i-die-let-my-mothers-wishes-be-respected> (accessed: 20.08.2020).
5. Kiunguyu K. Fact sheet: Intimate partner violence (IPV) among gay women. December 6, 2017 // This is Africa [Electronic resource]. URL: <https://thisisafrica.me/lifestyle/fact-sheet-ipv-among-gay-women/> (accessed: 20.08.2020).
6. Kurtz L.C., Trainer S., Beresford M., et. al. Blogs as Elusive Ethnographic Texts: Methodological and Ethical Challenges in Qualitative Online Research // International Journal of Qualitative Methods. 2017. Vol. 16. P. 1–12. <https://doi.org/10.1177/1609406917705796>
7. Salami M. For people that have been raped. May 14, 2013 // Ms. Afropolitan [Electronic resource]. URL: <https://www.msafropolitan.com/2013/05/for-people-that-have-been-raped.html> (accessed: 20.08.2020).
8. Srinivasan R. Indigenous, Ethnic and Cultural Articulations of the New Media // International Journal of Culture Studies. 2006. Vol. 9 (4). P. 497–518. <https://doi.org/10.1177/1367877906069899>
9. Yomoah D.A. 5 things my vagina does not make me. A guest blog by Doreen Akiyo Yomoah. April 19, 2014 // Ms. Afropolitan [Electronic resource]. URL: <https://www.msafropolitan.com/2014/04/5-things-my-vagina-does-not-make-me.html> (accessed: 20.08.2020).

**ПРАКТИКИ НАСТАВНИЧЕСТВА
В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ПЕРВЫХ РУССКИХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ
(XIX – НАЧАЛО XX В.)**

Аннотация. *В статье рассматривается значение практик наставничества и научного руководства как фактора вхождения первых русских женщин-историков в академическую корпорацию Российской империи конца XIX – начала XX в. Институционализация права женщин на высшее образование в формате Высших женских курсов в разных городах привело к увеличению количества курсисток, заинтересованных в продолжении научной карьеры и после обучения. Однако женщины-историки долгое время не могли стать наставниками для более молодых коллег. Полная отмена различий в получении ученых степеней между мужчинами и женщинами в 1918 г. и революционные события изменили практики наставничества: теперь женщины с полным правом могли передавать свои знания студентам и являться научными руководителями диссертационных исследований.*

Ключевые слова: *женщины-историки, академическая повседневность, история исторической науки*

Abstract. *The article considers the importance of mentoring and scientific leadership practices as a factor in the entry of the first Russian women historians into the academic corporation of the Russian Empire of the late XIX - early XX centuries. Institutionalization of the right of women to higher education in the format of Higher Women's Courses in different cities led to an increase in the number of students interested in*

pursuing a scientific career and after training. However, women historians for a long time could not become mentors for younger colleagues. The complete elimination of differences in the attainment of degrees between men and women in 1918 and revolutionary events changed the practice of mentoring: now women could rightfully transfer their knowledge to students and be scientific leaders of dissertation studies.

Key words: *women historians, academic everyday life, history of historical science*

Вторая половина XIX в. ознаменовалась вхождением первых женщин в академическое сообщество российских историков. Даже получив домашнее образование или пройдя обучение на Высших женских курсах, они столкнулись с серьезным недостатком фундаментальных знаний предмета и методик научных исследований. Взаимоотношения с научными руководителями первых русских женщин-историков не были ранее предметом специального исследования, хотя их эго-документы (дневники, воспоминания, письма) передают массу подробностей того, как явление наставничества, традиционного для профессорской культуры Российской империи, трансформировалось с приходом женщин в академическую среду.

Особенности личных взаимоотношений представителей различных научных школ в Санкт-Петербурге были подробно исследованы Е.А. Ростовцевым¹ и А.В. Свешниковым², тем не менее во-

¹ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3 (68). С. 29–43; *Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринев Д.А.* Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 24–52.

² *Свешников А.В.* Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 42–72; *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: ОмГУ, 2010.

просы статуса женщин в рамках этих академического сообщества ими не поднимались. Впервые проблема сложностей, с которыми сталкивались женщины-историки в Российской империи, была поставлена Н.Л. Пушкиревой¹. О.Б. Вахромеева² анализировала взаимоотношения учениц и их преподавателей, но лишь в рамках обучения на Санкт-Петербургских Высших женских курсах. В данной статье предполагается рассмотреть феномен наставничества в академической повседневности первых русских женщин-историков: способы, с помощью которых они учились методологии исследовательской работы, как происходил выбор научного руководителя, чем научное руководство первыми женщинами в академии отличалось от руководства в университетском сообществе, куда долгое время был закрыт доступ женщинам.

По свидетельствам очевидиц, изначально обучение на Высших женских курсах не предполагало обучения девушек исследовательской работе (основные цели курсов состояли в повышении квалификации женщин, работавших в сфере среднего образования). Подразумевалось, что в отличие от университетских программ обучения истории, женщины не нуждаются в практических занятиях (просеминариях), им достаточно прослушать лекционный курс. Тем не менее впервые на Московских высших женских курсах их создатель, историк В.И. Герье провел эксперимент, в ходе которого курсистки самостоятельно искали информацию и готовили выступление на просеминарии – при этом лишь немногие курсистки добровольно соглашались выступать перед однокурсницами с докладом или задавать вопросы выступающим. В.И. Герье настаивал, чтобы курсистки устно излагали свою работу, а не читали по записям³. Подобные просеминарии устраивались два раза в месяц на курсах или вечером на дому у Герье. Тем не менее долгое время другие профессора на Москов-

¹ *Пушкирева Н.Л.* Женщины-историки в России 1810–1917 гг. // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. № 1 (18). С. 228–245.

² *Вахромеева О.Б.* Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). М.: Политическая энциклопедия, 2018.

³ РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 123.

ских и Петербургских Высших женских курсах ограничивались только чтением лекций, не считая исследовательскую работу необходимой для женщин (хотя предполагалось, что выпускницы Бестужевских курсов должны были сдать итоговое сочинение, К.Н. Бестужев-Рюмин ограничивался лишь предложением разнообразных тем для работы)¹.

В итоге женщины были вынуждены осваивать приемы исследовательской работы самостоятельно. Многие ученые дамы начинали научную деятельность с переводов – так они могли не только познакомиться с новинками современной зарубежной научной литературы, но и получить оплачиваемую литературную работу². Первая преподавательница истории на Высших женских курсах Е.Н. Щепкина писала, что для того, чтобы «изучить механизм исторической работы»³, она брала в библиотеке диссертационное исследование В.И. Семевского о крестьянах в эпоху Екатерины II⁴, источники, по которым оно было написано, работы, на которые он ссылался, и сравнивала, учаь у автора анализировать первичный материал и на его основании делать выводы по изучаемой теме. Е.Н. Щепкина в воспоминаниях жаловалась о нехватке научного руководства: находясь в маргинальном положении одной из первых женщин – профессиональных историков в России, она чувствовала, что ей не к кому обратиться за консультацией (К.Н. Бестужев-Рюмин, по ее мнению, «до смешного не умел учить», общение с непосредственным начальником С.Ф. Платоновым не сложилось, а В.И. Герье, единственный, дававший ей советы (Е.Н. Щепкина называла их «тычки»), находился в это время в Москве). Фактически из первого поколения русских женщин-историков только Н.А. Белозерская могла гордиться долгой и плодотворной работой с научным руководителем: будучи секретарем Н.И. Костомарова, она, по собствен-

¹ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

² *Белозерская Н.А.* Автобиография // Исторический вестник. Июнь 1913 г. Т. 132. С. 933.

³ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

⁴ *Семевский В.И.* Крепостные крестьяне при Екатерине II, 1762–1796 // Русская старина. Т. XVII. 1876. Выпуски 9–12. С. 652–690.

ному признанию, научилась «пользоваться материалом» и иным основам исторического исследования¹. Остальные женщины-историки 1830–1860-х гг. остались талантливыми самоучками: их научные труды публиковались эпизодически, с большими трудностями, а профессиональное сообщество не замечало.

Институционализация права женщин на высшее образование в формате Высших женских курсов в разных городах привела к увеличению количества курсисток, заинтересованных в продолжении научной карьеры и после обучения. Впервые массово заниматься научно-исследовательской работой с курсистками и девушками, «оставленными при курсах для усовершенствования в изучении истории»², начал на Санкт-Петербургских Высших женских курсах замечательный медиевист И.М. Гревс³: благодаря ему в начале XX в. в Санкт-Петербурге появилась целая плеяда ученых-медиевисток (О.А. Добиаши-Рождественская, И.И. Любименко, Е.Ч. Скржинская были ученицами Гревса). Еще одним историком, с удовольствием помогавшим молодым женщинам-ученым был египтолог Б.А. Тураев (учитель Н.Д. Флиттнер и Т.Н. Бороздиной-Козьминой). С.Ф. Платонов помог М.А. Островской подготовиться к защите магистерской диссертации в 1916 г. (и, хотя М.А. Островская стала первой женщиной, получившей ученую степень по истории в России, а не за границей, ее научный руководитель некоторое время протестовал против ее трудоустройства на Высшие женские курсы, хотя сама Островская просила преподавать бесплатно)⁴. В целом можно отметить, что все историки, основавшие значимые научные школы, работавшие одновременно и в университете, и на курсах, не делали различий между курсистками и студентками университетов – и те, и другие могли в одинаковой мере рассчитывать на внимание научного руководителя. Небольшое количе-

¹ Белозерская Н.А. Автобиография ... С. 933.

² ЦГИА (Центральный государственный исторический архив). Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 2.

³ ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 1148. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

⁴ ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 91.

ство женщин, профессионально занимавшихся историей, в конце XIX – начале XX в. было связано, скорее, с внутренними причинами, побуждавшими даже самых успешных из них отказаться от научной карьеры (например, невозможность совмещать брак и воспитание детей с наукой или необходимость зарабатывать на жизнь – после окончания курсов проще было получать достойную зарплату в качестве гимназической учительницы, чем продолжать научные занятия, не гарантировавшие доход).

Одним из форматов научного руководства были научные кружки: несколько наиболее заинтересованных курсисток приглашались к профессорам домой (достаточно тесные помещения и плотное расписание Высших женских курсов не позволяли собираться в стенах их зданий). Для профессоров подобная работа была неоплачиваемой, но, тем не менее, являлась важной составляющей их статуса в исторической науке. В ходе занятий вместе ученики обоих полов разбирали и переводили исторические источники, дискутировали, обсуждали методологические проблемы. Н.Д. Флиттнер в своих воспоминаниях сожалела о недостаточно товарищеской атмосфере среди участников египтологического кружка, в котором она состояла¹: ученики Б.Н. Тураева видели друг в друге конкурентов за внимание профессора. Также одной из задач научного руководителя было знакомство учеников с зарубежными исследователями сходных тематик. Для женщин-ученых это означало еще и возможность получить за границей ученую степень, что до 1915 г. было невозможно осуществить в Российской империи. Научные руководители могли не только организовать требуемую стажировку в зарубежных вузах, но и помочь отыскать финансирование для подобной поездки².

Иногда отношения учителя и ученицы выходили за грань профессиональных: так, на ученице женился историк античности М.И. Ростовцев³, близкие отношения связывали медиевиста и фи-

¹ АГЭ (Отдел рукописей Государственного Эрмитажа). Ф. 63. Оп. 1 Д. 6. Л. 84 (об).

² ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 94.

³ *Куприна-Иорданская М.К.* Годы молодости. М., 1960. С. 119.

лософа Л.П. Карсавина и Е.Ч. Скржинскую¹. Антиковед Ф.Ф. Зелинский имел внебрачных детей от нескольких своих учениц: В.В. Петуховой, Л.Ф. Завалишиной, С.П. Червинской². Последний случай вызвал серьезные волнения среди его «поклонниц» на Высших женских курсах: некоторые из них попытались потребовать у профессора объяснений, после чего объявили ему бойкот (среди них была и египтолог К.В. Тревер). Ученицы Ф.Ф. Зелинского предостерегали своих более молодых коллег о том, чтобы те отказывались от посещения домашних семинаров этого профессора³, что для других профессоров было обычной практикой, вполне безопасной, по мнению молодых ученых дам. При этом Ф.Ф. Зелинский не встречал препятствий такому поведению со стороны академического сообщества (жена С.Ф. Платонова Н.Н. Шамонина писала в дневниках о том, что другие профессора «не гнушаются общения и даже дружбы» с «такими мерзавцами»⁴).

Бывали ли сами женщины-историки наставниками молодых коллег? Е.Н. Щепкина, ставшая первым преподавателем на Высших женских курсах, писала о большом интересе к ней со стороны молодых курсисток как к первой «женщине на кафедре»: после лекций некоторые девушки подходили к ней побеседовать о русской истории, хотя некоторые из них гораздо больше интересовались личной жизнью преподавательницы (спрашивали,

¹ Скржинская М. «И тогда я прочла Карсавину стихи». URL: <http://russophile.ru/2016/10/08/%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B6%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%B8-%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B4%D0%B0-%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BB%D0%B0-%D0%BA%D0%B0/> [Дата обращения: 19.01.2021].

² Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс : Культур. инициатива, 1992. 512 с. С. 158–159.

³ Левис М.М. «Мы жили в эпоху необычайную...». Москва: [б. и.]; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 113–114.

⁴ ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 585. Оп.1. Л. 5691–5702. 21 февраля 1915 г., Л. 23 об. – 24 об. Цит. по: Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы. Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. Отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева. СПб., 2006. С. 298.

почему та не вышла замуж¹). Курсистки также тесно общались и бывали дома у этнографа А.Я. Ефименко², но она была не научным руководителем, а, скорее, центром украинского землячества на курсах. Судя по эго-документам, к женщинам не обращались с просьбой о помощи в научной работе не столько из-за сомнений в их компетентности, сколько из-за понимания их маргинального положения в российской академической среде: даже самые успешные из них не могли бы помочь защитить диссертацию или опубликоваться в серьезном научном журнале. В итоге, первой женщиной-историком в России, которая фактически создала собственную школу палеографии³, стала О.А. Добиаш-Рождественская – самыми известными ее ученицами были А.Д. Люблинская и Е.Ч. Скржинская, впрочем, реализовать себя как научного руководителя она смогла уже в 1920-е гг. Полная отмена различий в получении ученых степеней между мужчинами и женщинами в 1918 г.⁴ и революционные события изменили практики наставничества: с одной стороны, теперь женщины с полным правом могли передавать свои знания студентам, с другой стороны, постепенно разрушались традиции дореволюционных исторических научных школ, в частности, домашние семинарии и неформальное общение наставников и учеников.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. женщины-историки, ранее вынужденные самостоятельно учиться основам исследовательской деятельности, получили серьезную поддержку от лидеров академического сообщества. Ключевым институтом, помогавшим женщинам познакомиться с научным

¹ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 59.

² *Ясь О.* Вступна стаття до розвідки О. Єфименко «Письма из хутора. Об украинской истории» (До 170-річчя О. Єфименко та 100-ліття першої публікації її допису) // Український історичний журнал. 2018. № 1. С. 174–179. С. 176.

³ *Косминский Е.А.* Изучение истории западного средневековья // Вестник АН СССР. 1945. № 10. С. 58.

⁴ *Валькова О.А.* Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века – 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образования и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 840.

руководителем, были Высшие женские курсы, программа которых со временем включила обучение методам исторического исследования. Помощь и поддержка таких ученых, как И.М. Гревс, С.Ф. Платонов, Б.А. Тураев, помогала первым женщинам в академической среде преодолеть многочисленные карьерные трудности, получать оплачиваемые стажировки за границей и значительно улучшить качество исследовательских работ. Именно традиционные в университетской культуре России практики наставничества, в которые профессора, будучи людьми либеральных взглядов в женском вопросе, легко приняли курсисток, позволили сформировать многочисленное поколение успешных женщин-историков в начале XX в.

Список литературы и источников

1. Отдел рукописей Государственного Эрмитажа. Ф. 63. Оп.1 Д. 6.
2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Л. 5691–5702. 21 февраля 1915 г., Л. 23 об. – 24 об.
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.
4. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131; Оп. 2. Д. 1, 3.
5. Центральный государственный исторический архив. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16.
6. *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс: Культур. инициатива, 1992. 512 с. С. 158–159.
7. *Белозерская Н.А.* Автобиография // Исторический вестник. Июнь 1913 г. Т. 132. С. 925–937. С. 933.
8. *Валькова О.А.* Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века – 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образования и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 809–848.
9. *Вахромеева О.Б.* Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). М.: Политическая энциклопедия, 2018. 903 с.
10. *Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринов Д.А.* Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской

- империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 24–52.
11. *Косминский Е.А.* Изучение истории западного средневековья // Вестник АН СССР. 1945. № 10. С. 43–60.
 12. *Куприна-Иорданская М.К.* Годы молодости. М., 1960.
 13. *Левис М.М.* «Мы жили в эпоху необычайную...». Москва: [б. и.]; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 113–114.
 14. *Пушкарёва Н.Л.* Женщины-историки в России 1810–1917 гг. // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. № 1 (18). С. 228–245.
 15. *Ростовцев Е.А. А.С.* Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3 (68). С. 29–43.
 16. *Свешников А.В.* Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 42–72.
 17. *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: ОмГУ, 2010. 408 с.
 18. *Семевский В.И.* Крепостные крестьяне при Екатерине II, 1762–1796 // Русская старина. Т. XVII. 1876. Выпуски 9–12. С. 652–690.
 19. *Скржинская М.* «И тогда я прочла Карсавину стихи». [Электронный ресурс]. URL: <http://russophile.ru/2016/10/08/%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B6%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%B8-%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B4%D0%B0-%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BB%D0%B0-%D0%BA%D0%B0/> [Дата обращения: 19.01.2021].
 20. *Ясь О.* Вступна стаття до розвідки О. Єфименко «Письма из хутора. Об украинской истории» (До 170-річчя О. Єфименко та 100-ліття першої публікації її допису) // Український історичний журнал. 2018. № 1. С. 174–179.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 19-09-00191.

Тюренкова Дарья Олеговна

СОВМЕЩЕНИЕ МАТЕРИНСТВА И ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖЕНЩИН ГДР

Аннотация. *Статья посвящена одному из ключевых аспектов женской повседневности в Германской Демократической Республике – сочетанию в жизни женщин социальных ролей матери и трудящейся в условиях декларированного статуса женщин не только как демографического, но и важнейшего трудового ресурса в ситуации послевоенного мирного урегулирования и дальнейшего развития экономики. Выявлены факторы, воздействовавшие на совмещение женщинами в ГДР материнства и трудовой деятельности: степень обеспеченности местами в учреждениях по уходу за детьми, удаленность жилья от местонахождения учреждений по уходу за детьми, семейный статус женщины и характер взаимоотношений с партнером, видение партнером гендерных ролей в семье, размер дохода семьи, наличие старших родственников и характер взаимоотношений с ними и др.*

Ключевые слова: *ГДР, гендерные исследования, история женщин, женская повседневность, история повседневности*

Abstract. *The article focuses on one of the key aspects of women's everyday life in the German Democratic Republic - the combination in the life of women of the social roles of the mother and women working in the conditions of the declared status of women, not only as a demographic, but also as an essential labor resource in the situation of the post-war peace settlement and the further development of the economy. Factors that affected the combination of motherhood and work between women in the GDR were identified: the degree of availability of*

places in childcare institutions, the distance of housing from the location of childcare institutions, the family status of a woman and the nature of relationships with a partner; the partner's vision of gender roles in the family, the size of family income, the presence of older relatives and the nature of relationships with them, etc.

Key words: *GDR, gender studies, women's history, women's everyday life, the history of everyday life*

Актуальность исследования истории женщин и женской повседневности в ГДР обусловлена тем, что женщины составляли большую часть населения, являлись важнейшим трудовым ресурсом в ситуации послевоенного мирного урегулирования и дальнейшего развития экономики. Внимания исследователей также заслуживает особая система гендерных отношений и организации повседневной жизни женщин ГДР, которая в современной Германии после объединения воспринимается как глубоко отличная от западногерманской и вызывает широкую общественную и научную дискуссию. Об этом свидетельствуют, в том числе, сохраняющиеся представления о восточных немках как о «матерях-кукушках», «бросавших» детей в ясли ради работы практически сразу после рождения. Стереотипность данного образа вызывает следующие вопросы: было ли типичным такое поведение для женщин ГДР; как сами женщины воспринимали условия навязываемой им трудовой активности при сочетании с семейной реализацией; существовали ли возможности для реализации индивидуальной стратегии в условиях необходимости сочетать материнство и трудовую деятельность?

Исследование истории женской повседневности ГДР в отечественной науке специально не предпринималось. В отдельных работах рассмотрены аспекты правового положения женщин, социальной политики в отношении материнства и детства, однако подавляющая часть работ создана в рамках событийной истории. В зарубежных исследованиях, проводившихся, в основном,

в объединенной Германии, проблема положения женщин в ГДР рассмотрена достаточно подробно, в особенности в контексте изучения диктатуры Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Однако в связи с тенденциозностью осмысления истории ГДР в современной Германии, большая часть работ оценивает изменения в правовом статусе женщин и их повседневной жизни исключительно негативно: так как включение женщин в трудовую и общественную деятельность не освободило их от ролей домохозяйки и матери, пропагандировался недостижимый идеал женщины, состоявшей во всех возможных сферах реализации, что в итоге приводило к постоянному состоянию стресса, снижению рождаемости, разрушению института семьи, переходу женщин на неполную занятость и т.д. К этому полюсу дискуссии относится и единственный обобщающий труд А. Камински «Женщины в ГДР»¹. Противоположная точка зрения основана на «остальгии», ностальгии по Востоку, и стремлении рассматривать эмансипацию женщин в ГДР как ключевое достижение социализма. Значительная часть исследователей, несмотря на широкий круг привлеченных источников, не принимали во внимание частные прожитые опыты. В этой связи одной из задач исследования является применение существующих исследовательских подходов женской повседневности и истории женщин к указанному сообществу. Так, значимыми в рамках рассматриваемой проблемы являются публикации Н.Л. Пушкаревой², в соответствии с концепцией которой к категории повседневного применительно к женской повседневности ГДР отнесена «событийная область публичной повседневной жизни, прежде всего, мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира, обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле, а также эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов

1 Kaminsky A. Frauen in der DDR. Berlin, 2016.

2 Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. М., 2005. С. 93–113; Ее же. Предмет и методы изучения истории повседневности // Социальная история. 2007. М., 2007. С. 9–21 и др.

и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей»¹. Имеющий особое значение для исследования вопрос об опоре на гендерный подход при изучении истории женской повседневности рассмотрен в статьях А.В. Беловой².

Объектом исследования являются пережитые опыты женщин в ГДР (1949–1990 гг.), отраженные в воспоминаниях, опубликованных в рамках проекта «Unerhörte Ostfrauen», предметом исследования – проблема совмещения материнства и трудовой деятельности как часть повседневной жизни женщин в ГДР.

В 2019 г. редакторами-составителями Эллен Хэндлер и Утой Мичинг-Фиртель было опубликовано исследование³, в котором 37 женщин, проживших значительную часть жизни в ГДР, а затем в объединенной Германии, рассказывали о своей повседневности, влиянии на нее диктатуры СЕПГ и последующей смены политической системы. Часть респонденток, пострадавших в той или иной мере из-за объединения страны, демонстрируют в воспоминаниях большую степень «остальгии», иные, получившие новый шанс или воссоединившиеся с семьями на Западе, более критичны, однако в целом приведенные воспоминания включают в себя осмысление как позитивных, так и нейтральных и негативных опытов повседневной жизни в ГДР.

Опрошенная создателями проекта группа включала в себя женщин «старшего» поколения, от 60 до 80 лет, работавших не менее 20 лет в ГДР и не менее 20 лет в объединенной Германии. Опрос не предполагал специальных рекомендаций и анкет,

¹ Пушкарёва Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 3. С. 7–21.

² Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97; Ее же. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / Ответ. ред. и сост. Н.Л. Пушкарёва. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 25–67.

³ Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019.

строился на свободном изложении вех биографии, а подбор респонденток происходил по принципу «снежного кома». Воспоминания зачастую включают в себя описание событий юности и демонстрируют некоторую романтизацию прошлого, что фактически приводит к неосознанному искажению описываемых событий. Ключевая особенность данных эго-документов состоит именно в сравнении двух жизненных стратегий – до и после объединения страны. Образ «западной», «привлекательной», «недостижимой» ФРГ, где уровень жизни представлялся многим значительно выше, в воспоминаниях респонденток наложился на реальность после 1990 г. и был переосмыслен, так же, как и образ ГДР. Тезис, определяющий тон воспоминаний, проходит через большую часть текстов рефреном: с объединением страны произошло снижение статуса женщин как профессионалов, способных реализовывать себя не только в семье.

На основе проанализированных воспоминаний выявлены факторы, воздействовавшие на совмещение материнства и трудовой деятельности женщин. К ним относились: степень обеспеченности местами в учреждениях по уходу за детьми, удаленность жилья от местонахождения учреждений по уходу за детьми, семейный статус женщины и характер взаимоотношений с партнером, видение партнером гендерных ролей в семье, размер дохода семьи, наличие старших родственников и характер взаимоотношений с ними, наличие старших детей и характер взаимоотношений с ними, отрасль трудовой деятельности женщины, должность, объем ответственности и карьерные амбиции, возможность выбора неполной/посменной занятости, взаимоотношения в трудовом коллективе, отношение руководства, а также вовлеченность женщины в общественную и политическую деятельность и др. Также условно общим фактором был средний возраст рождения первого ребенка в ГДР. Он был существенно ниже, чем в ФРГ, что подтверждается воспоминаниями респонденток: *«В принципе, рожать детей в ГДР было принято от 20 до 25 лет. К 30 годам женщины из ГДР уже снова усердно ра-*

ботали. У западных женщин все начинается только с 30 лет»¹. Соотношение факторов было индивидуальным и комбинировалось в жизни каждой из респонденток различно. В зависимости от указанных обстоятельств женщины определяли, в случае выбора трудовой занятости в принципе, стратегии и возможности для ее совмещения с материнством.

Помещение детей в государственные учреждения по уходу было заявлено СЕПГ и зафиксировано законодательно как основное решение проблемы совмещения материнства и труда. Были созданы ясли, сады дневного содержания, «пятидневки», сады недельного содержания и приюты. Значительная часть респонденток ключевым условием совмещения работы и семьи указывали именно наличие системы государственных учреждений по уходу за детьми. Так, Моника сообщала, что в яслях и в детском саду дети находились в надежных руках и не возникало ощущения, что ими пренебрегают². Кристина также оценивала возможности по уходу за детьми в ГДР высоко, причем в ее рассказе открытый недавно (около 2018 г.) детский сад неподалеку от ее дома *«выглядит так же, как и тот, что посещали мои дети тридцать лет назад. Западу еще предстоит наверстать упущенное»³. Распределение мест в детском саду зависело от места проживания, профессионального статуса, количества детей, взаимодействия с профсоюзными организациями на предприятии и их активности и др. Так, Криста Б., сотрудница крупного промышленного предприятия, отмечала: *«У нас были служебные детские сады, детские оздоровительные лагеря, о которых всегда заботились. Да, это действительно были достижения»⁴. Кроме того, возможность сохранения работы зависела от харак-**

¹ Ich wollte unbedingt genauso viel wie die Männer verdienen // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 15.

² Mein Mann meinte: Emanzipation ja, aber die Frau muss es mit Haushalt und Kindern alleine schaffen // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 204.

³ Nach der Wende wollte keiner eine alleinerziehende Mutter einstellen // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 53.

⁴ Vor allen Dingen nicht danebenstehen, sondern sich einbringen // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 124.

тера личных договоренностей с руководством. Так, по словам Ханне, из-за болезни ребенка ей как ценному сотруднику предоставили годичный отпуск без сохранения заработной платы, но с сохранением за ней должности¹.

Система учреждений по уходу за ребенком положительно оценивалась Ингрид: *«И я не чувствую себя плохой матерью. Это стало возможным просто из-за очень хороших вариантов ухода за детьми, но также и потому, что восточногерманские руководители обычно понимали работающих матерей с маленькими детьми»*². В приведенном отрывке сформулирована часто встречающаяся позиция: было бы некорректным утверждать, что лояльное отношение руководства к работающим матерям в ГДР было повсеместным, однако значительная работа женских комиссий Объединения свободных немецких профсоюзов, а также государственная пропаганда способствовали маркированию негибкого отношения руководства предприятий как противоречащего установкам партии. Кроме того, некоторые респондентки проекта указывали соответствие образу «новой женщины» ГДР, сочетавшей все сферы реализации, как причину продвижения по партийной линии.

Значимыми представляются воспоминания Сони, фиксирующие иную грань женской повседневности в послевоенный период: *«Мои родители были вовлечены в их политическую работу <...> Я, наверное, предпочла бы другие вещи вместо того, чтобы быть помещенной в детский приют Кенигсхайде или в приюты недельного содержания в Эрфурте и Берлине-Каульсдорфе. Маленькому ребенку это не обязательно должно нравиться. Иногда я предпочла бы спать дома. Мне помогли многие разговоры с собеседником из носового платка»*³. Речь в приведенном отрывке идет о материнстве при активном сотрудничестве с СЕПГ, вынуждавшим родителей Сони передать дочь в учреждения по уходу за детьми. Обида на родителей за

¹ Du hast als Frau in der DDR eine Chance mehr bekommen als ein Mann // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 156.

² Hauptsache, du bleibst eine Frau // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 144.

³ Hartes Brot gibt gute Zähne // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 28.

недостаток внимания подробно описана в тексте, и, исходя из формулировок, сохранялась и на момент интервью. Вторая сторона конфликта, мать Сони – Герда, также приняла участие в проекте, и в ее воспоминаниях приводится мотивация матери, вынужденной поместить ребенка в приют: *«Я работала и очень хотела работать <...> Тогда не было яслей и детских садов, как сегодня. Клаус везде спрашивал, какой дом лучше для Сони <...> Она до сих пор не простила мне этого. Но по выходным она была дома. Жизнь прошла так быстро, мы всегда были заняты»*¹. Данный комментарий Герды демонстрирует проблему, рефреном идущую сквозь многие воспоминания женщин, передавших детей на воспитание в детские сады и приюты – комплекс вины, оценку своих поступков как поступков «плохой матери», стремление оправдаться за свои решения.

Редким примером официальной помощи были «бригады бабушек», существовавшие в конце 1950-х – начале 1960-х гг., однако их участие было крайне незначительным и локальным и практически не нашло отражения в воспоминаниях.

Свидетельства Сони также могут быть приведены в контексте такой возможности для совмещения материнства и труда, как помощь старших родственников. Негативный, практически травмирующий опыт детства Сони был скрашен общением с ее бабушкой, образ которой глубоко запечатлен в воспоминаниях и олицетворял часть детства и юности, связанную с домом, с уходом и вниманием не формальным, а личностно-ориентированным. Несмотря на мнение о том, что помощь старших родственниц-женщин в ГДР не была распространена, воспоминания свидетельствуют о другом. С особенной нежностью о бабушках вспоминают те респондентки, чье детство пришлось на послевоенные годы.

Однако случаев, когда помощь не могла быть оказана, в воспоминаниях также немало. В качестве примера может быть приведен опыт Марианны: *«Отец ребенка служил в армии <...> В то время мой отец сказал мне: „Ты можешь жить с нами бесплатно, ты получаешь свою еду, но ты должна сама платить за*

¹ Auf Sonja kann man nur stolz sein // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 38.

своего ребенка“ <...> Мне повезло, что мой племянник родился шестью месяцами ранее, поэтому было много вещей, которые были убраны, например, детская коляска, кровать. В яслях еще не было места»¹. Интересной особенностью подобных опытов представляется повторяющаяся формула «несмотря на отсутствие одной возможности, были другие варианты», т.е. лавирование в сложных обстоятельствах являлось постоянным процессом в жизни женщин при высокой занятости.

Также в воспоминаниях отмечалась помощь приглашенных «нянь» и «домработниц». Речь идет не о легально предоставляемых услугах, а скорее помощи по неофициальной договоренности, по знакомству, часто в форме совместного проживания. Особенно часто такие воспоминания характеризуют 1950-е гг., когда возможностей государственного ухода за детьми было недостаточно. Совместить воспитание детей и необходимость зарабатывать значительные средства мать одной из респонденток, Дерте, смогла, так как знала о пожилой женщине и ее муже, оставшихся после войны без дома, и приютила их в своей комнате. Мужчина умер в 1948 г., вдова осталась жить с семьей, помогала финансово за счет пенсии и ухаживала за детьми, став для них второй мамой: «Одна была мамочкой [die Mutti – Т.Д.], другая – матерью [die Mutter – Т.Д.]»². Таким образом, корпоративность женского сообщества и взаимопомощь способствовали поиску возможностей для выживания, воспитания детей и трудовой деятельности женщин в послевоенное время.

Важным условием сочетания материнства и трудовой деятельности была поддержка мужа и характер разделения обязанностей в семье. Позитивный опыт Эдельтраут фиксирует паритетное участие жены и мужа в воспитании детей: «Мой муж был находкой. Поскольку он рано ушел из родительского дома и всегда должен был заботиться о себе, он был очень домашним <...> он помогал по дому, но предпочитал готовить. Он присматривал за детьми, забирал их, выходил на прогулку, а я делала

¹ Meine Kindheit war nicht so schön // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 42.

² Wenn es dicke kommt, setzt sich der Mann eben eher durch // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 23.

работу по дому, или мы все делали вместе и куда-то вместе ходили. Также мы много времени проводили в саду. Он водил дочь в детский сад, забирал, я не могу жаловаться на это. У меня был счастливый брак»¹. Однако наиболее частой помощью мужа респондентки называли сопровождение ребенка из сада, школы, спортивной школы до дома и наоборот. О совместных с отцом играх, купании, кормлении не упоминается.

Негативный опыт также, безусловно, существовал. Примером могут быть воспоминания Вальтрауд: *«Мой муж очень мне помогал, когда я говорила: „Пожалуйста, пропылесось“, „Принеси стирку“ или „Сделай это“. Он все это делал, но я должна была просить его»*. В итоге Вальтрауд отказалась от упомянутых отношений. Среди причин разводов многие женщины указывали дисбаланс участия женщин и мужчин в воспитании детей и ведении хозяйства.

Значительную помощь, по воспоминаниям респонденток, оказывали старшие дети. Так, Хайке, рассказывая об очевидном фаворитизме родителей в проявлении внимания к старшему сыну, недостатке общения с семьей и вынужденном раннем взрослении², тем не менее никак не связывает травмирующий опыт с трудовой деятельностью матери и, в некотором смысле, скорее считает ее образцом современной женщины и благодарна за ценности, принятые от матери. В воспоминаниях Зиглинде в разделении домашних обязанностей также участвовали дети: *«Все трое помогли с самого начала. О том, кто убирает со стола, кто моет посуду, вообще не было разговоров. У нас было семейное разделение труда. В „записке матери“ говорилось, кто прибирался, выносил мусор, покупал молоко и хлеб. У нас тогда не было телефона. Все знали свое дело, и вечером, когда я приходила домой в 17:30, стол был накрыт <...> Только в субботу, когда они возвращались из школы, им не нужно было ничего делать, у них был выходной. Настала моя очередь работать по хозяйству. Они работали на меня в течение недели, а*

¹ Edeltraut mit t // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 65.

² Mama, du hast es allein geschafft, dann schaffe ich es auch // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 79–81.

я работала на них по выходным»¹. Необходимо отметить, что активная помощь детей в ведении домашнего хозяйства пропагандировалась в женских журналах, в особенности по отношению к сыновьям, т.к. через изменение детского образа жизни планировалась, по мнению А. Камински, скорректировать поведение мужчин к взрослому возрасту и «подтолкнуть» их к уважению к работе по поддержанию домашнего быта.

Одной из стратегий женщин при совмещении материнства и трудовой деятельности был вынужденный пересмотр характера труда – смена профессии, переход на неполную занятость и др. Так, в воспоминаниях Дёрте описана необходимость смены работы ее матери: отец героини погиб в лагере для интернированных, о смерти не было объявлено официально, в силу, предположительно, политических причин, поэтому семья не имела права на получение пенсии по потере кормильца. Это заставило его вдову искать работу, соответствующую рынку труда послевоенной эпохи. Дёрте подробно описывала опыт матери, отмечала, что мама часто не спала, это отражалось на ее здоровье².

Также существенным вопросом в реализации женщинами жизненной стратегии являлась проблема степени трудовой занятости – полной, неполной, сокращенного рабочего времени. На основании воспоминаний можно сделать вывод о том, что, вопреки пропагандируемому в журналах образу успешной женщины, выбиравшей полную занятость, в реальности сокращение рабочего времени было достаточно частым решением для матерей маленьких детей.

Также проблематичным назвалось соотношение материнства и карьерного продвижения. Так, Кристин Люфт, позднее занимавшая пост заместителя председателя Совета министров и министра экономики в правительстве Х. Модрова, отмечала: *«Тот факт, что женщины с очень хорошими результатами обучения не переходили на руководящие должности так быстро,*

¹ Gleichberechtigung haben wir erst dann, wenn ich sagen kann: «Ich helfe meinem Mann im Haushalt» // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 208.

² Wenn es dicke kommt, setzt sich der Mann eben eher durch // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 21.

как мужчины, также часто зависел от смелости и уверенности в себе. Начав свою карьеру, выпускницы часто говорили: „Я справлюсь, я преодолею трудности, я справлюсь с мужчинами, и я не позволю вынимать масло из хлеба, я могу это сделать“. Когда появлялись дети, помощь по дому не материализовалась и дальнейшее развитие тормозилось, им было намного тяжелее, чем мужчинам, и мне тоже»¹. Необходимость выбирать между карьерными ростом и материнством не отмечается напрямую, однако прослеживается в последовательности выбора респондентками тех путей, которые предполагали рост ответственности в должности с перспективой дальнейшего повышения, но требовали посвящать меньше внимания детям.

Таким образом, характер транслируемых воспоминаний, с учетом прошедшего после описываемых событий времени, позволяет предположить, что, проживая повседневную жизнь, в основном в условиях высокой загруженности и минимального объема свободного времени, ряд женщин склонен воспринимать подобный образ жизни как находившийся в пределах нормы в период ГДР и не исключающий определенной выгоды для самих женщин, способных обеспечивать свою финансовую независимость, воспитание и образование детей с опорой на систему органов государственного ухода за детьми. Также на основе проанализированных источников можно сделать вывод, что, находясь под определяющим влиянием процесса вовлечения женщин в трудовую деятельность, выбор жизненных стратегий, в том числе в вопросе самореализации в браке и материнстве, в большей степени зависел от личных амбиций и не может быть рассмотрен исключительно как сформированный под влиянием государственной пропаганды.

Список литературы и источников

1. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.

¹ Frauen hatten das größere Päckchen zu tragen // Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 117.

2. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / Ответ. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 25–67.
3. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. М., 2005. С. 93–113.
4. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Социальная история. 2007. М., 2007. С. 9–21.
5. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 3. С. 7–21.
6. Kaminsky A. Frauen in der DDR. Links Verlag, Berlin, 2016. 320 S.
7. Auf Sonja kann man nur stolz sein // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 38–39.
8. Du hast als Frau in der DDR eine Chance mehr bekommen als ein Mann // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 152–160.
9. Edeltraut mit t // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 62–70.
10. Frauen hatten das größere Päckchen zu tragen // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 108–118.
11. Gleichberechtigung haben wir erst dann, wenn ich sagen kann: «Ich helfe meinem Mann im Haushalt» // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 207–214.
12. Hartes Brot gibt gute Zähne // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 28–37.
13. Hauptsache, du bleibst eine Frau // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 136–151.
14. Ich wollte unbedingt genauso viel wie die Männer verdienen // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 12–20

15. Mama, du hast es allein geschafft, dann schaffe ich es auch // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 79–89.
16. Mein Mann meinte: Emanzipation ja, aber die Frau muss es mit Haushalt und Kindern alleine schaffen // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 200–206.
17. Meine Kindheit war nicht so schön // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 40–47.
18. Nach der Wende wollte keener eine alleinerziehende Mutter einstellen // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 48–53.
19. Vor allen Dingen nicht danebenstehen, sondern sich einbringen // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 119–128.
20. Wenn es dicke kommt, setzt sich der Mann eben eher durch // Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Berlin, 2019. S. 21–27.

**ВОСПОМИНАНИЯ ХУДОЖНИЦЫ
Ю.Г. АРАПОВОЙ О 1920–1930-х гг.:
ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

Аннотация. В статье впервые вводятся в научный оборот постреволюционные дневники и воспоминания художницы Ю.Г. Араповой (Капитановой). Анализ данных эго-документов позволяет заключить, что она была весьма самобытным и нетипичным представителем художественного сообщества. Ее дневники полны эмоциональных переживаний, смятения, попыток самоопределения и т.д. Однако в воспоминаниях, написанных спустя приблизительно 40 лет, события куда более структурированы и определены. В семейной переписке 1920-х гг. и воспоминаниях она определяет себя, в первую очередь, как жену художника. Активно продвигаемый в советский период образ женщины, занятой производством, вызывал у Юлии Григорьевны отторжение. На ее взгляд, подобное лишает женщину главных «женских» качеств, таких как красота, скромность, хорошие манеры, негативно сказывается на материнстве.

Ключевые слова: Революция 1917 г., художественное сообщество, авангард, аналитическое искусство, гендерные роли

Abstract. In the article, post-revolutionary diaries and memoirs of the artist Yu.G. Arapova (Kapitanova) are first introduced into scientific circulation. The analysis of these ego documents suggests that she was a very distinctive and atypical representative of the artistic community. Her diaries are full of emotional experiences, confusion, attempts at self-determination, etc. However, in memories written after about 40 years, events are much more structured and defined. In

the family correspondence of the 1920s. and memories, she defines herself, first of all, as the artist's wife. The image of a woman engaged in production, actively promoted in the Soviet period, caused YuliaGrigoryevna rejection. In her opinion, this deprives a woman of the main "female" qualities, such as beauty, modesty, good manners, negatively affects motherhood.

Key words: *The Russian Revolution in 1917, artistic community, avant-garde, Analytical Realism, gender roles*

Со второй половины XIX в. женщина-художница прошла большой путь, самое главное – обрела статус профессионала, занятие искусством постепенно переходило для нее из статуса элемента воспитания в статус полноценной профессии. Эпоха новейшего искусства перед российскими художниками в начале XX в. поставила теоретические задачи небывалых масштабов, искусство начинало осознаваться как часть глобального мироустройства. И, конечно, это отразилось в эго-документах художников и художниц. Эта тенденция сохранилась и усилилась после Революции 1917 г., в первой половине 1920-х гг. Благодаря новым задачам возникло и множество новых направлений в искусстве, т.н. «измов», не только широко известный супрематизм, но и электроогранизм, проекционизм и т.д.

В середине 1920-х гг. произошло серьезное изменение в структуре художественного сообщества, оно связано и со сменой поколений, и с общественными преобразованиями, и с изменениями образовательной системы. Эти изменения прослеживаются по разным факторам, в том числе, например, демографическим – мы видим, как резко возрастает численность художественного сообщества, при этом процент женщин в нем снижается¹.

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. Проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 71.

Наиболее широко известными являются эго-документы художниц-авангардисток, так называемых «амазонок авангарда»¹. Именно биографический текст авангардисток приобрел новое наполнение: поиски новых путей в искусстве, новых форм, есть серьезный элемент теории искусства, а профессиональная сторона жизни представлена сильнее, чем личная.

В центре внимания данной статьи дневники, воспоминания, письма художницы Юлии Григорьевны Араповой (1889 г.р., в девичестве – Капитанова). Большинство приводимых в статье источников ранее не вводились в научный оборот. Несколько публикаций о жизни и творчестве Ю.Г. Араповой было сделано И.А. Прониной². Фонд Ю.Г. Араповой хранится в отделе рукописей Третьяковской галереи, значительную часть фонда составляют рукописи и стихотворения, в меньшем количестве – переписка и фотографии. Часть документального наследия Араповой отложилась в фонде А.А. Арапова в РГАЛИ. Исследование эго-документов Араповой обусловлено тем, что, с одной стороны, она была вписана в профессиональное сообщество: получила художественное образование в «новом» учебном заведении, присоединилась к группе новейшего искусства. С другой стороны, она сильно выделяется на фоне других «авангардных» художниц.

История семьи, положение родителей Ю.Г. Араповой на данный момент остаются невыясненными. Детство в своих воспоминаниях Арапова не описывает совсем, что довольно нетипично для советского канона воспоминаний представителей

¹ Амазонки авангарда: Александра Экстер, Наталья Гончарова, Любовь Попова, Ольга Розанова, Варвара Степанова, Надежда Удальцова: (каталог выставки). Нью-Йорк, 2001. 365 с.; «Амазонки авангарда»: (Творчество русских художниц первой четверти XX в.: Сборник статей) // Отв. ред. Г.Ф. Коваленко; Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры РФ. М., 2004. 338 с. и др.

² Пронина И.А. Юлия Арапова: муза символиста, адресат футуриста // Русское искусство. 2010. № 1 (25). С. 78–85; Пронина И.А. Юлия Капитанова: (Арапова) и ее неизвестная «Калевала» // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 461–471.

художественного сообщества. Даже ее фотографии, сделанные до Революции 1917 г., в основном обрезаны, если она была запечатлена на них с кем-либо¹. Ее жизнь в воспоминаниях начинается со свадьбы, когда она вышла замуж за театрального художника, члена объединения «Голубая Роза» Анатолия Афанасьевича Арапова. Арапов тоже отмечал этот важный факт биографии, в воспоминаниях он писал: «8 ноября 1913 г. большим событием в моей жизни была женитьба на Ю.Г.К., помимо личного счастья, это событие послужило основанием к более углубленному отношению к жизни и творчеству»². Однако Арапов сначала описывает детство, в отличие от своей жены.

Среди женщин-художниц, оставивших значительное мемуарное наследие в данный период, Арапова выделяется в первую очередь тем, что она предпочла роль сподвижницы своего мужа. Роль жены в эго-документах она выделяет почти как профессию. Если мы обратим свое внимание на «амазонку авангарда», то увидим, что многие из них заключали брачные союзы внутри художественного сообщества, но в эго-документах они выделяли собственную профессиональную автономность, даже когда это был такой плотный творческий союз, как у Степановой и Родченко³. Такая автономность проявлялась, в том числе, в отказе от смены фамилии.

Стратегия самовосприятия Араповой именно как жены прослеживается не только в более поздних воспоминаниях, но и в переписке с мужем. А.А. Арапов в 1920-е гг. был вынужден для материального обеспечения семьи уехать на заработки, например, в 1923 г. он находился в Баку⁴. В письмах к мужу Арапова проявляет стремление регулировать не только режим сна и бодрствования мужа (она рекомендует ему спать не более 4-х часов в сутки), но и работу в театре. Например, она

¹ РГАЛИ (Российской государственный архив литературы и искусства). Ф. 2350. Оп. 2. Д. 66.

² Там же. Оп. 1. Д. 133. Л. 20.

³ См.: Степанова В.Ф. «Человек не может жить без чуда». М., 1994. 303 с.

⁴ РГАЛИ (Российской государственный архив литературы и искусства). Ф. 2350. Оп. 2. Д. 13.

рекомендует меньше внимания обращать на комфорт актера и увеличивать размер декораций¹.

Несмотря на профессионализацию ролижены, Арапова активно участвовала в жизни художественного сообщества, получила художественное образование в мастерской П.П. Кончаловского во ВХУТЕМАСе, а после переезда в Петербург присоединилась к мастерской П.Н. Филонова. Юлию Григорьевну явно привлекала «революционная» живопись. Аналитическое искусство, созданное Филоновым, является одним из наиболее ярких и признанных сегодня примеров авангарда. Филонов долгое время являлся убежденным сторонником большевиков, а также завещал все свои картины государству.

Дошедший до нас дневник Араповой начинается 15 октября 1925 г. Потребность в ведении дневника она описывает следующим образом: «Никогда я еще не испытывала такой острой необходимости вести дневник, записывать свои переживания, жизнь [...] Вызвано это душевным переломом и духовным одиночеством. Все идет как будто хорошо, но я недовольна, внутри меня нарастает какой-то гнев, печаль против самой себя. Я за последние годы обрекла себя на молчание, молчу, и если бывают минуты [проявления], то проходят незаметно и незначительно. Я буду писать. [...] Нужно, придется составлять фразы, думать, анализировать, вообще интеллектуально жить»².

Дневник направлен на эмоциональное познание самой себя, является своеобразной терапией. Арапова была обеспокоена собственной отстраненностью: «Страшно мне становится в минуты, когда леденеет сердце. Страшно наблюдать этот анабиоз в самой себе. Я заметила, что человек создан безусловно из привычек, привычка создает характер, характер определяет жизнь»³.

Самопознание, развитие профессиональное и личностное – вполне стандартное объяснение потребности вести дневник. Если сравнивать с другими дневниками молодых художников 1920-

¹ Там же. Д. 45.

² Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 146. Д. 1. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

х гг., то из общего следует выделить некоторую растерянность, попытки более строгой организации труда, осознанности и рационализации жизни, а также поиск некой устойчивой профессиональной точки. Вопрос самодисциплины довольно остро осознавался молодыми художниками. Одни видели основную причину трудностей в условиях выживания, отсутствии тепла и достаточного количества еды, называя занятие живописью в постреволюционный период геройством¹. Другие же, как Юлия Григорьевна, концентрировались на внутренних факторах.

1 января 1927 г. Юлия Григорьевна посвятила размышлениям о своей судьбе: «Собой я недовольна, очень много болтала со знакомыми и незнакомыми. Нужна сдержанность. Сегодня целый день думаю о своей судьбе [...] ничто мной не сделано для себя, все мимо, обрывность – начато и не закончено»². Далее следуют профессиональные переживания, в которых мы видим чувство нереализованности как художницы, Арапова задумывается: а не стать ли ей кинорежиссером? Можно предположить, что подобные рассуждения происходят из нереализованности Юлии Григорьевны как художницы. Стандартный путь молодого художника в 1920–30-е гг. предполагал вступление в одно из художественных обществ, участие в его выставках, но Арапова на тот момент не была достаточно причастна ни к одному из художественных объединений.

Этапом наиболее яркой реализации творческой силы Араповой, той самой устойчивой точкой, стало аналитическое искусство Филонова. К сожалению, сам момент знакомства с П.Н. Филоновым, ни в дневнике, ни в воспоминаниях художницы не описан.

Эго-документы Ю.Г. Араповой представляют ее нам человеком религиозным, в воспоминаниях, которые писались в 1960–1970-е гг., это прослеживается особенно отчетливо. Из этого проистекает дихотомия возвышенного и низменного, «светлого» и «темного». Революция, например, однозначно для нее в категории последнего. Она активно писала стихи об

¹ Там же. Ф. 64. Д. 14. Л. 3 об.

² Там же. Ф. 146. Д. 1. Л. 4 об.

отречении царя, ужасах свержения монархии. Искусствовед И.А. Пронина, исследовавшая работу мастерской Филонова над изданием Калевалы, предположила, что второе отстранение Филоновым Араповой от работы в 1932 г. (первое – в 1930 г.), произошло как раз из-за того, что она писала столь антисоветские тексты¹. На мастерскую Филонова в тот момент уже было существенное давление со стороны органов государственной безопасности. Один из учеников покончил жизнь самоубийством после обыска, и Павел Николаевич пытался таким образом оградить саму Юлию Григорьевну и других учеников.

Арапова во многом проецировала свое отношение к Революции 1917 г. на отношение к городу, точнее на разницу в восприятии Москвы и Ленинграда. Дневник у нее начинается уже с момента пребывания в Ленинграде. В августе–сентябре 1924 г. Арапов сообщил в письме к жене, что им придется переехать в Ленинград, он осознает, что ей это «доставит самую доподлинную радость»². Воспоминания о 1920-х гг. Юлии Григорьевны свидетельствуют о явной нелюбви к Москве, которая связана с «революционностью» города: «Любовь к Москве выходила из источника “гнилого либерализма и политической оппозиции” – недаром еще с ранних пор повелось в виде “протеста оставлять великолепный Петербург и уезжать в свободную” Москву. Разжалованный вельможа или недовольный наградами не по заслугам фаворит или просто скомпрометированный по службе или даже “подмоченный” чиновник – все искали последнее прибежище в “свободной” Москве»³.

Особенно Араповой не нравились кружки разночинной интеллигенции, которые, по ее словам, «хотели силой “свободной” честолубивой мысли сравняться с аристократией»⁴. Петербург же, на ее взгляд, олицетворяет всю имперскость и аристократизм.

¹ Пронина И.А. Юлия Арапова: муза символиста, адресат футуриста // Русское искусство. 2010. № 1 (25). С. 84.

² РГАЛИ (Российской государственной архив литературы и искусства). Ф. 2350. Оп. 2. Д. 13. Л. 46.

³ Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 146. Д. 49. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

Город, в особенности Москва, для большинства художников в 1920-е гг. неразрывно связан с прогрессом, города необходимо было преобразить, сделать их новыми, «революционными». Над этой задачей работали и художники, которые украшали города к праздникам, изготавливали памятники. Некоторые художники, например, А.А. Лабас, сделали город одной из основных творческих тем. Но даже если город не являлся одной из творческих тем, в эго-документах он фигурирует всегда.

Арапова же, в какой-то степени, следует за Маринетти, с которым познакомилась еще в 1914 г. на балу, устроенном А.Н. Толстым. Город – это безусловно прогресс, но прогресс негативный, революционный. Противопоставляется ему, правда, не земля и деревня, а аристократичный Петербург.

Историк и искусствовед И.Н. Голомшток говорил о таком феномене, как «провинциальность» авангарда¹. Действительно, многие молодые художники приезжали после 1917 г. в столицу из небольших городов и деревень, их поражал масштаб и темп города. Но если посмотрим на женщин-художниц в этот период, то они, в основном, жительницы столиц или представительницы состоятельных семей. Такое же впечатление создалось и у художницы Е.С. Зерновой, пришедшей в мастерскую И.И. Машкова, где половину от числа учащихся составляли «барышни», т.е. дочери богатых родителей². Целью обучения не было их будущее становление как профессиональных художниц, искусство для них продолжало оставаться элементом хорошего воспитания девушек.

На противопоставлении революционности и аристократизма строится представление Ю.Г. Араповой и о гендерных ролях. Наиболее ярко это представление раскрывает ее воспоминание об одном из знакомств постреволюционного периода: «И вот одна из встреч того периода, где мне пришлось видеть эти “звериные когти” в схватке между любовью и ненавистью, благородством и подлостью двуногих зверей. Встретились мы в

¹ Голомшток И.Н. Искусство авангарда в портретах его представителей в Европе и Америке. М., 2004. С. 13–14.

² Зернова Е.С. Воспоминания монументалиста. М., 1985. С. 27.

лавочке совершенно случайно [...] Это была довольно высокая фигура, одетая, верней, закутанная с головой большим платком с бахромой, пальто самого нищенского вида и покроя подтянуто кожаным ремнем, руки в самодельных варежках, неловко и неумело сшитых из лоскутков, ноги в сапогах настолько неуклюже заплатаанных, что вызывали удивление даже в то время, когда самая убогая нищета не вызывала ни жалости, ни удивления, в каких бы лохмотьях она ни появлялась.

На меня она обратила внимание уже потому, что я всегда одевалась соответственно своему положению и старалась не попасть в общий «тон», а быть сама собой. Первая ее фраза была по-французски, я ответила, и наше знакомство состоялось, мы проходили мимо нашего крыльца, и я предложила зайти. Она сняла свои лохмотья и открыла лицо, это была женщина лет сорока-сорока пяти со следами исключительной, яркой красоты, особенно поражали ее глаза [...]. Рот трагически скорбный и лицо все носило следы изнурения, но это было что-то особенное: порода, манеры, выдавали ее происхождение [...] ...я узнала, что это была баронесса фон дер Лауниц – жена петербургского градоначальника, убитого террористом при освящении Народного дома или при каком-то другом торжестве. Институтка из хорошей дворянской семьи, фрейлина, красавица, она в молодости увлекала собой золотую молодежь, и сам наследник был так очарован, что его спешно отправили в дальний вояж по Японии.

Вышла она юной девушкой за барона фон дер Лауница, который не только ее любил, но боготворил ее желания, капризы были законом, и все рассыпались перед ее красотой, как золотые россыпи, и она шла в блеске ореола верной и преданной жены.

Фон дер Лауниц был не только любящим мужем, но и человеком большой души и гуманизма, и он дал прекрасное образование сыну своего старого лакея. Тот учился в техническом институте, закончив в свое время гимназию за счет барона, и он даже отправил его путешествовать за границу. Он продолжал жить в его доме, изредка его приглашали во внутренние покои, особенно на званые вечера, где он лихо танцевал мазурку, имел

хорошие скромные манеры, и никто не догадывался, что старик в форме, подающий тарелки или шубу, его родитель.

Но этот юноша метил высоко, и бесстыдно он начал соблазнять красивую и неопытную жену своего благодетеля, не чувствуя никакого укора, наоборот, чисто лакейскую радость, что ему досталась на долю такая красавица, и барон ходит, ничего не подозревая, с украшением на лбу [...]

Подождала революция, и Петруша предложил покинуть квартиру на Миллионной и перебраться в Москву, где легче скрыть свое прошлое, и что фамилия Лауниц несет за собой расстрел, и она, захватив все, что возможно, перебралась в Москву на Бутырки, где он поместил ее в небольшой квартирке без водопровода и канализации, с русской печкой, все это под предлогом, что так удобней замести свои «грехи». Хотя у нее и грехов не было, но страх самый страшный, преследовал ее день и ночь, тем более что она до замужества носила фамилию Родзянко. Конечно, он взял на хранение все ее деньги, валюту, драгоценности. [...]

Вначале он принял роль униженного и оскорбленного «в прошлом» и вспоминал, как его сажали не на первое место и сколько он претерпел «унижений», и так далее. Но его лакейская душонка все вспомнила и сторицею стала выплачивать бедной доверчивой жертве. Но этот «стиль» оскорбленного продолжался только до той поры, как он не привел в свою квартиру девуку. Ее освободила революция из одного дома на Трубной, где она забавляла «гостей» долгое время и была на прекрасном счету у хозяйки, дышала и пила во всю глотку. Но как только дом-«заведенье» закрыли, она оказалась на улице и тут ей подвернулась родная «оскорбленная душа», они слили свои чувства в общей ненависти к буржуям и аристократии – проститутка и сын лакея, тем более, жертва была рядом и вполне беззащитна.

Он стал требовать, чтоб баронесса ушла, но денег и ценностей отдать не хотел, мало того, что все время грозился доносом, представляя ей право избирать между расстрелом и медленной смертью от побоев, которые с каждым днем стали избирательней и мучительней [...]

Но она уйти не могла, некуда: на Украине в селе жила ее девочка у няни, которая также нуждалась, и необходимо иметь хоть какую-либо сумму, а самое главное у нее не было документов»¹.

В данном фрагменте также сходятся «возвышенное» и «низменное» в лицах баронессы и лакея. Арапова выделяет внешние данные баронессы, которые подчеркивают ее благородное происхождение. Неумение залатать одежду, неприспособленность к новым реалиям тоже призваны продемонстрировать аристократизм. Главной заслугой (или качеством) баронессы является ее красота. Женщина в этом тексте также лишена какой-либо ответственности за свои отношения с любовником. Супруг-барон старше (и, вероятно, разумнее), окружает жену заботой, а соблазнитель-лакей обладает всеми возможными негативными чертами ввиду «не того» происхождения. Чувство страха, о котором говорит художница применительно к баронессе фон дер Лауниц, возможно, является проекцией собственного страха, если допустить, что Арапова происходила из знатной семьи.

Раскрывается представление о женской роли и в стихах Ю.Г. Араповой о русской женщине, где уже противопоставляются городские профессии образу деревенской девушки:

Наша девушка-красавица,
Как птица бедная на веточке,
День-деньской проводит в клеточке,
Сидит страхом колыхается,
Она стрелою управляется,
«Крановщицей» называется.
Неужели это женщина?
Неужели это девушка?
Косы русые отстрижены,
Руки белые захватаны,
Папироса во рту курится,
Ростом малая и слабая,
Она ублюдком прямо выглядит,

¹ Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 146. Д. 49. Л. 10–13.

[...]

Нет стыда и нет стыдливости,
Нету скромности, брезгливости
К слову страшному, постыдному,
К слову наглому-похабному.
Не хранит свое достоинство,
О чистоте души не ведает,
Быть ей матерью назначено
Государством и природою

[...]

Труд сравнивал ее с мужчиною,
Кладет голос свой на выборах,
Но не дала природа силушки
целый день трястись на тракторе.

Арапова была глубоко убеждена, что городские профессии противоречат женской сущности, советская власть изуродовала женщину, пустив ее занимать эти должности. Женщина, согласно Араповой, лишилась своих определяющих качеств, а именно: внешнего вида, скромности, даже стыдливости, «чистоты» души и тела. Примечательно, что, хотя Ю.Г. Арапова отмечает важность материнской функции, в их с супругом семье детей не появилось. Если, например, художница и «сокурсница» по мастерской Филонова А.И. Порет писала о сознательном нежелании иметь детей, то, в случае Араповой, мы таких замечаний не встретим.

Одним из существенных элементов трансформации самопрезентации художниц является представление о включенности в семейную жизнь, функции общения с ближним кругом. Традиционно женская обязанность поддерживать общение с большой семьей и кругом знакомых тяготила многих художниц. «Амазонки авангарда» чаще всего старались дистанцироваться от этого. Например, Н.А. Удальцова в дневнике, сосредоточенном на рабочих моментах, отмечала полную обособленность Малевича и Татлина от всего, что не связано с искусством, с чем во многом связывала их успех, она сожалела о собственной невозможности действовать так же, полностью отказаться от вовлеченности в семейную

жизнь¹. Арапова, наоборот, особенно после разрыва с мастерской Филонова в 1930-е гг., выбирает данный путь самореализации.

Таким образом, положение женщины в обществе было для Юлии Григорьевны, безусловно, проблемной областью, однако в центре ее внимания оказывалась не борьба женщин за свои права, самореализацию и т.д., а уход в прошлое образа «русской девушки».

Ю.Г. Арапова, говоря о Москве 1917–1920-х гг., переживала о потере людьми индивидуальности: «Москва не вызывает желаний стать “индивидуальностью”, наоборот, она предпочитает “уравнение – демократическое копыто”»². Для нее эта потеря связывалась даже не с социализмом в его советском варианте, а с демократическими принципами. В то же время Юлия Григорьевна оказалась причастна ко многим попыткам реализации принципа коллективного творчества: сначала обучение во ВХУТЕМАСе, затем она присоединилась к мастерской Филонова, где принципы коллективного творчества имели важное значение.

В 1920-е гг. художественные объединения создавались преимущественно по принципам теоретической общности, соревновались с другими группами за наиболее новаторское, «революционное» искусство. В 1930-е гг. конкуренция внутри сообщества видоизменяется, на первый план выходит личное соперничество внутри строго оформленных государственных структур. Арапова же, после разрыва с мастерской Филонова, в другие объединения не вступает, оказывает значительное содействие А.А. Арапову в его театральной работе, но развитием своей карьеры не занимается.

Если говорить о восприятии этими художницами жизненных циклов, то Юлия Григорьевна в воспоминаниях рассматривала Революцию 1917 г. и все последующие годы как некий период «упадка», правда, связанный с историческими изменениями, а не личностными неудачами. Несколько раз воспроизведен тезис о прошедшем золотом веке семьи Араповой. Если «авангардистки» идеал искали в будущем, когда будет раскрыт человеческий потенциал, а искусство займет должное ему место одной из

¹ Удальцова Н.А. Жизнь русской кубистки. Дневники, статьи, воспоминания. М., 1994. С. 32.

² Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 146. Д. 49. Л. 5.

общественных сил, то для Ю.Г. Араповой «золотой век» ее и ее семьи остался в дореволюционном прошлом.

В 1920-е гг. мы видим поиски некой устойчивой «точки», абсолюта в искусстве, даже у будущих апологетов соцреализма, вызванные утопическим сознанием эпохи, представлением о существовании некоего «верного» искусства, чаще всего «революционного». Данный мотив повторяет и Ю.Г. Арапова, особенно остро этот момент описан в ее дневнике. Однако «революционность» ее скорее отвращает. «Утопическое» Араповой направлено в прошлое, что проявляется и в восприятии города, и в восприятии женской роли. При этом свое живописное направление Арапова находит в мастерской Филонова, одной из самых революционных и использующих принцип коллективной работы. В 1930-е гг. активные поиски «нового» в искусстве фактически заканчиваются. На смену революционности во всех ее проявлениях приходит планомерное развитие.

Список источников и литературы

1. Российской государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2350. Оп. 2. Д. 66.
2. РГАЛИ. Ф. 2350. Оп. 1. Д. 133.
3. РГАЛИ. Ф. 2350. Оп. 2. Д. 13.
4. РГАЛИ. Ф. 2350. Оп. 2. Д. 45.
5. Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 146. Д. 1.
6. Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 146. Д. 49.
7. Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 64. Д. 14.
8. «Амазонки авангарда»: (Творчество русских художниц первой четверти XX в.: Сборник статей) // Отв. ред. Г.Ф. Коваленко; Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры РФ. М.: Наука, 2004. 338 с.
9. Амазонки авангарда: Александра Экстер, Наталья Гончарова, Любовь Попова, Ольга Розанова, Варвара Степанова, Надежда Удальцова: (каталог выставки). Нью-Йорк, 2001. С. 314.
10. Голомиток И.Н. Искусство авангарда в портретах его представителей в Европе и Америке. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 295 с.
11. Зернова Е.С. Воспоминания монументалиста. М.: Сов. художник, 1985. 191 с.

12. *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). В 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
13. *Мислер Н., Боулт Дж.* Филонов. Аналитическое искусство. М.: Сов. художник, 1990. 247 с.
14. *Пронина И.А.* Юлия Арапова: муза символиста, адресат футуриста // Русское искусство. 2010. № 1 (25). С. 78–85.
15. *Пронина И.А.* Юлия Капитанова: (Арапова) и ее неизвестная «Калевала» // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 461–471.
16. *Родченко А.М.* Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма. М.: Сов. художник, 1982. 223 с.
17. *Степанова В.Ф.* «Человек не может жить без чуда». М.: Сфера, 1994. 303 с.
18. *Удальцова Н.А.* Жизнь русской кубистки. Дневники, статьи, воспоминания. М.: Лит.-худож. агентство «РА», 1994. 204 с.
19. Энциклопедия русского авангарда: изобразительное искусство, архитектура: (в 3 т.). М.: Глобал Эксперт энд Сервис Тим, 2013.

**ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА КОЛЬСКОМ
ПОЛУОСТРОВЕ В 1990-Е ГОДЫ
XX ВЕКА В СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ
ЕГО ОСНОВАТЕЛЬНИЦ**

Аннотация. *Статья посвящена изучению причин возникновения и особенностям развития женского движения на Кольском полуострове в 1990-е гг. XX в. в социальной памяти его основательниц. Исследование выявило, что участие в женском движении сделало видимой несправедливость гендерной стратификации, умалчивающей и обесценивающей женский опыт в обществе. Женское движение составило конструктивную общественно-политическую оппозицию в регионе по отношению к местной власти в области защиты прав женщин, достижения равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. Главным достижением регионального женского движения стало обсуждение проблем, которые ранее не обсуждались в обществе (насилие в семье, сексуальные домогательства, дискриминация женщин и т.д.) и отстаивание интересов и прав женщин разных социальных групп.*

Ключевые слова: *Женское движение в 1990-е гг., Кольский полуостров, социальная память*

Abstract. *The article is devoted to the study of the causes of the emergence and peculiarities of the development of the women's movement on the Kola Peninsula in the 1990s of the twentieth century in the social memory of its founders. The study found that participation in the women's movement made visible the injustice of gender stratification, silent and devaluing women's experience in society. The women's movement formed*

a constructive socio-political opposition in the region in relation to the local authorities in the field of protecting the rights of women, achieving equal rights and equal opportunities for men and women. The main achievement of the regional women's movement was the discussion of issues that had not previously been discussed in society (domestic violence, sexual harassment, discrimination against women, etc.) and the advocacy of the interests and rights of women of various social groups.

Key words: *Women's movement in the 1990s, Kola Peninsula, social memory*

Значимость исследования женского движения на Кольском полуострове в 1990-е гг. XX в. мы видим в изучении социального движения, которое повлияло на социальное положение женщин в регионе.

География исследования: Мурманская область, расположенная на северо-западе России, на Кольском полуострове. Мурманская область граничит на западе с Финляндией, на северо-западе – с Норвегией.

Под женским движением мы понимаем различные проявления активности женщин в области улучшения своего общественного положения, защите своих прав и интересов, а также деятельность по изменению мужской доминации¹.

Женское движение в Мурманской области, как и во всей России, появилось и развивалось под влиянием политических, экономических, социальных изменений, которые происходили в конце 1980-х и в 1990-е гг. в стране.

Общество в Мурманской области осознавало потребность перемен и находилось в предвкушении улучшения качества жизни. Данный тезис мы можем подтвердить следующим воспоминанием: «Мы были за изменения, но не таким образом, как они происходили в начале 1990-х. Мы надеялись, что они будут проведены разумно: сохраняя все позитивы советской системы благосостоя-

¹ Темкина А. Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерные тетради. Выпуск первый. СПб., 1997. С. 60.

ния – социальную защиту, устройство нашей жизни, бесплатную медицину, бесплатное образование, и т.д.» [Информант № 3/2013]¹.

С проведением экономических реформ в начале 1990-х гг. регион испытал более значительный рост безработицы, чем в других регионах страны. Женская безработица была выше мужской из-за слабой развитости сектора общественных услуг и малого бизнеса – основных мест приложения женского труда. В результате в наиболее сложном положении на рынке труда оказались женщины с детьми, женщины – молодые специалисты, жены военнослужащих в военных городках.

История создания регионального женского движения предвращается работой Мурманского городского женского клуба «Любава». Это одна из первых женских независимых организаций, которая появилась в 1991 г.

Клуб стал «неким центром социальной поддержки» для мурманчанок, центром взаимопомощи, где женщины делились опытом, переживаниями, знаниями и обменивались услугами во время экономического кризиса². Например, клуб организовал курсы домашних парикмахеров, потому что парикмахерские услуги стали очень дорогими для большинства мурманчан.

Через год участницы клуба, почувствовав неудовлетворенность и усталость от адаптации к постоянно меняющимся условиям в стране, осознали необходимость региональной женской организации и инициировали проведение первого независимого форума женщин Мурманской области 28–29 ноября 1992 г. в зале Техникума информатики и вычислительной техники.

В мероприятии приняло участие более 100 женщин – представительницы технической и гуманитарной интеллигенции. Общее ощущение, охватившее собравшихся женщин в зале, определялось как «катастрофа», с которой можно справиться только объединившись: «Было ощущение какой-то катастрофы, что все куда-то летит в тартарары. И было желание что-то сделать, как-то это остановить!» [Информант № 4/2020].

¹ Интервью были собраны в городе Мурманске для диссертационного исследования в 2013 и 2020 гг.

² Возьмемся за руки, подруги! // Советский Мурман. 14 ноября 1992 г. С. 3.

«Ощущение того, что все рушится, и никто не слушает никого, а женщин не слушают вообще никак и ни в каком качестве. И у меня возникло ощущение, что, только собравшись, сплотившись какой-то группой, можно настолько возвысить свой голос, стать слышимыми, чтобы вообще выразить свое отношение к тому, что происходит и участвовать в этом в том направлении, которое нам кажется правильным в изменениях» [Информант № 3/2013].

В течение двух дней участницы обсуждали положение женщин в современной экономике, политике, социальной сфере и пытались выработать программу женского регионального движения и его принципы.

По итогам двухдневного форума в ноябре 1992 г. было принято решение о создании в Мурманске общественного объединения «Конгресс женщин Кольского полуострова». 20 марта 1993 г. состоялась Учредительная конференция Конгресса женщин Кольского полуострова (далее – Конгресс)¹. Конгресс объединял на добровольных началах женские организации и объединения, представительниц различных групп и слоев региона, отдельных граждан².

Для равного представительства и участия организаций в работе Конгресса был создан коллегиальный орган управления – координационный совет. Координационный совет собирался в Мурманске не реже одного-двух раз в месяц, рассматривал вопросы планирования и координирования работы.

У каждой из участниц был свой путь к участию в женском движении. Кто-то сразу стал активной участницей и организатором движения. Подтверждением может служить следующее высказывание: «Я была в рядах создателей этой организации. И все началось с клуба «Любава», который вырос из курсов, которые назывались «Шарм», – где нас учили, как быть уверенной в себе, как преодолевать свои проблемы внутренние» [Информант № 4/2020].

Другой пример, когда женщина постепенно из «сочувствующих», сторонников перешла в активистки и стала лидером дви-

¹ ГАМО (Государственный архив Мурманской области). Ф. 1339. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

² Там же.

жения: «Как «сочувствующая» я начала с клуба «Любава». Когда я встретила Любу на улице, и ей негде было приткнуться со своим клубом, она попросила меня приютить в доме пионеров. И я просто так, проходя мимо, когда было заседание, смотрела, что делают и все время думала: “Бедная Люба, заняться ей нечем”. Я так думала. Потом, в 1992 году, когда готовили Конференцию Конгресса, я участвовала, просто помогала. Окончательно я пришла в движение после конференции в Пекине, когда участвовала во всемирной конференции (1995 г.)» [Информант № 2/2013].

На примере данного высказывания мы видим, что на протяжении четырех лет менялось отношение к движению и интенсивность личного участия в нем. Личностный рост произошел посредством накопления опыта, обучения и просвещения в области прав человека, прав женщин.

Таким образом, на Кольском полуострове в результате осознания несправедливости и нарушения своих прав женщины объединились для защиты своих интересов в женское движение, в котором появились свои лидеры.

В 1990-е гг. Конгрессу удалось стать лидером регионального женского движения и влиять на общественное мнение благодаря предложенной населению повестке дня в виде образовательных, социальных программ, выражению личной позиции лидерами и конструктивной критики власти.

К 1994 г. Конгресс сформулировал и определил свои приоритетные задачи и программы, которые были объединены в комплексный проект под названием «Женский дом». Женщины мечтали о доме, в котором нашлось бы место всем направлениям. Проект состоял из отдельных программ, каждая из которых была нацелена на улучшение ситуации в определенной сфере¹. Ни одна другая общественная организация не могла составить альтернативу или конкуренцию Конгрессу в отношении доверия со стороны общества и власти. Появление женского движения в регионе в 1990-х гг. было востребовано обществом. С одной стороны, об этом свидетельствует осознание своей роли участ-

¹ Мы идем своим путем // Мурманский вестник. 20 апреля 1994 г. С. 3.

ницами движения: «Это было наше время. Мы пришли вовремя. Это было наше время потому, что именно в тот момент обществу нужна была такая организация, которая бы смогла взять на себя какую-то ответственность и понести ее» [Информант № 4/2020].

С другой стороны, об этом говорят свидетельства восприятия женского движения, общественностью, представителями органов власти. Примером может служить воспоминание об оценке деятельности женского движения председателя комитета по образованию Мурманской области Василия Федоровича Костюкевича: «Я согласна с оценками В. Ф. Костюкевича, которые он дал в 1998 году. Он обратил внимание, что все общественные организации и партии практически прекратили свое существование, определились со своими личными выгодами и все это тихо замерло. А вот женское движение продолжало действовать, вело внятные программы: повышение политической грамотности женщин, компьютерной грамотности женщин, организация самостоятельности и активности в виде конкретных проектов» [Информант № 3/2013].

Следует отметить, что региональная и местная власти воспринимали движение как оппозицию, но не мешали развиваться женскому движению, и критичных, негативных публичных высказываний замечено не было. Это предположение подтверждают следующие два высказывания: «Я спросила человека, который меня рекомендовал, а чем мотивировано назначение. Он мне ответил, что Конгресс женщин Кольского полуострова находился в конструктивной оппозиции к правительству Мурманской области. Подчеркнул, что в конструктивной оппозиции. Потому что мы критиковали всюду, но конструктивно» [Информант № 2/2013].

Уровень взаимоотношений представителей женского движения и власти во многом зависел от человеческого фактора, заинтересованности и ситуации: «от (мужского власть имущего) безразличия» до «поддержки «женской солидарности». Проиллюстрируем наше утверждение объемной, но интересной цитатой: «Власти было не до нас. Ну и пусть! Никаких рогадок, по крайней мере, первые 10 лет нашей работы никто не выставял. Мы работали,

действовали. Несколько раз разговаривали как представители конкретной организации с мэром города Олегом Петровичем Найденовым. Пытались установить взаимосвязь с губернаторами и с Евгением Комаровым, и с Юрием Евдокимовым. Но по их реакции мы поняли, что они не воспринимают нас всерьез. Они мыслят другими категориями. Для них сила – это те, у кого деньги. Понятно, что денег у нас не было. Терпели. Отдельные представители власти с нами взаимодействовали очень конструктивно.

Например, заместитель главы администрации города Мурманска Людмила Яковлевна Гудина. Мы с ней очень часто взаимодействовали. Очень часто к ней обращались, советовались, потому что понимали, что она является специалистом в вопросах местной социальной политики. И нам было важно знать ее точку зрения и как-то согласовать свои действия с точки зрения целесообразности в достижении цели. Самые добрые воспоминания об этом сотрудничестве, оно было очень полезным» [Информант № 3/2013].

Большое количество акторов на общественном поле требовало от власти времени, чтобы присмотреться и определить, кто является благонадежным партнером. Ориентиром для власти были понятные и конкретные действия и ценности, такие как опыт работы и квалификация, репутация и авторитет в обществе, последовательность действий, предсказуемость.

Одним из результатов взаимодействия с властью стала знаменательная встреча руководителей движения (Любовь Штылева, Ирина Фогт, Светлана Паршкова) с вновь избранным губернатором Ю.А. Евдокимовым 11 января 1997 г. Губернатору было передано заявление лидеров сети неправительственных женских организаций, в котором предлагалось сотрудничество на основе социального партнерства. Встречу можно проиллюстрировать воспоминанием одной из участниц: «Мы сами напросились к нему. Мы сами договорились о встрече, мы сами пригласили журналистов, чего он не ожидал. Мы говорили о правах женщин. Просили, чтобы, когда будет формироваться правительство, был бы соблюден гендерный баланс. На что он скептически посмотрел» [Информант № 2/2013].

В ходе встречи губернатор предложил Конгрессу подобрать кандидатуру на должность советника губернатора. В результате через четыре года, в 2002 г., произошло назначение С.В. Паршковой на должность начальника отдела по общественным связям правительства Мурманской области.

На развитие женского движения влияли процессы, происходящие в международном женском сообществе. Важнейшим международным событием для женского движения стала IV Всемирная конференция по положению женщин, состоявшаяся в Пекине в сентябре 1995 г. На конференции была утверждена Пекинская декларация и Платформа действий, которая стала ориентиром, программой действий и целью достижения гендерного равенства и защиты прав женщин. В конференции от Конгресса приняла участие С.В. Паршкова.

О важности Пекинской конференции в развитии женского движения говорит следующее высказывание: «Пекинская платформа действий дала основу для дальнейшей программы действий дальнейшей деятельности Конгресса. Потому что мы все время сверяли наши действия с тем, что прописано в этой платформе» [Информант № 2/2013].

На пути к реализации программы действий по достижению равенства между мужчинами и женщинами и улучшения положения женщин в обществе Конгресс в 1996–1997 гг. создал сеть из семи независимых женских организаций в Мурманской области. Сеть стала возможностью устойчивого развития местных организаций, как ресурс получения организационной, информационной, образовательной поддержки. Главным положительным результатом создания сети стала практика солидарных правозащитных и социальных действий женских организаций.

Ключевыми направлениями для дальнейшего развития и укрепления сети неправительственных женских организаций (далее – НЖО) как инструмента построения гражданского общества в регионе стали: создание девяти ресурсных центров; гражданское просвещение всего сообщества; специальная подготовка лидеров к участию в избирательных кампаниях для продвиже-

ния на уровне власти. Открытие ресурсных центров состоялось в 1997–1998 гг. в рамках проекта «Региональная сеть ресурсных центров НКО на Кольском полуострове» при финансовой поддержке Фонда Форда и Фонда Сороса¹.

Опыт создания Конгрессом женщин сети ресурсных центров НЖО показал, что люди нуждаются в новой, специальной информации, которая дает возможность повышать свою компетентность в вопросах строительства правового государства, защиты прав, работы третьего сектора, общественных движений.

Члены Конгресса всегда были вдохновлены примером политики гендерного равноправия в Норвегии. «Поскольку мы соседи и имеем в чем-то сходные проблемы. Однако эмансипированная Норвегия отличается от нашего Заполярного края своей приверженностью идее социальных реформ. И участницы женского регионального движения на Кольском полуострове связывают этот факт с равноправным участием женщин Норвегии в политической жизни»².

Поэтому с основанием Баренцева Евро-Арктического региона с 1993 по 1997 г. стремительно развиваются контакты с зарубежными организациями. Поддержка западных женских организаций и фондов внесла огромный вклад в развитие женской активности в регионах, предоставив ресурсы для построения инфраструктуры женских организаций, возможности для их развития, обучения персонала.

«Международное сотрудничество помогает деньгами на конкретные акции, на конкретную работу. Потому что в 1990-х гг. никаких внутренних фондов, которые давали бы деньги на проведение работы, на обучение женщин по вопросам, из-за которых буксовала перестройка, – политическая, экономическая грамотность. Сотрудничество с зарубежными организациями, включая международные

¹ Методические рекомендации для организаторов ресурсных центров некоммерческих организаций «Как создать ресурсный центр НКО в муниципальной библиотеке? / Под ред. Штылевой Л., Николаевой Р. КРЦДОЖ, Мурманск. 1999. С. 3.

² Яковлева Т. Весь мир насилия мы разрушим. А затем? // Комсомолец Заполярья. 1992. С. 3.

фонды, значительно улучшает институциональные условия работы общественной организации» [Информант № 3/2013].

В процессе знакомства с российскими женскими организациями и социально-экономической обстановкой в регионе при подготовке «Конференции женщин Баренцева региона» (1996 г.) у представительницы Норвежского Совета по равноправию Элен-Софии Болсрюд появилась идея открытия в Мурманске кризисного центра для женщин.

В результате двух лет совместной работы в 1997 г. при поддержке Секретариата Баренцева региона в Мурманске был открыт первый негосударственный на северо-западе России кризисный центр для женщин «Приют». Это была кризисная служба для женщин с возможностью поселения¹.

На выбор модели и концепции Мурманского кризисного центра для женщин повлиял опыт норвежских кризисных центров. В основу концепции деятельности кризисного центра в Мурманске был положен феминистский принцип – «от женщины к женщине». Создавая кризисный центр, организаторы и норвежские партнеры исходили из предположений, что насилие в отношении женщин – это очевидный факт для российского общества и крайняя форма нарушения прав человека.

В середине 2000-х гг. в Мурманске был открыт муниципальный кризисный центр, что является показателем актуальности проблемы и ее осознания местными властями. Подтверждением данного утверждения служит следующая цитата из интервью: «Он действительно был центром, который формировал взгляд на такую скрытую тему, как насилие, и на подходы в работе с проблемой. По типу приюта создали государственный кризисный центр – это и есть влияние на развитие социальной политики в регионе» [Информант № 1/2013].

В рамках международного сотрудничества было создано экспертное сообщество по работе кризисных центров для женщин, основанное на чувстве солидарности женщин, и оно внесло свой вклад в развитие социальной инфраструктуры в Мурманской

¹ Убежище для женщин // Вечерний Мурманск. 3 июня 1998 г. С. 3.

области. Лидеры женского движения положительно оценивают вклад регионального женского движения в улучшение положения женщин, потому что оно заявляло и отстаивало интересы и права женщин, занималось их просвещением в области защиты прав женщин. Были подняты актуальные вопросы именно с помощью Конгресса женщин Кольского полуострова, которые получили свое звучание и усиление. Это права семей с детьми-инвалидами, потому что это была часть организации, входящей в Конгресс, и самых активных групп самодеятельности. Это проблема насилия в отношении женщин, современные формы противодействия этому явлению и предупреждение явления. Изменение сознания правоохранительных органов и практики их деятельности. Самое главное, Конгресс женщин Кольского полуострова был той единственной площадкой, доступной для женщин, на которой их голос мог быть реально представлен и услышан. Поэтому конечно я считаю, что Конгресс женщин Кольского полуострова повлиял на положение женщин в регионе» [Информант № 3/2013].

Деятельность женского движения на Кольском полуострове в 1990-х гг. была насыщена и разнообразна и, подводя итоги, можно сказать следующее.

Женское движение в Мурманской области появилось и развивалось под влиянием политических, экономических, социальных изменений, которые привели к ухудшению положения женщин в российском обществе в 1990-х гг. Лидеры женского движения, стоявшие у истоков создания Регионального женского движения на Кольском полуострове, эмоционально рассказывали о том, что женщины столкнулись с трудностями и обнаружили несправедливость существующего социального порядка. Осознание несправедливости и нарушения своих прав подвигло женщин объединяться и проявлять социальную активность для защиты своих интересов. Начало 1990-х гг. в интервью ощущалось как надвигающаяся катастрофа.

Одной из отличительных особенностей развития женского движения в Мурманской области была близость границ с Северной Европой, которая благотворно повлияла на развитие женско-

го движения в Мурманской области. Лидеры женского движения признали безусловную поддержку западных женских организаций и фондов, внесших огромный вклад в развитие женской активности в регионе, предоставив ресурсы для построения инфраструктуры женских организаций, возможности для их развития, обучения персонала. В словах информантов чувствуется признательность и благодарность зарубежным партнерам за возможность личного и профессионального развития, за просветительскую деятельность в области гендерного равноправия.

Информанты отмечают, что главным достижением регионального женского движения стало обсуждение проблем, которые ранее не обсуждались в обществе (насилие в семье, сексуальные домогательства, дискриминация женщин, доступность образования и здравоохранения и т.д.).

Вклад женского движения в развитие местного сообщества респондентки определили как улучшение качества жизни женщин, повышение социальной роли женщин в обществе (создание сетей кризисных центров для женщин, ресурсных центров, социальных центров или отдельных услуг для семей с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья, участие женщин в выборах в органы законодательной власти).

Список литературы и источников

1. Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. 1339. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
2. Возьмемся за руки, подруги! // Советский Мурман. 14 ноября 1992 г. С. 3.
3. Методические рекомендации для организаторов ресурсных центров некоммерческих организаций «Как создать ресурсный центр НКО в муниципальной библиотеке? / Под ред. Штылевой Л., Николаевой Р. КРЦДОЖ, Мурманск, 1999. С. 3.
4. Мы идем своим путем // Мурманский вестник. 20 апреля 1994 г. С. 3.
5. Темкина А. Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерные тетради. Выпуск первый. СПб., 1997. С. 60.
6. Убежище для женщин // Вечерний Мурманск. 3 июня 1998 г. С. 3.
7. Яковлева Т. Весь мир насилия мы разрушим. А затем? // Комсомолец Заполярья. 1992. С. 5.

ИМЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ЭЛЕМЕНТ НОРМАТИВНОГО ЯЗЫКА И КАК ФАКТ ПЕРСОНАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ

Аннотация. *С опорой на подход, сформулированный исследователями в рамках лингвистической антропологии, в работе рассматриваются обсуждения паспортных имен в современной России. В последние годы нередко ставится под вопрос тот факт, что отчество необходимо образовывать с опорой исключительно на отцовское имя. Некоторые люди стремятся подчеркнуть роль матери и закрепить это документально, в рамках этого элемента персональных данных (как собственного, так и для своих детей). В работе показано, что дискурсивные практики, окружающие имена в современной России, можно описать как сочетание культурно-специфичных концепций нормативного языка и идей бюрократического единообразия.*

Ключевые слова: *лингвистическая антропология, Россия, русский язык, документ, удостоверяющий личность, имена, отчества, матронины, матчества*

Abstract. *Based on the approach formulated by researchers within the framework of linguistic anthropology, the work considers discussions of passport names in modern Russia. In recent years, the fact that patronymic must be formed solely on the paternal name has often been questioned. Some people try to emphasize the role of the mother and document this, within the framework of this element of personal data (both for their own and for their children). The work shows that discursive practices surrounding names in modern Russia can be described as a combination of culturally specific concepts of a normative language and ideas of bureaucratic uniformity.*

Key words: *linguistic anthropology, Russia, Russian language, identification document, naming conventions, patronymic, matronymic*

Имя человека можно рассматривать как хорошую метафору для взаимоотношений с языком: имена окружаются теми же представлениями об уместности, вариативности, правильности и красоте, как и любой другой элемент речи, – и все эти представления проистекают из социального опыта и определяют его. Так же, как и язык, имя воспринимается как элемент некой «персональной» и «общекультурной компетенций». Говоря и о языке, и об именах, зачастую мы не можем долго фокусироваться исключительно на них самих. В фокусе такого повествования практически сразу появляются термины родства, этничности, конфессиональной принадлежности и другие социальные характеристики групп. Человека могут назвать «в честь бабушки» или «как святого покровителя», имя может быть «мужским» и «женским», «традиционно русским греческого происхождения», «модным в 90-е годы» или «экзотичным для средней полосы России». Вместе с этим в повествовании возникает и то, что мыслится как неотъемлемые атрибуты этих социальных групп – знаковые события, символика, знаменитые представители прошлого и настоящего. При этом государство тоже способно фигурировать в таких рассуждениях как набор определенных идей и атрибутов, однако существует и более важный аспект. Государственные институты определяют *надлежащее* функционирование имен как таковых для его граждан. Таким образом, настоящая работа призвана продемонстрировать, какие дискурсивные практики существуют при обсуждении отчества как элемента официального имени в современной России. Особенное внимание будет уделено тем сюжетам, когда основой для него становится материнское имя.

Согласно «Положению о паспорте гражданина Российской Федерации», в него вносятся следующие «сведения о личности»:

фамилия, имя, отчество, пол, дата рождения и место рождения¹. При этом «Отчество ребенка записывается по имени отца, если иное не основано на национальном обычае», подобное положение указано в статье 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»². Несмотря на такую однозначность (и, напротив, некую абстрактность «национального обычая»), существуют примеры, когда отчество создается по имени матери – его в таком случае называют «матроним» или «матчество». Эта работа показывает, какие идеи «об общем порядке» вещей (идентичности, убеждениях, социальной жизни и так далее) окружают «паспортные» имена в дискуссиях относительно судьбы матчества. Вспомогательной задачей представляется рассмотрение того, как имя функционирует в качестве элемента бюрократического производства.

В качестве теоретической рамки для настоящей работы избраны исследования языковых идеологий в русле лингвистической антропологии. В 1979 г. лингвистический антрополог М. Сильверстин предложил понимать языковые идеологии как «наборы представлений о языке, сформулированные пользователями как рационализация или обоснование предполагаемой структуры и использования языка»³. Одна из идей, развиваемых последующими исследователями, заключается в том, что идеи о правильности, красоте и приемлемости языка основываются на социальном опыте (и нередко связаны с

¹ Постановление Правительства РФ от 08.07.1997 № 828 (ред. от 20.11.2018) «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15101/ (Дата обращения: 11.01.2021).

² Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об актах гражданского состояния» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (Дата обращения: 11.01.2021).

³ Silverstein M. Language structure and linguistic ideology // Clyne R., W. Hanks, C. Hofbauer (eds.), The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels. Chicago, 1979. P. 193.

политико-экономическими интересами разнообразных групп)¹.

Важной идеей в исследованиях языковых идеологий представляется понятие индексальности. Индексы – это знаки, самым фактом своего существования во времени и пространстве имеющие некую связь с тем, к чему они относятся: хрестоматийным примером стал дым как индекс огня². Слова и другие элементы языка в этом случае рассматриваются как знак, который находится в индексальной связи с разнообразными контекстуальными факторами использования. Как отметил, говоря о специфике этого подхода, лингвистический антрополог А. Дуранти, «коммуникация – это не только использование символов, которые “обозначают” убеждения, чувства, идентичности, события»: это также способ указать на существование этих убеждений, идентичностей и так далее, сделать предположение относительно этого или привести их в текущий контекст³.

Красноречивый пример переплетения лингвистических особенностей и «внелингвистических» социальных категорий можно найти у М. Сильверстина⁴. Под влиянием англо-нормандского среди английской знати к XIII в. местоимение второго лица единственного числа *thou* приобретает оттенок фамильярности, а местоимение второго лица множественного числа *you* – уважения (близкое можно наблюдать относительно местоимений «ты» и «вы» в современной России). К XVII в. *you* уже используется как основная форма обращения к равному, тогда как *thou* в официальном контексте может нести в себе оскорбление. Однако те, кого называли квакерами, рассматривали это не как проявление вежливости, а как «полную противоположность гражданского равенства всех людей

¹ Kroskrity P. V. Language ideologies – Evolving perspectives // J. Jaspers, J. Verschueren J., J.-O Östman (eds.), *Society and Language Use*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 196–201.

² Duranti A. *Linguistic Anthropology*. New York: Cambridge University Press, 1997. P. 17.

³ Ibid. P. 37.

⁴ Silverstein, M. Language structure and linguistic ideology // Clyne, R., W. Hanks, C. Hofbauer (eds.), *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Chicago, 1979. P. 244–251.

перед Богом»¹. Для них *you* в общении двух людей было проявлением гордыни и лжи: обращение к единственному адресату не должно нести в себе смысл множественности, чтобы не противоречить божественной истине. Таким образом, *thou*, используемое симметрично, приобрело дополнительное индексальное значение солидарности определенного плана – оно стало знаком принадлежности к одной идеологической и религиозной группе. Носители других взглядов начали дополнительно дистанцироваться от таких «шокирующих общество» практик. Как результат, сейчас *thou* уже практически не используется в повседневной речи.

Объектом исследования в данной работе являются высказывания на русском языке об именах, собранные на различных интернет-площадках. Предмет исследования – индексальность, которая выносится на первый план в каждом конкретном высказывании. Таким образом, мы отвечаем на вопрос: что разговоры об именах могут рассказать нам о социальной жизни?

В первой части работы в качестве материала рассматриваются обращения в справочную службу русского языка портала «Грамота.ру». Этот ресурс был создан в 2000 г. по рекомендации Комиссии «Русский язык в СМИ» Совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации и задумывался как справочник для сотрудников средств массовой информации. Сейчас он адресован всем интернет-пользователям, которые нуждаются в квалифицированной помощи и в оперативной информации о русском языке². Интерес представляет, во-первых, то, в каких ситуациях людям требуется указанная квалифицированная лингвистическая помощь относительно имен, во-вторых, какой ответ они получают.

Во второй части работы рассматриваются материалы СМИ. Как отмечал К. Гирц, «не существует признанных специалистов в области здравого смысла» – «здравый смысл открыт для

¹ Ibid. P. 249.

² О портале [Электронный ресурс] // Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/gramota/about/> (Дата обращения: 11.01.2021).

всех порядочных граждан»¹. Любой антрополог понимает: нет знания более обманчивого в своей очевидности. Журналистские материалы призваны продемонстрировать те суждения относительно имен, которые выносятся именно с такой позиции.

Обращения в справочную службу – это тот случай, когда персональные компетенции отдельных людей признаны недостаточными: нужно более авторитетное мнение.

В первом случае речь идет о формах «Наталя/Наталия», разницу между которыми не каждый сможет увидеть и услышать. Однако имя в дипломе, не совпадающее с тем, что зафиксировано в паспорте, заставляет сотрудников Пенсионного фонда усомниться в его подлинности спустя десятки лет после окончания университета: *«В моем дипломе (выпуск МАрХИ 1983г.) ошиблись и написали «Наталия», хотя в паспорте стоит «Наталя».* Прошло 30 лет, я работала по такому диплому, никто не усомнился в его подлинности. И вот теперь, при оформлении пенсии, Пенсионный фонд говорит, что мой диплом недействителен из-за этой ошибки». Разрешить эти сложности может лишь отдельный документ: в качестве ответа сотрудники портала рекомендуют обратиться за справкой об идентичности имен в Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН².

Во втором случае человек, судя по всему, принимающий гражданство РФ, обнаруживает, что в его документах можно увидеть разное написание имени: *«При оформлении гражданства обратили внимание на разночтения в документах, удостоверяющих личность одного и того же человека: Сабир, Сабиржан, Sabirjon. Являются ли эти имена вариантами одного и того же имени? Как это доказать?»*. В ответ справочная служба подчеркивает: имя должно быть единообразным («буква в букву») – иначе «требуется проведение лингвистической экспертизы»³.

¹ Geertz C. Common Sense as a Cultural System // The Antioch Review. 33 (1). 1975. P. 24.

² Поиск ответа: 271195 [Электронный ресурс] // Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=271195> (Дата обращения: 15.01.2021).

³ Поиск ответа: 246341 [Электронный ресурс] // Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=246341> (Дата обращения: 15.01.2021).

В третьем случае мужчина обнаружил, что его собственное имя в той форме, которая зафиксирована в паспорте, влечет за собой «не то» отчество для сына: *«Я всю жизнь наивно полагал что сын Артёма, будет Артемьевич. а при оформлении свидетельства сказали, что Артёмович. Получается, если по вине паспортного стола у меня в паспорте написано Артем, то отчество сыну впают Артемович?»*. В ответ справочная служба может лишь констатировать, что сделанные выводы правильны, – и указать, что в случае, если возникнут сложности с «е» или «ё», записанных в разных документах (Артем/Артём), поможет справка об идентичности имен, выданная Институтом русского языка РАН¹.

Рассмотрев три случая, когда имя, видоизменяясь, признается (или не признается) тем же именем официально, мы можем подчеркнуть следующее. Все три примера объединяет то, что суждение относительно «правильности» имени выносит не сам человек: напротив, ему или ей необходим вердикт специалиста и, нередко, дополнительный документ, выданный соответствующей организацией. Иногда такое несовпадение мнений может быть весьма драматичным.

В январе 2020 г. материал по теме матронимов был опубликован на портале «РИА Новости»². Здесь рассказали, в числе прочего, о двадцатилетней Анастасии Анновне и полугодовой Елизавете Марьевне. Анастасия Анновна сменила отчество сама, достигнув совершеннолетия, поскольку, как поясняется в тексте, «просто не хочет носить “печать” родителя, которого не видела ни разу в жизни», и «придерживается феминистских убеждений». «Очень боялась, что мне не разрешат, ведь аналога маминого имени Анна в мужском роде нет», – приводят слова девушки в материале. Заведующая, услышав объяснение, вошла в положение Анны. Свою позицию она объясняет следующим

¹ Поиск ответа: 273097 [Электронный ресурс] // Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=273097> (Дата обращения: 15.01.2021).

² «Марьевна – и точка!» Почему женщины меняют отчество на матроним [Электронный ресурс] // РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/20200113/1563274298.html> – Дата публикации: 13.01.2020.

образом: «Сами посудите, это ведь абсурд: я росла без отца и должна носить его имя в паспорте»¹.

Что касается Елизаветы Марьевны, ее мать, воспитывающая дочь одна, задумалась о матрониме еще до родов: «Я никогда не стану бегать за мужчиной с просьбой признать ребенка. <...> Если такой человек не хочет быть отцом, то ему не место в свидетельстве о рождении». В качестве аргумента Мария планировала использовать имена древнеримского полководца Гая Мария и писателя Эриха Марии Ремарка, однако это, по ее словам, не потребовалось: «Регистратор из роддома позвонила в ЗАГС, там по словарям пробили, есть ли мужской вариант имени Мария. И, сверившись с бумагами, записали Лизу так, как я хотела»².

Ее собственная мать, по словам Марии, отнеслась к этому решению спокойно: также вырастив дочь без мужа, она была вынуждена «таскать ее из Томска в Новосибирск на ДНК-экспертизу», чтобы доказать отцу, что Мария – «его кровь». Бабушка Марии приняла такое отчество правнучки, но для знакомых придумала «более традиционный вариант»³.

Как указано в интервью, в Интернете женщина нередко получает негативные комментарии, преимущественно от мужчин: «Пишут, что я страшная, неразборчива в интимных отношениях, а потому просто не знаю, кто отец ребенка». По ее словам, отец Лизы, навещая Марию «один-два раза в год», нередко звонил с требованиями отказаться от матронима: «Мол, хватит чудить, надо заменить документы и дать Лизе его отчество»⁴.

Необходимо подчеркнуть, что в этих примерах на первый план выходит условный «род» конкретного, материнского имени. Материнское имя «пробивают по словарям», отыскивая «мужские варианты», его осознаваемая «женская форма» воспринимается как потенциальная помеха. Факт существования мужчин с этим именем, напротив, представляется хорошим аргументом. «Кровное родство» по отцовской линии, напротив, уносится за

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

скобки – хотя отец, не воспитывая ребенка, может считать себя вправе настаивать на смене отчества.

Другой пример демонстрирует, что, напротив, вопросы родства могут оказаться в фокусе, но никак не условный «женский род» имени. Намного раньше, в 2012 г., газета «Аргументы и факты – Урал» написали о Сергее Веро-Викторовиче (1967 год рождения), который сумел переоформить все свои документы, «чтобы подчеркнуть роль матери»¹.

Изначально Сергей Веро-Викторович планировал дать аналогичное по структуре отчество своей дочери. Когда, однако, это не удалось («мне чиновники сказали: “Ты испортишь ребенку судьбу”»), он решил сменить собственное: «Настроился, взял Конституцию, полистал – там про равноправие [в том числе матерей и отцов]»². В январе 2020 г., что характерно, журналисты снова обратились к Сергею Веро-Викторовичу за комментарием. Тот факт, что о нем вспомнили на волне, по словам мужчины, «войны феминизма против патронимов», он не поддерживает: «Это делают женщины, у которых несчастье, и они не хотят с отцом контактировать. Я-то ведь не за это. Я за справедливость и равноправие». Сама же «война», по его словам, «сдуется», если поменять требования Семейного кодекса³.

Сергей неоднократно подчеркивает: основная проблема заключается в самом понятии «отчество». На смену ему он предлагает использовать термин «величательная форма имени»⁴ – это позволит использовать в таком качестве имена обоих родителей (как совмещенно, так и по отдельности): «У нас издревле повелось, что величают по отцу, а посылают по матери. Внутренне как-то

¹ Уралец Сергей Веро-Викторович обзавелся матчеством [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты – Урал. URL: <https://ural.aif.ru/society/science/167896> – Дата публикации: 27.11.2012.

² «Я уже стал мемом!»: как живет уралец, вписавший в свой паспорт сразу и отчество, и матчество [Электронный ресурс] // E1.RU – новости Екатеринбурга. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-66455269.html – Дата публикации: 22.01.2020.

³ Там же.

⁴ Там же.

неприятно было. Надеюсь, со временем эта традиция исчезнет»¹.

Подведем промежуточный итог. Отчество может рассматриваться не просто как элемент официального имени человека, но и как площадка мемориализации. Как мы видели, в качестве альтернативы имени отца как основы для отчества могут рассматривать *мужские* имена, но, гипотетически, не всегда принадлежащие родственнику «по крови». Не случайно Мария противопоставляет матчество своей дочери ДНК-тестированию, через которое проходила, судя по всему, сама. Нередко на первый план выходит «маскировка», «омужествление» материнского имени. Одновременно пример Сергея Веро-Викторовича говорит о том, что связка отчества и мужчины, *мужского* имени не всем видится обязательной.

Тот факт, что имя матери как основа для отчества нередко используется в тех ситуациях, когда женщина растит ребенка одна, приводит к тому, что само матчество становится дополнительной характеристикой человека, его биографии. «Матчество разумно, когда не знаешь, кто отец, или когда знаешь, но отец не желает быть отцом», – такой комментарий приводят журналисты в материале о Сергее Веро-Викторовиче². Опираясь на интернет-сообщения, упоминаемые Марией, можно также сказать, что матроним ребенка способен восприниматься как основание для оскорбления матери.

При этом нельзя не отметить и то, что в журналистском материале отдельно оговорены «феминистские убеждения» Анастасии Анновны, отказавшейся от отчества в пользу матчества. Основная мысль, стоящая за «величательной формой имени» Сергея Веро-Викторовича, такова: нужно стремиться к равноправию – и закреплять его в повседневности при помощи слов, устраняя, при необходимости, негативные коннотации в отношении всего женского. Кто-то может отметить сходство этой позиции и некоторых феминистических

¹ Уралец Сергей Веро-Викторович обзавелся матчеством [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты – Урал. URL: <https://ural.aif.ru/society/science/167896> – Дата публикации: 27.11.2012.

² Там же.

идей¹. Однако мужчина явным образом дистанцируется от них и «женщин, у которых трагедия». Воображаемый «феминизм» (а значит, и относящийся к нему «словарь»), ассоциируемый с персональным несчастьем, приводит к стремлению отмежеваться от «феминистических практик».

«Имя принадлежит не только самому человеку, но и тем, кто его так называет, а также государственным органам, которые идентифицируют его именно таким образом», – отмечает А.К. Байбурин в своей монографии, посвященной советской паспортной системе². При этом он уточняет, что «идентификационная способность имени» невелика: «оно, как правило, не уникально».

В этом исследовании не затронуты практики, существовавшие в Советском Союзе: рассмотренные примеры имеют отношение к россиянам начала XXI в. Приведенная мысль, однако, представляется хорошей направляющей для общих итогов. В своей книге А.К. Байбурин, в том числе, рассказывает, как в советском паспорте, «будучи зафиксированным [в письменной форме], имя отрывается от человека и начинает жить своей жизнью, по правилам, которые устанавливаются бюрократическим производством»³. В этой работе были продемонстрировано, что такое наблюдение сохраняет актуальность и в Российской Федерации.

В первой части настоящей работы речь шла о хрупкой уникальности имени. «Поломкой» в этой системе документально (а это значит, *письменно*) подтвержденных имен способно стать различие, которое не влияет на произношение: «Наталья/Наталия», «Артем/Артём». Вспомним уточнение справочной службы: единообразие подразумевает совпадение «буква в букву».

¹ Стыдные вопросы про феминизм: чего добиваются женщины и что им мешает? [Электронный ресурс] // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2017/03/06/stydnye-voprosy-pro-feminizm> (Дата обращения: 11.01.2021). Дата публикации: 06.03.2017.

² Байбурин А.К. Советский паспорт: история – структура – практики. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 205–206.

³ Там же.

Во второй части показано, какие дискуссии окружают официально заданные «сведения о личности гражданина»¹. Отчество конструируется, основываясь на имени одного из родителей. Как можно было увидеть, *естественность* возведения его исключительно к отцу способна ставиться под вопрос. В таком случае на первый план выходят не бюрократические требования, оговаривающие использование отчества *как такового*, а осмысление документов человека как площадки мемориализации: кто-то представляется достойным такого увековечивания, кто-то – нет.

Как получение имени, так и изменение его в течение жизни окружаются не только бюрократическими процедурами, но и представлениями о том, почему человек через них проходит. Структура имени, отличная от некой абстрактно-нормальной, *способна* рассматриваться как признак персональной ненормальности с точки зрения «здорового смысла» – как указание на персональную трагедию матери или ребенка. Более того, изменение «порядка вещей» (замена имени отца на имя матери) осмысляется как потенциально «опасное»: это решение способно «испортить судьбу», а будучи принятым, может скрываться от знакомых. За всем этим стоит культурно специфичная идея имени как зафиксированного раз и навсегда способа официальной идентификации – феномена, который подчиняется законам: как государства, так и нормативного государственного языка.

Список литературы и источников

1. Байбурин А.К. Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 486 с.
2. «Марьевна – и точка!»: Почему женщины меняют отчество на матроним [Электронный ресурс] // РИА-Новости. URL: <https://ria>.

¹ Постановление Правительства РФ от 08.07.1997 № 828 (ред. от 20.11.2018) «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15101/ (Дата обращения: 11.01.2021).

- ru/20200113/1563274298.html – Дата публикации: 13.01.2020.
3. О портале [Электронный ресурс] // Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/gramota/about/> (Дата обращения: 11.01.2021).
 4. Поиск ответа: 246341 [Электронный ресурс] // Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=246341> (Дата обращения: 15.01.2021).
 5. Поиск ответа: 271195 [Электронный ресурс] // Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=271195> (Дата обращения: 15.01.2021).
 6. Поиск ответа: 273097 [Электронный ресурс] // Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=273097> (Дата обращения: 15.01.2021).
 7. Постановление Правительства РФ от 08.07.1997 № 828 (ред. от 20.11.2018) «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15101/ (Дата обращения: 11.01.2021).
 8. Стыдные вопросы про феминизм: чего добиваются женщины и что им мешает? [Электронный ресурс] // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2017/03/06/stydnye-voprosy-pro-feminizm> (Дата обращения: 11.01.2021). Дата публикации: 06.03.2017.
 9. Уралец Сергей Веро-Викторович обзавелся матчеством [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты – Урал. URL: <https://ural.aif.ru/society/science/167896> – Дата публикации: 27.11.2012.
 10. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об актах гражданского состояния» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (Дата обращения: 11.01.2021).
 11. «Я уже стал мемом!»: как живет уралец, вписавший в свой паспорт сразу и отчество, и матчество [Электронный ресурс] // E1.RU – новости Екатеринбурга. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-66455269.html – Дата публикации: 22.01.2020.
 12. *Duranti A.* Linguistic Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 398 p.
 13. *Geertz C.* Common sense as a cultural System // *The Antioch Review.* 33 (1). 1975. P. 5–26.

14. *Kroskrity P.V.* Language ideologies – Evolving perspectives // J. Jaspers, J. Verschueren J., J.-O. Östman (eds.), *Society and Language Use*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 192–211.
15. *Silverstein M.* Language structure and linguistic ideology // R. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer (eds.), *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Chicago, IL: Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193–247.
16. *Silverstein M.* Language and the culture of gender: At the intersection of structure, usage, and ideology // E. Mertz, R. Parmentier (eds.), *Semiotic Mediation: Sociocultural and Psychological Perspectives*. Orlando, FL: AcademicPress, 1985. P. 219–259.

*Боровикова Юлия Александровна,
Кузнецова Полина Дмитриевна*

ТРАДИЦИОННАЯ БИНАРНАЯ ГЕНДЕРНАЯ СИСТЕМА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ЕЕ ПРОБЛЕМАТИКА В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНО- БИНАРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. *Тема небинарных гендерных идентичностей во многих культурах, в том числе российской, крайне медиализирована и патологизирована. Ввиду исключения в 2018 г. трансгендерной идентичности из списка психических расстройств ВОЗ появилась необходимость оценить круг проблем, который существует и существовал в Российской Федерации для трансгендерных людей. Из-за жестких ожиданий относительно гендерного поведения, которые диктует российская бинарная гендерная система, трансгендерная идентичность воспринимается как психическое расстройство и патология, не являясь ей. В статье рассматриваются причины, по которым трансгендерные дети и подростки сталкиваются со стрессом и испытывают сложности в социализации, а также приводятся данные о существующих культурах, в которых действует небинарная гендерная система, позволяющая подросткам развиваться более гармонично.*

Ключевые слова: *гендерные сценарии, трансгендерная идентичность, небинарные подростки, патологизация, третий гендер*

Abstract. *The topic of non-binary gender identity is highly medicalized and pathologized in many cultures, including Russian. Due to the fact that the transgender identity was excluded from the list of mental disorders in 2018, it became*

necessary to assess the range of problems concerning transgender people that existed earlier in Russian Federation and that exist nowadays. This particular gender identity is commonly mistaken for a mental disorder and a pathology because of the strict expectations about gendered behavior that the Russian binary gender system dictates. In the article the reasons of why transgender children and adolescents experience stress and difficulties in socialization are discussed, as well as the examples of cultures that have a non-binary gender system that allows adolescents to develop more harmoniously.

Keywords: *gender scenarios, gender perspective, transgender identity, non-binary adolescents, pathologization, third gender*

С тех пор как в начале XXI в. стали все чаще звучать такие слова, как «трансгендерный», «небинарный», «гендерфлюидный», общество обратило внимание на то, что ранее было во многом запретной темой. В русской культуре на протяжении долгого времени существует лишь два гендерных сценария: мужской и женский – и к изредка проявляющимся «нарушениям» зачастую общество относилось и относится исключительно негативно. Дело с такими людьми, не вписывающимися в бинарную гендерную систему, по большей части имела только психиатрия.

В настоящий момент в мире происходит постепенное изменение представлений о трансгендерной идентичности. Еще совсем недавно эта идентичность считалась психическим расстройством и по отношению к трансгендерным людям использовался медицинский термин «транссексуалы». Однако сейчас официальная позиция крупных объединений врачей заключается в том, что трансгендерная идентичность является вопросом разнообразия, а не патологии.

Ученые же продолжают пытаться объяснить этот феномен с разных точек зрения. Медиками выдвигаются теории, связанные

с генетическими особенностями¹, воздействием андрогенов во время внутриутробного развития². В последнее время наиболее популярны исследования в области Brainsex. Они показали, что у людей с трансгендерной идентичностью есть ряд психофизиологических особенностей³. Прямой корреляции, однако, между этими особенностями и идентичностью на данный момент найдено не было⁴. Вопрос формирования ненормативной гендерной идентичности привлекает внимание также и исследователей из области гуманитарных наук, но в меньшей степени. На данный момент интерес направлен на причины трансфобии в обществе, механизмы формирования негативных стереотипов о трансгендерных людях и многое другое⁵.

Целью нашей работы стало изучение бинарной системы гендерных сценариев, остающейся нормативной в современном российском обществе, и ее проблематики в контексте проявлений гендерно-небинарной идентичности. По мере возможности мы также хотели бы провести сопоставления российской бинарной гендерной системы с системами, существующими в других обществах, для которых характерны иные гендерные нормы.

В понятие «небинарная идентичность» входят идентичности, которые подразумевают отказ от бинарной гендерной системы и формирование «третьей» гендерной категории. Даже в тех обществах, в которых не предусмотрена пластичность гендера, можно заметить, насколько активно сейчас идет процесс

¹ Hare L., Bernard P., Sánchez F.J., Baird P.N., Vilain E., Kennedy T., Harley V.R. Androgen receptor repeat length polymorphism associated with male-to-female transsexualism // *Biological Psychiatry*. 2009, № 1.

² Schneider H.J., Pickel J., Stalla G. Typical female 2nd-4th finger length (2D:4D) ratios in male-to-female transsexuals-possible implications for prenatal androgen exposure // *Psychoneuroendocrinology*. 2006, № 2.

³ Курило Л.Ф., Хаят С.Ш., Калинин С.Ю., Слонимский Б.Ю., Сорокина Т.М. Нарушение развития структур головного мозга при транссексуализме (обзор литературы) // *Андрология и генитальная хирургия*. М., 2013, № 3.

⁴ Guillamon A., Junque C., Gómez-Gil E. A Review of the Status of Brain Structure Research in Transsexualism // *Archives of Sexual Behavior*, 2016.

⁵ Семенова А., Шмик А., Андрей В. Гендерная идентичность в эпицентре дискриминации. Жизнь транс*людей в России. Спб., 2013.

формирования отдельных сообществ, создающих безопасную среду для взаимодействия гендерно-небинарных людей между собой. Большинство терминов для обозначения небинарных идентичностей было заимствованно из английского языка. Например, *genderfluid*, *transgender*, *non-binary person* и другие. По сути, во всех этих терминах делается акцент на изменчивость гендера, на возможность совершать переход или полностью отрицать гендер.

В рамках данной статьи мы ограничимся обсуждением трансгендерной идентичности, поскольку именно она в большей мере известна и распространена в российском обществе по сравнению с прочими гендерно-небинарными идентичностями. Это, однако, не значит, что в нашем обществе все или хотя бы многие имеют представления о нуждах и повседневных проблемах трансгендерных людей.

В международном статусе трансгендерной идентичности не так давно произошли изменения. В 2019 г. трансгендерность была исключена из списка психических расстройств Всемирной Организацией Здравоохранения¹, поскольку сама по себе данная идентичность в большинстве случаев не вызывает сильный стресс или какие-либо ограничения возможностей. Это изменение во многом сформировало особую ситуацию в России.

Основной проблемой для таких людей в нашей стране становится крайне медленный, по сравнению с европейскими странами, процесс депатологизации данной идентичности. Россия – страна, входящая в ВОЗ, и, предположительно, обязана принимать все внесенные данной организацией поправки. Несмотря на это, в настоящий момент для получения документов трансгендерному человеку все еще необходимо пройти медкомиссию, состоящую из психотерапевта, эндокринолога и сексолога. В случае успешного прохождения комиссии выдается справка о наличии у него психического расстройства. Только с этой справкой трансгендерный человек в нашей стране

¹ New Health Guidelines Propel Transgender Rights // Human Rights Watch [Электронный ресурс] URL: <https://www.hrw.org/news/2019/05/27/new-health-guidelines-propel-transgender-rights> (Дата обращения: 20.09.2019).

получает право на изменение графы пола в паспорте и прочих документах, а также имеет возможность легально получить доступ к гормонотерапии. Данный процесс внутри сообществ гендерно-небинарных людей называется процессом перехода, поскольку многие его представители считают термин «смена пола» некорректным.

Ввиду отсутствия прозрачной и четко выверенной системы для совершения перехода в нашей стране существует большое количество разных возможностей для покупки гормонов без рецепта и прохождения курса самостоятельно без консультации с врачом, что крайне небезопасно. Чаще всего к такому методу прибегают подростки, которые не могут пройти комиссию в России до совершеннолетия или же не прошли ее. Таким образом патологизация трансгендерной идентичности помимо того, что повышает уровень дискриминации по отношению к и без того «невидимым» группам, может нести также прямую угрозу жизни и здоровью.

Гендерная дисфория – состояние, при котором человек не может принять свой гендерный статус и испытывает острую неудовлетворенность им¹ – может начаться с двухлетнего возраста, когда у ребенка формируется гендерная идентичность, и с годами это состояние неудовлетворенности лишь усиливается, что приводит к появлению депрессии и других ментальных расстройств². Трансгендерные люди, которые сталкиваются с дисфорией, нуждаются в специализированной помощи, доступ к которой есть не у всех. Речь идет не только об операциях по коррекции пола. Долгое время считалось, что это – единственный способ лечения гендерной дисфории, и он до сих пор остается превалирующим. Однако, судя по проведенным исследованиям, это не так. Основным методом борьбы с гендерной дисфорией на данный момент в мире считают квалифицированную психологическую помощь, а также формирование позитивного окружения. Подобное могут позволить себе в основном

¹ Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М., 1998.

² Биксан М.А. Формирование гендерной самоидентификации у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. Екб., 2017.

люди из обеспеченных центральных регионов России. Стоит отметить, что и в столице большое количество психологов и психотерапевтов недостаточно информированы для работы с проблемами и нуждами гендерно-небинарных людей. Чаще всего на сеансах трансгендерные люди сталкиваются с некорректными высказываниями, поиском детской травмы, которая привела их к этой идентичности (подобной травмы чаще всего не обнаруживается), и прочими видами дискриминации.

В традиционных обществах в практиках «превращения пола» меньше распространено хирургическое вмешательство¹. Однако, например, в Индии практикуется ритуальное оскотление в качестве инициации для вступления в касту хиджр. Это каста неприкасаемых, состоящих из трансгендеров, интерсекс-людей и людей с негетеросексуальной ориентацией². В современных же обществах хирургическая смена пола оказывается необходимой для того, чтобы встроиться в бинарную гендерную систему – особенно в тех странах, где законодательно не закреплён третий вариант гендерной идентичности. Это приводит к практически неизбежному прохождению трансгендерных людей через операцию по коррекции пола. Предположительно, медицинская коррекция пола должна помочь снизить уровень дискриминации, а также проблемы со здоровьем, однако, судя по статистике, это не так уж эффективно. Исследования, проведенные в таких благополучных странах, как Германия, Австрия и Швейцария, показали, что 50% опрошенных, прошедших через медицинскую коррекцию пола, имели психологические или иные проблемы, связанные с их физическим благополучием³. Из этого следует, что хирургическое вмешательство не является в полной мере решением проблемы, поскольку большая ее часть заключается в ригидности бинарной гендерной системы.

В частности, острой проблемой является нехватка информации и положительной репрезентации ненормативных гендерных

¹ Максимов А.Н. Превращение пола. М., 1912.

² Глушкова И.П. Превосходство неопределенности. М., 2011.

³ Гаттас Д. Вставая на защиту прав интерсекс людей – чем вы можете помочь? Берлин, 2015.

идентичностей: в России вся подобная информация попадает под Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и подвергается цензуре. Так, например, онлайн-издание Wonderzine опубликовало новость о том, что из книги для детей «Сказки на ночь для юных бунтарок» Элены Фавилли и Франчески Кавальо при переводе на русский вырезали историю о трансгендерной девочке. Издательство подтвердило, что произошло это из-за опасения нарушить закон¹.

У детей чувство гендерной идентичности формируется в возрасте 2–3 лет. Согласно результатам опроса, проведенного А. Семеновой с соавторами с целью получить список потребностей трансгендерных людей в России для планирования деятельности для защиты их прав, видно, что 69% трансгендерных людей осознали, что они отличаются от других в период до 12 лет, а как называется это явление узнали гораздо позже². Трансгендерные дети часто сталкиваются с отторжением со стороны как своего гендерного коллектива, так и чужого. Некоторые говорят о том, что на их «отличность» им указали другие дети раньше, чем они сами осознали это. Дети в возрасте 6–7 лет оказываются наиболее ревностными блюстителями гендерной дифференциации, воспроизводя стереотипы, воспринятые от родителей, воспитателей, преподавателей и СМИ³. Именно в этот момент нехватка или недоступность информации об иных гендерных сценариях, из которых дети могли бы узнавать, что бывает по-другому, становится ключевой. Понимание о своем отличии от других появляется у трансгендерных детей рано и при этом у них не получается найти способ описать, выразить это отличие в речи, не говоря уже о поддержке со стороны значимых взрослых: в результате их уровень

¹ Из русского перевода детской книги убрали трансгендерную девочку [Электронный ресурс] // Wonderzine: [сайт]. [2018] URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/news/239015-tales-of-extraordinary-women> (Дата обращения: 17.05.2019).

² Семенова А., Шмик А., Андрей В. Гендерная идентичность в эпицентре дискриминации. Жизнь транс*людей в России. Спб., 2013.

³ Биксан М.А. Формирование гендерной самоидентификации у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. Екб., 2017.

дистресса значительно увеличивается. Многие трансгендерные дети и подростки сталкиваются с травлей и дискриминацией в школе, в том числе со стороны преподавателей. По данным опросов 2011–2012 г., в России приблизительно каждый четвертый трансгендерный человек сталкивался с физическим насилием, 23% – со стороны родственников, 59% подвергались давлению со стороны сверстников в школе¹. На 2018–2019 г. ситуация в этой области мало изменилась, что можно заметить, заглянув в группы в социальных сетях. Например, существует группа «Трансгендерные мысли», позиционирующая себя как безопасное место для общения трансгендерных людей, или «Youintolerantsmut!» – группа, предназначенная для того, чтобы люди, столкнувшиеся с ЛГБТ-фобией, могли выговориться. В постах гораздо чаще встречаются описания негативного опыта: неприятия в семье, среди друзей, на работе и учебе, столкновение с насилием, травлей и дискриминацией, и гораздо реже – рассказы о случаях приятия и понимания окружающих трансгендерной идентичности.

На данный момент можно наблюдать тенденцию все большего проявления нежелания встраиваться в бинарную гендерную систему или же гендерную систему вообще среди подростков, что вызывает распространение таких идентичностей, как «агендер», «гендерфлюид», «бигендер»².

Будет ли такая гендерная идентичность восприниматься как психическое расстройство или нет, в значительной степени зависит от ожиданий относительно гендерного поведения, которые диктует культура. То, что в одной культуре считается проблематичным, может не вызывать никакого беспокойства в другой.

Во многих традиционных культурах существует третий

¹ Семенова А., Шмидт А., Андрей В. Гендерная идентичность в эпицентре дискриминации. Жизнь транс*людей в России. СПб., 2013.

² Верещака М. Вне пола и гендера: кто такие небинарные люди // ZMINA [Электронный ресурс] 2018. URL: https://zmina.info/ru/articles-ru/vne_pola_i_gendera_kto_takije_nebinarnye_ljudi/ (Дата обращения: 21.08.2019).

гендерный сценарий¹. Наибольшее распространение как отдельная социальная категория он имеет в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Северной Америке и Индии, но не ограничивается только ими. В культурах, которые не придерживаются бинарной гендерной системы, зачастую представления о мужском и женском пластичны, и к перемене гендера или особенностям третьего пола в этих культурах относятся не как к патологии, а как к чему-то естественному, порой даже продиктованному духами и поэтому необходимому и обязательному. Для большей наглядности стоит привести несколько довольно известных примеров.

Среди жителей североамериканских племен можно встретить бердашей. Это собирательное название для третьего гендера. Данное явление имеет довольно широкое распространение среди таких племен, как ирокезы, иллинойс, арапахо, навахо, яки и многие другие. В каждом племени есть собственное название для третьего гендера, например, в языке лакота это «винкте» («человек с двумя душами»)². Существование таких людей не считается отклонением от нормы, оно почетно, так как это гендерное превращение предложено духами. От него можно отказаться, но такое происходит чрезвычайно редко, поскольку это считается ценным даром. Об их положении мы можем судить из отчета, представленного для Европейской Сети Профессионалов по Транссексуальности, Марджори Энн Напеваштевин Шутцер, которая является коренной американкой из племени лакота. По ее словам, винкте уважают, за ними закреплены определенные правовые нормы, они имеют большое влияние, например, дают тайное имя новорожденному, имеют дар предвидения. У винкте своя особая гендерная роль – ни мужская, ни женская. Они могли охотиться, а могли вести хозяйство или и то, и другое вместе. Считалось, что бердаши имели особую связь

¹ Тишков В.А., Артемова О.Ю., Бондаренко Д.М., Бутовская М.Л., Кабицкий М.Е., Гендрякова М.В., Уварова Т.Б. Антропология и этнология. Учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2018.

² Schutzer Napewastewin M. Виньянктека: человек с двумя душами [Электронный ресурс]. 1994. URL: <http://ts-mysli.narod.ru/winkte.html> (Дата обращения: 17.05.2019).

с богами и духами, мужчины-бердаши часто являлись шаманами племени или знахарями, за ними часто признавалась сакральная роль посредников между миром людей и миром духов, а также посредников между мужчинами и женщинами. Превращение винкте, по словам одного из представителей данной группы, есть попытка сблизить социальный статус с потребностями каждой отдельной личности, чтобы человек мог играть роль, наиболее подходящую ему, вне зависимости от социальных рамок и гендерных сценариев, основанных на биологическом поле¹.

Один из других известных примеров – это фаафафине на Самоа, которые идентифицируют себя как третий гендер. Фаафафине рождаются мальчиками, но уже с детства они предпочитают женские занятия и считают себя девочками. Взрослея, они заботятся о детях и стариках, помогают с уборкой по дому, носят женскую одежду и имеют сексуальные отношения с мужчинами, иногда с женщинами, но никогда с другими фаафафине (это будет расцениваться как гомосексуальная связь, что в данном обществе неприемлемо). Фаафафине обычно с детства отдают предпочтение женской одежде и традиционно женским занятиям, в играх они выбирают женских персонажей и считают себя девочками. Пример с фаафафине больше напоминает проявление трансгендерности в современном понимании, но в то же время – это элемент культуры, который имеет корни, глубоко уходящие в прошлое. Только 20% родителей пытаются заставить своего ребенка придерживаться мужской гендерной роли, когда он не имеет к ней склонности². Большинство в самоанском обществе принимают фаафафине (за исключением некоторых католических групп), у половины населения есть дружеские отношения по крайней мере с одним человеком из данной группы. По сути, это является попыткой культуры подстроить гендерную систему под удобства и особенности всех ее членов без исключения. Стоит, однако, заметить, что, несмотря на существование фаафафине на протяжении многих

¹ Там же.

² Bartlett N., Vasey P.A. Retrospective Study of Childhood Gender-Atypical Behavior in Samoan Fa'afafine // Archives of Sexual Behavior. 2006.

веков в самоанской культуре, не все права закреплены за ними на государственном уровне. В том числе возможность заключать браки для них не легализована на данный момент.

Более ранние свидетельства говорят о том, что третий гендерный сценарий существовал среди жителей острова Кадыак¹. Родители могли воспитывать сына ахнучиком, если он проявлял склонность к женской роли. Ахнучики являлись уважаемыми людьми в селении и их слушались, нередко они выполняли колдовские функции. В быту ахнучики выполняли женскую работу. Мужчина, имевший вместо жены ахнучика, считался счастливым.

Таким образом, существование в культурах третьего пола зачастую дает человеку необходимое пространство для самоопределения и выбора того гендерного сценария, который ему ближе, что поможет развиваться его личности наиболее гармонично.

Социализация в современных условиях ставит перед подростками столь разнообразные задачи и предъявляет столь неоднозначные требования, что жесткая детерминация поведения в соответствии с половой ролью является в большинстве случаев препятствием для их полноценной самореализации.

Для характеристики маскулинности и фемининности, как она представлена в литературе², очевидна тенденция связывать маскулинность с деятельностью, инструментальностью, а фемининность – с общением и экспрессией. При этом отмечается, что высокая фемининность у женщин и высокая маскулинность у мужчин вовсе не являются гарантией психического благополучия, что предполагается прямой логикой соответствия пол – гендер. Так, высокая фемининность у женщин часто совпадает с повышенной тревожностью. Высокомаскулинные мужчины также оказываются более тревожными, менее уверенными в себе и менее способными к лидерству, хотя, будучи подростками, они обладали такой уверенностью и были удовлетворены своим

¹ Максимов А.Н. Превращение пола. М., 1912.

² Риппон Д. Гендерный мозг: современная нейробиология развенчивает миф о женском мозге. М., 2019.

положением среди сверстников. Высокофемининные женщины и высокомаскулинные мужчины хуже справляются с формами активности, не совпадающими с традиционными половыми ролями. Часто жестко детерминированная маскулинная или фемининная роль не позволяет принимать решения и действовать в ситуациях, требующих проявления качеств или действий, «закрепленных» за противоположным полом. А с другой стороны, до сих пор неясно, какой выход может быть у людей, которые не вписываются в бинарную гендерную систему, помимо включения в нее.

Несмотря на отсутствие реальных оснований в отношении большинства полоролевых стереотипов, многие современные молодые люди убеждены в их неопровержимости и следуют правилам, навязываемым им традиционными представлениями о возможностях мужчин и женщин. Большая часть половых различий не предопределена биологически, а зависит от социокультурных факторов¹, а значит, модели гендерной социализации приобретают все большее значение в развитии подростка, ограничивая или актуализируя его многочисленные, независимые от пола способности.

Сандра Бем, американский психолог, известная своими работами по изучению гендерных проблем, утверждает, что андрогиния обеспечивает большие возможности социальной адаптации². Так, в зарубежных исследованиях была обнаружена связь андрогинии с ситуативной гибкостью, высоким самоуважением, мотивацией к достижениям, хорошим исполнением родительской роли. Отмечена также большая удовлетворенность браком, большее ощущение благополучия. Установлено, что у людей складываются более удовлетворительные отношения с андрогинными партнерами.

Однако вслед за С. Бем стоит признать, что концепция андрогинии далека от реального положения дел, так как переход личности к андрогинии требует изменений не столько личностных особенностей, сколько структуры общественных

¹ Там же.

² Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов // Российская политическая энциклопедия. М., 2004.

институтов. Институты социализации подростков по-прежнему задают дихотомичное деление на мужские и женские модели поведения и предъявляют двойные стандарты в отношении взросления юношей и девушек.

Список литературы и источников

1. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов // Российская политическая энциклопедия. М., 2004.
2. Биксан М.А. Формирование гендерной самоидентификации у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. Екб., 2017.
3. Верещака М. Вне пола и гендера: кто такие небинарные люди // ZMINA [Электронный ресурс] 2018. URL: https://zmina.info/ru/articles-ru/vne_pola_i_gendera_kto_takije_nebinarnyje_ljudi/ (Дата обращения: 21.08.2019).
4. Гаттас Д. Вставая на защиту прав интерсекс-людей – чем вы можете помочь? Берлин, 2015.
5. Глушкова И.П. Превосходство неопределенности. М., 2011.
6. Из русского перевода детской книги убрали трансгендерную девочку // Wonderzine [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/news/239015-tales-of-extraordinary-women> (Дата обращения: 17.05.2019).
7. Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М., 1998.
8. Курило Л.Ф., Хаят С.Ш., Калинин С.Ю., Слонимский Б.Ю., Сорокина Т.М. Нарушение развития структур головного мозга при транссексуализме (обзор литературы) // Андрология и генитальная хирургия. М., 2013, №3.
9. Максимов А.Н. Превращение пола. М., 1912.
10. Семенова А., Шмик А., Андрей В. Гендерная идентичность в эпицентре дискриминации. Жизнь транс-людей в России. Спб., 2013.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЛГБТ-МОЛОДЕЖИ 18–30 ЛЕТ В РОССИИ

Аннотация. Работа ставит перед собой цель ответить на вопрос, существует ли взаимосвязь между принадлежностью молодых избирателей 18–30 лет к ЛГБТ-сообществу и их электоральными предпочтениями. Исследование опирается на два источника данных: социальный опрос и полуструктурированные интервью. В итоге удалось выявить, что принадлежность российских избирателей 18–30 лет к ЛГБТ-сообществу связана с их электоральными предпочтениями. Однако работа над исследованием продолжается, в связи с чем для проверки данного вывода и ряда других предположений работы предполагается использование методов математической статистики. Среди них построение логистических регрессионных моделей, использование точного теста Фишера, коэффициента Крамера V , коэффициента корреляции Спирмена, теста Стьюдента для двух независимых выборок, z -критерия для сравнения долей и метода главных компонент.

Ключевые слова: электоральное поведение, электоральные предпочтения, ЛГБТ, российская молодежь, выборы

Abstract. The work aims to answer the question whether there is a relationship between the affiliation of young voters 18-30 years old with the LGBT community and their electoral preferences. The study relies on two data sources: a social survey and semi-structured interviews. As a result, it was possible to identify that the belonging of Russian voters 18-30 years old to the LGBT community is associated with their electoral preferences. However, work on the study is ongoing,

in connection with which the use of mathematical statistics methods is supposed to test this conclusion and a number of other assumptions of the work. Among them are the construction of logistic regression models, the use of an accurate Fisher test, the Cramer coefficient V , the Spearman correlation coefficient, the Student test for two independent samples, the z -criterion for comparing fractions and the principal component method.

Key words: *electoral behavior, electoral preferences, LGBT, Russian youth, elections*

Выборы являются неотъемлемой частью политической жизни в России, и исследования электоральных предпочтений играют большую значимость в российской политической науке. Однако они, при рассмотрении граждан в целом и отдельных социальных групп в частности (например, молодежи), не учитывают сексуальную ориентацию и/или гендерную идентичность избирателей¹, хотя эти параметры могут оказывать влияние на электоральные предпочтения и поведение людей^{2,3}. То же самое справедливо и в отношении социальных опросов⁴. Таким образом, можно заключить, что ЛГБТ-электорат остается неизученной в России социальной группой. При этом ее электоральное пове-

¹ Например, см. Голосов Г.В., 2003, 2014; Федоров В., 2010; Поляков Л., 2011; Козарева П., Смирнов А., 2013; Туровский Р.Ф., Гайворонский Ю.О., 2017; Большаков И.В., Перевалов В.В., 2020.

² Hertzog M. The Lavender Vote: Lesbians, Gay Men, and Bisexuals in American Electoral Politics. New York: New York University Press, 1996. P. 76.

³ Хлынова П.Е. Электоральные предпочтения представителей ЛГБТ-сообщества в России на примере Москвы и Санкт-Петербурга / Хлынова Полина Евгеньевна // Курсовая работа третьего курса. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2020. 109 с.

⁴ Электораты партий [Электронный ресурс] / Фонд Общественное Мнение, 25.09.2011. URL: <https://fom.ru/partii/10179> (Дата обращения: 20.07.2020). Выборы в Государственную думу РФ: результаты экзитпола ВЦИОМ [Электронный ресурс] / ВЦИОМ, 19.09.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115870> (Дата обращения: 20.07.2020); Четыре электората [Электронный ресурс] / Левада-Центр, 27.09.2016. URL: <https://www.levada.ru/2016/09/27/chetyre-elektorata/> (Дата обращения: 20.07.2020).

дение может значительно отличаться от поведения большинства россиян¹. Следовательно, сохраняется неясность характера взаимосвязи между электоральными предпочтениями молодых избирателей и их принадлежностью к ЛГБТ-сообществу.

Источником для анализа стали **первичные данные**, собранные с помощью онлайн-опроса и полуструктурированных интервью. Стоит отметить, что интервью будут выполнять иллюстративную функцию, т.е. будут дополнять ответы, полученные через социальный опрос. В связи с этим их анализ не будет сопровождаться каким-то отдельным методом.

Ключевые понятия исследования

ЛГБТ – негетеросексуальные и/или нецисгендерные люди, а именно лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендерные персоны². В работе ЛГБТ будет использован как сокращенный зонтичный термин, включающий в себя всех людей с негетеросексуальной ориентацией и/или неконформной гендерной идентичностью.

ЛГБТ-сообщество – социальная группа^{3,4}, члены которой обладают рядом отличительных характеристик⁵.

Электоральные предпочтения – желание со стороны избирателя поддерживать кандидатов/партии, которые в наибольшей степени его устраивают на основании «знаний о партиях и

¹ Хлынова П.Е. Указ. источник. С. 91.

² OxfordEnglishDictionary[Electronicresource]/OxfordUniversityPress,2020.URL: <https://www.oed.com/view/Entry/104665?redirectedFrom=LGBT#eid69639861> (access: 26.07.2020).

³ Takács J., Kelly J.A., Tóth T., Mocsonaki L., Amirkhanian Y.A. Effects of Stigmatization on Gay Men Living with HIV/AIDS in a Central-Eastern European Context: A Qualitative Analysis from Hungary / JuditTakács, J.A. Kelly, Tamas P. Tóth, L. Mocsonaki, Yuri A. Amirkhanian // Sexuality Research and Social Policy Journal of NSRC. Vol. 10. No. 1, 2013 P. 26.

⁴ Subhrajit C. Problems Faced by LGBT People in the Mainstream Society: Some Recommendations / Chatterjee Subhrajit // International Journal of Interdisciplinary and Multidisciplinary Studies (IJIMS). Vol. 1. No. 5, 2014. P. 317.

⁵ Кондаков А. Являются ли ЛГБТ социальной группой? Социологические критерии понятия для судебных интерпретаций / Александр Кондаков // Сравнительное конституционное обозрение. № 6 (121), 2017. С. 139–141.

кандидатах, их имидже и программах», которыми он обладает¹. Также электоральные предпочтения включают в себя «ценности, эмоций и ориентации избирателей, которыми объясняется электоральное поведение людей до выборов и на них»². На этот показатель влияют принадлежность избирателя к определенной социальной группе и социальная идентификация³, социально-экономическое положение⁴, региональные различия⁵, возраст избирателя⁶ и многие другие.

Первой работой, посвященной ЛГБТ-электорату, стало исследование Р. Бейли, который анализировал электоральное поведение геев и лесбиянок на праймериз по случаю выборов президента 1988 г.⁷ В 1990 г. М. Эдельман более полно проанализировал эту социальную группу как избирателей⁸. Но наиболее значимой работой стала книга М. Герцога «Лавандовый голос...», в которой представлен подробный анализ электоральных предпочтений ЛГБТ-сообщества. Однако данные исследования имеют ограничения: они описывают американский контекст и не учитывают в своем анализе трансгендерных персон. В российском научном сообществе подобные работы отсутствуют, что показывает неисследованность вопроса.

¹ Будаева Д.Ц., Черкун Е.Ю. Электоральное поведение и электоральные предпочтения как элементы политической культуры // Вестник Бурятского государственного университета. № 6, 2013. С. 107.

² Там же.

³ Шентякова А.В. Электоральные предпочтения горожан и жителей сельской местности накануне выборов в Государственную Думу VII созыва (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) / Анна Владимировна Шентякова // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. Т. 10. Вып. 1, 2017. С. 31.

⁴ Орлов Г.М., Шуметов В.Г. Модель электоральных предпочтений: методология построения / Геннадий Михайлович Орлов, Вадим Георгиевич Шуметов // Социологические исследования. №1, 2001. С. 128.

⁵ Коргунюк Ю.Г. Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения / Юрий Григорьевич Коргунюк // Полис. Политические исследования. № 6, 2019. С. 100.

⁶ Орлов Г.М., Шуметов В.Г. Указ. соч. С. 128.

⁷ Hertzog M. Op. cit. P. 6.

⁸ Ibid.

На основании монографий, посвященных электоральному поведению ЛГБТ-избирателей, можно отметить, во-первых, то, что ЛГБТ-люди склонны разделять либерально-демократические ценности^{1,2}, что влияет на их электоральный выбор. Таким образом, будет выдвинуто **предположение**: российская ЛГБТ-молодежь 18–30 лет в большинстве склонна поддерживать и разделять либерально-демократические ценности.

Во-вторых, для ЛГБТ-избирателей при совершении электорального выбора важна риторика партий/кандидатов об ЛГБТ-сообществе³. В российском контексте наиболее толерантной партией к ЛГБТ-людям является «Яблоко». Этот вывод был сделан на основе анализа высказываний руководителей и членов российских партий об ЛГБТ-людях, упоминаний ЛГБТ-сообщества в партийных документах, участия партийных деятелей в про-ЛГБТ мероприятиях и голосования партийных фракций по принятию ст. 6.21 КоАП РФ. Следовательно, в работе будет выдвинуто **предположение**: российская ЛГБТ-молодежь в большинстве будет предпочитать «Яблоко» другим политическим партиям.

Так как в России ЛГБТ-сообщество дискриминируемо (табл. 1) и является меньшинством, то можно ожидать, что эта социальная группа будет демонстрировать высокую степень сплоченности^{4,5} и разделять общие ценности⁶. Таким образом, будет выдвинуто

¹ Gupta V.K. Issue Brief-LGBT Voting Behavior / Virat K. Gupta // Political Science. Majority Rule and Minorities Rights Issue Brief, 2010. P. 2.

² Haider-Markel D.P., Miller P.R. Equality or Transformation? LGBT Political Attitudes and Priorities and the Implications for the Movement / Donald P. Haider-Markel, Patrick R. Miller // New York: LGBTQ Politics. Critical Reader, 2017. P. 271.

³ Hertzog M. Op. cit. Pp. 1, 175, 183.

⁴ Egan P.J. Group Cohesion without Group Mobilization: The Case of Lesbians, Gays and Bisexuals / Patrick J. Egan // British Journal of Political Science. Vol. 42. No. 3, 2012. P. 597.

⁵ Easterbrook A., Carpiano R.M., Kelly B.C., Parsons J.T. The Personal Experience of Community Among Urban Gay Men, Lesbians, and Bisexuals / Adam Easterbrook, Richard M. Carpiano, Brian C. Kelly, Jeffrey T. Parsons // Social Science Quarterly. Vol. 95. No. 3, 09.2014. P. 695.

⁶ Miller A.H., Gurin P., Gurin G., Malanchuk O. Group Consciousness and Political Participation / Arthur H. Miller, Patricia Gurin, Gerald Gurin, Oksana Malanchuk // American Journal of Political Science. Vol. 25. No. 3, 08.1981. P. 495.

следующее **предположение**: внутри российского ЛГБТ-сообщества высокие показатели групповой сплоченности.

Работа опирается на два источника данных: социальный опрос по двум выборкам и серию полуструктурированных интервью. Выборка в интервью: 16 ЛГБТ-людей. Общая ЛГБТ-выборка в опросе составила 1599 респондентов, а выборка гетеросексуальных и цисгендерных молодых людей – 330 опрошенных. Использование двух выборок: ЛГБТ-молодежи и гетеросексуальной и цисгендерной молодежи – необходимо для корректного сравнения этих двух социальных групп. На основании вторичных данных сделать это невозможно. Однако следует учитывать, что неравенство двух выборок может привести к искажению результатов.

Распределение респондентов по демографическим показателям выглядит следующим образом:

- ЛГБТ-выборка: респонденты 18–24 лет – 69,92%, а респонденты 25–30 лет – 30,08%. В выборке гетеросексуальной и цисгендерной молодежи респонденты 18–24 лет составили 80%, а опрошенные 25–30 лет – 20%;
- В ЛГБТ-выборке 66,9% женщин, 29,02% мужчин, 4,06% интерсекс-персон и людей, не идентифицирующих себя ни как мужчин, ни как женщин. В выборке гетеросексуальных и цисгендерных респондентов женщин – 61,5%, а мужчин – 38,5%. Преобладание женщин в обоих случаях может быть связано с тем, что женщины более склонны принимать участие в онлайн-опросах, чем мужчины¹. Преодолеть данное ограничение не удалось, так как выборка случайная и заранее предугадать распределение респондентов невозможно;
- В ЛГБТ-выборке представлено 76 субъектов РФ, а в выборке гетеросексуальных и цисгендерных респондентов – 34. В случае обеих выборок было зафиксировано преобладание респондентов из Москвы и Санкт-Петербурга.

¹ KeuschF. Why do people participate in Web surveys? Applying survey participation theory to Internet survey data collection / Florian Keusch // Management Review Quarterly. № 65, 2015. P. 189.

Предположение о том, что внутри российского ЛГБТ-сообщества высокие показатели групповой сплоченности, основано не только на теоретическом материале, но и на том, что сами ЛГБТ-респонденты оценивают уровень гомофобии в России как высокий:

- 39,1% опрошенных оценивают его на 8 баллов из 10;
- 84,4% респондентов сталкивались с гомофобией;
- 72,2% оценивают российскую политику как абсолютно гомофобную, 26,3% – как «скорее гомофобную».

Однако тезис о высокой сплоченности ЛГБТ-сообщества лишь отчасти подтвердился на данных. С одной стороны, абсолютное большинство опрошенных однозначно идентифицируют себя как членов ЛГБТ-сообщества (84,3%), готовы принять участие в российском прайде и подписать петицию, связанную с российским ЛГБТ-сообществом. С другой стороны, сплоченным ЛГБТ-сообществом считает 35,2% респондентов. 36% опрошенных выбрали вариант «скорее нет», еще 9,2% считают его однозначно не сплоченным.

Схожие результаты были получены и в результате проведения полуструктурированных интервью: 3 респондента из 16 считают российское ЛГБТ-сообщество сплоченным.

«Я думаю, да. Потому что любое сообщество, которое каким-то образом отличается от подавляющего большинства <...>, старается каким-то образом изнутри и снаружи себя защищать и, по-простому, держаться вместе в ментальном плане». (Женщина, 1997 г. р.)¹.

При этом 12 человек полагают, что ЛГБТ-сообщество в России не сплочено.

«ЛГБТ-сообщество в России очень разношерстное, очень неорганизованное, не представляет никакую политическую субъектность». (Мужчина, 1999 г. р.)².

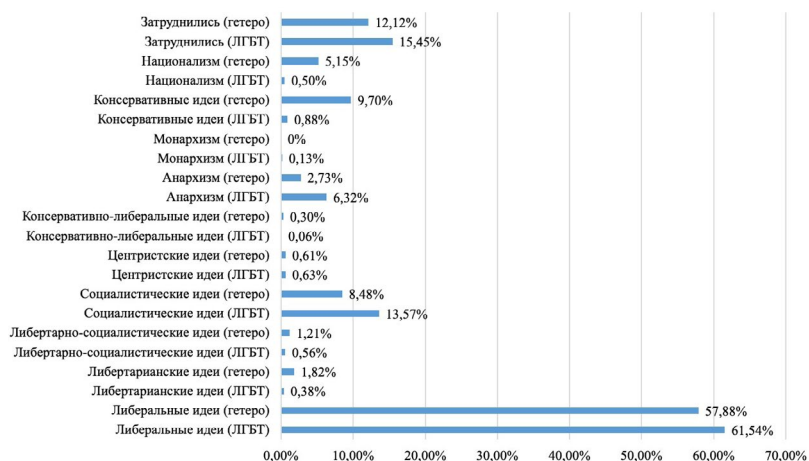
Следовательно, невозможно однозначно утверждать, что в условиях дискриминации у ЛГБТ-сообщества в России высокие показатели групповой сплоченности.

¹ ПМА. Интервью 1. Москва, 2020.

² ПМА. Интервью 10. Москва, 2020.

По результатам опроса, 61,2% ЛГБТ-респондентов определяют себя как либералов, причем даже в большей степени, чем гетеросексуальная и цисгендерная молодежь (ил. 1). Это подтвердилось и на других параметрах:

- большинство выступает за легализацию аборт (92,4%);
- 73,4% безразлично отнеслись бы к соседям-мигрантам из неевропейских стран;
- для 72,3% респондентов не имеет значения, на каком языке говорят мигранты на улице;
- ЛГБТ-респонденты позитивно относятся к межрасовым (68,5%) и межконфессиональным (59,9%) бракам;
- 64% отрицательно относятся к националистическим организациям;
- 84,7% негативно относятся к патриархальной модели воспитания детей;
- 71,9% негативно относятся к тому, что их близкие голосуют за «Единую Россию»;
- 86% позитивно относится к критике власти.

Таким образом, действительно можно заключить, что ЛГБТ-молодежь в большинстве склонна разделять либерально-де-

мократические ценности. Причем удалось выявить, что ЛГБТ-респонденты более «либеральны», чем их гетеросексуальные и цисгендерные ровесники.

По данным опроса, 38% ЛГБТ-респондентов выбрали «Яблоко» при ответе на вопрос о том, за какую партию они бы проголосовали, если выборы в региональный/федеральный парламент состоятся в ближайшее воскресенье (табл. 2), что подтверждает предположение.

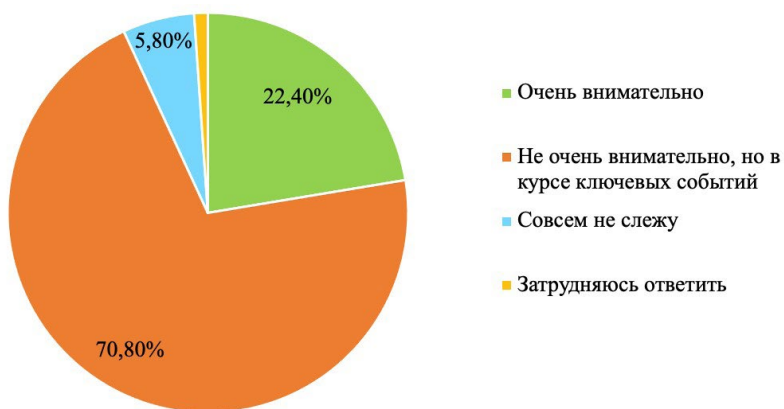
Также можно говорить о некотором отличии электоральных предпочтений ЛГБТ-молодежи от предпочтений гетеросексуалов и цисгендеров 18–30 лет. Среди последних зафиксирована большая поддержка парламентских партий, чем по ЛГБТ-выборке. Однако среди гетеро- и цис-молодежи «Яблоко» также является довольно популярной партией: за нее готовы проголосовать 23,6% респондентов. Это меньше, чем в случае ЛГБТ-респондентов, но больше, чем за другие партии внутри гетеро- и цис-выборки. При этом стоит помнить об ограничении, связанном с размером данной выборки.

В случае обеих выборок было зафиксировано доминирование «затруднившихся» респондентов: в ЛГБТ-выборке – 46,7%, в гетеро- и цис-выборке – 48,5% (табл. 2). Это можно объяснить тем, что российская молодежь в целом склонна к абсентеизму и низкому интересу к политике¹, что подтвердилось и по данным опроса: 61,2% гетеросексуальных и цисгендерных респондентов указали, что не очень внимательно следят за политическими процессами внутри страны (ил. 2). В ЛГБТ-выборке такой вариант ответа был у 70,8% (ил. 3).

По данным интервью, 10 из 16 респондентов не знают, за какую партию будут голосовать на ближайших парламентских выборах. Это примечательно, т.к. в рамках интервью респондентам не предлагался список партий в отличие от социального опроса.

Однако среди респондентов, определившихся со своими партийными предпочтениями, можно обнаружить поддержку

¹ Более 80% российской молодежи равнодушны к политике. [Электронный ресурс] / Левада-Центр, 30.04.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/30/bolee-80-rossijskoj-molodezhi-ravnodushny-k-politike/> (Дата обращения: 11.09.2020).

«Яблока» (3 человека)^{1,2,3}. Еще 1 человек заявил о поддержке «Новых людей»⁴.

По итогу проведения исследования удалось прийти к следующим выводам. Во-первых, российская ЛГБТ-молодежь 18–30 лет в большинстве склонна разделять либерально-демократические

¹ ПМА. Интервью 6. Москва, 2020.

² ПМА. Интервью 11. Москва, 2020.

³ ПМА. Интервью 12. Москва, 2020.

⁴ ПМА. Интервью 16. Москва, 2020.

ценности. Причем она оказалась «либеральнее» своих гетеросексуальных и цисгендерных ровесников.

Во-вторых, несмотря на свое дискриминируемое положение и поддержку общих ценностей, не удалось в полной мере подтвердить предположение о высокой групповой сплоченности российского ЛГБТ-сообщества. С одной стороны, абсолютное большинство ЛГБТ-опрошенных идентифицируют себя как членов сообщества, также у них есть потенциал для совместных действий. С другой стороны, сами ЛГБТ-респонденты не воспринимают сообщество как сплоченное.

В-третьих, для ЛГБТ-избирателей 18–30 лет риторика партий и кандидатов важна при совершении электорального выбора. Это подтверждается и тем, что ЛГБТ-молодежь России склонна голосовать за «Яблоко» – наиболее толерантную к ЛГБТ-сообществу партию. Однако среди ЛГБТ-молодежи значительную долю составляют и те, кто не может однозначно определить свои партийные предпочтения.

Таким образом, можно заключить, что принадлежность молодых избирателей 18–30 лет к ЛГБТ-сообществу влияет на их электоральные предпочтения. Однако данный вывод предварительный и нуждается в более детальной проверке, в том числе и с помощью методов математической статистики.

Список литературы и источников

1. Более 80% российской молодежи равнодушны к политике [Электронный ресурс] / Левада-Центр. 30.04.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/30/bolee-80-rossijskoj-molodezhi-ravnodushny-k-politike/> (Дата обращения: 11.09.2020).
2. Будаева Д.Ц., Черкун Е.Ю. Электоральное поведение и электоральные предпочтения как элементы политической культуры // Вестник Бурятского государственного университета. № 6. 2013. С. 105–109.
3. В Чечне началась новая волна задержаний ЛГБТ [Электронный ресурс] / Российская ЛГБТ-сеть. 14.01.2019. URL: <https://lgbtnet.org/ru/newseng/v-chechne-nachalas-novaya-volna-zaderzhaniy-lgbt> (Дата обращения: 10.10.2019).
4. Выборы в Государственную думу РФ: результаты экзитпола

- ВЦИОМ [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. 19.09.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115870> (Дата обращения: 20.07.2020).
5. Годовой отчет 2019 [Электронный ресурс] / Российская ЛГБТ-сеть. 2019. 25 с. URL: https://lgbtnet.org/sites/default/files/report_ru.pdf (Дата обращения: 20.07.2020).
 6. Кадыров во время интервью HBO попросил забрать всех геев в Канаду [Электронный ресурс] / RadioAurora. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zaHa2kuJWX8> (Дата обращения: 10.10.2019).
 7. Кондаков А. Являются ли ЛГБТ социальной группой? Социологические критерии понятия для судебных интерпретаций / Александр Кондаков // Сравнительное конституционное обозрение. № 6 (121). 2017. С. 131–144.
 8. Коргунюк Ю.Г. Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения / Юрий Григорьевич Коргунюк // Полис. Политические исследования. № 6. 2019. С. 95–112.
 9. Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности / Ольга Юрьевна Малинова // Политическая наука. Vol. 34. № 1. 2005. С. 8–20.
 10. Новый текст Конституции с поправками 2020. Ст. 72. [Электронный ресурс] / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (Дата обращения: 22.08.2020).
 11. Орлов Г.М., Шуметов В.Г. Модель электоральных предпочтений: методология построения / Геннадий Михайлович Орлов, Вадим Георгиевич Шуметов // Социологические исследования. № 1. 2001. С. 127–141.
 12. Отношение к ЛГБТ-людям [Электронный ресурс] / Левада-Центр. 23.05.2019. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/05/Blok-LGBT.pdf> (Дата обращения: 22.08.2020).
 13. Социальная дистанция [Электронный ресурс] / Левада-Центр. 20.04.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/20/sotsialnaya-distantsiya-2/> (Дата обращения: 22.08.2020).
 14. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. Ст. 1 [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. 2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/f688669b9e3b36e556014fc5e4cc88223df202a2/ (Дата обращения: 22.08.2020).
 15. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. Ст. 127 [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. 2020. URL:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ef34350ac8a228c304eaa8540e308acc341f29c8/ (Дата обращения: 22.08.2020).
16. Хлынова П.Е. Электоральные предпочтения представителей ЛГБТ-сообщества в России на примере Москвы и Санкт-Петербурга / Хлынова Полина Евгеньевна // Курсовая работа третьего курса. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2020. 109 с.
 17. Четыре электората [Электронный ресурс] / Левада-Центр. 27.09.2016. URL: <https://www.levada.ru/2016/09/27/chetyre-elektorata/> (Дата обращения: 20.07.2020).
 18. Шентякова А.В. Электоральные предпочтения горожан и жителей сельской местности накануне выборов в Государственную Думу VII созыва (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) / Анна Владимировна Шентякова // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. Т. 10. Вып. 1. 2017. С. 30–38.
 19. Электораты партий [Электронный ресурс] / Фонд Общественное Мнение. 25.09.2011. URL: <https://fom.ru/partii/10179> (Дата обращения: 20.07.2020).
 20. Buyantueva R., Shevtsova M. LGBT+ Activism in Central and Eastern Europe. Resistance, Representation and Identity / Radzhana Buyantueva, Maryna Shevtsova // Palgrave Macmillan. 2020. 403 p.
 21. Easterbrook A., Carpiano R.M., Kelly B.C., Parsons J.T. The Personal Experience of Community Among Urban Gay Men, Lesbians, and Bisexuals / Adam Easterbrook, Richard M. Carpiano, Brian C. Kelly, Jeffrey T. Parsons // Social Science Quarterly. Vol. 95. No. 3. 09.2014. Pp. 682–700.
 22. Egan P.J. Group Cohesion without Group Mobilization: The Case of Lesbians, Gays and Bisexuals / Patrick J. Egan // British Journal of Political Science. Vol. 42. No. 3. 2012. Pp. 597–616.
 23. Glenn C. Мы не ошибка (We Are Not an Error): Documentary Film and LGBT Activism Against the Russian Anti-“Gay Propaganda” Campaign / Clinton Glenn // LGBT+ Activism in Central and Eastern Europe. Resistance, Representation and Identity. 2020. Pp. 77–100.
 24. Gupta V.K. Issue Brief-LGBT Voting Behavior / Virat K. Gupta // Political Science. Majority Rule and Minorities Rights Issue Brief. 2010. 4 p.
 25. Haider-Markel D.P., Miller P.R. Equality or Transformation? LGBT Political Attitudes and Priorities and the Implications for the Movement / Donald P. Haider-Markel, Patrick R. Miller // New York: LGBTQ Politics. Critical Reader. 2017. Pp. 270–294.
 26. Harder J., Krosnick J.A. Why Do People Vote? A Psychological

- Analysis of the Causes of Voter Turnout / Joshua Harder, Jon A. Krosnick // *Journal of Social Issues*. Vol. 64. No. 3. 2008. Pp. 525–549.
27. *Hertzog M.* The Lavender Vote: Lesbians, Gay Men, and Bisexuals in American Electoral Politics / Mark Hertzog // New York: New York University Press. 1996. 288 p.
28. *Keusch F.* Why do people participate in Web surveys? Applying survey participation theory to Internet survey data collection / Florian Keusch // *Management Review Quarterly*. № 65. 2015. Pp. 183–216.
29. *Lane D.* Identity Formation and Political Elites in the Post-Socialist States / David Lane // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. No. 6. 08.2011. Pp. 925–934.
30. *Miller A.H., Gurin P., Gurin G., Malanchuk O.* Group Consciousness and Political Participation / Arthur H. Miller, Patricia Gurin, Gerald Gurin, Oksana Malanchuk // *American Journal of Political Science*. Vol. 25. No. 3. 08.1981. Pp. 494–511.
31. Oxford English Dictionary [Electronic resource] / Oxford University Press. 2020. URL: <https://www.oed.com/view/Entry/104665?redirectedFrom=LGBT#eid69639861> (access: 26.07.2020).
32. *Persson E.* Banning “Homosexual Propaganda”: Belonging and Visibility in Contemporary Russian Media / Emil Persson // *Sexuality & Culture*. Vol. 19 (2). 2015. Pp. 256 – 274.
33. *Subhrajit C.* Problems Faced by LGBT People in the Mainstream Society: Some Recommendations / Chatterjee Subhrajit // *International Journal of Interdisciplinary and Multidisciplinary Studies (IJIMS)*. Vol. 1. No. 5. 2014. Pp. 317–331.
34. *Takács J., Kelly J.A., Tóth T., Mocsonaki L., Amirkhanian Y.A.* Effects of Stigmatization on Gay Men Living with HIV/AIDS in a Central-Eastern European Context: A Qualitative Analysis from Hungary / Judit Takács, J.A. Kelly, Tamas P. Tóth, L. Mocsonaki, Yuri A. Amirkhanian // *Sexuality Research and Social Policy Journal of NSRC*. Vol. 10. No. 1. 2013. Pp. 24–34.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрахманова Екатерина Николаевна – ассистент кафедры педагогики дошкольного и начального образования Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: eknikol@ya.ru

Амирянц Джулия Вадимовна – студентка Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина. E-mail: julia280800@rambler.ru

Арсентьева Анастасия Андреевна – студентка кафедры истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета. E-mail: Tanyaurik@yandex.ru

Баканова Марина Владимировна – врач International Care Medical Centre “Dua Hospital”, Пакистан. E-mail: mari-ina@mail.ru

Баранова Валерия Александровна – научный сотрудник отдела этнографии народов Белоруссии, Украины и Молдавии Российского этнографического музея. E-mail: baranovavaleron@gmail.com

Батин Роман Евгеньевич – выпускник Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана. E-mail: zaroymight@gmail.com

Богдашина Ирина Владимировна – аспирантка Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. E-mail: ira18bogdashina@mail.ru

Боровикова Юлия Александровна – стажер-исследователь Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: borovikovajulie@gmail.com

Васеха Мария Владимировна – научный сотрудник Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, к.и.н. E-mail: Maria.vasekha@gmail.com

Васюков Александр Дмитриевич – аспирант факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. E-mail: ovasiukov@eu.spb.ru

Вольф Светлана Павловна – заведующая кафедрой теории и истории государства и права Сибирского института бизнеса и информационных технологий. E-mail: volf.svetlana.2015@mail.ru

Головина Анна Владимировна – студентка кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: heurodis@yandex.ru

Громенко Анна Леонидовна – магистрантка Института педагогического образования и социальных технологий Тверского государственного университета. E-mail: lady.gromenko69@mail.ru

Давыдова Марина Феликсовна – магистрантка Учебно-научного центра библеистики и иудаики Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: shamraimarina@list.ru

Донежук Мурат Юсуфович – стажер-исследователь Центра изучения межэтнических отношений Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. E-mail: donmur@iea.ras.ru

Каширская Екатерина Владимировна – научный сотрудник департамента психологии НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: ekashirskaya@hse.ru

Кокорина Галина Алексеевна – аспирантка кафедры всеобщей истории, исторического факультета Тверского государственного университета. E-mail: kokorina-galina@mail.ru

Коровина Виктория Николаевна – студентка Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина. E-mail: 9150220050@mail.ru

Кузнецова Полина Дмитриевна – стажер-исследователь Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: polinakuznetsova939@gmail.com

Лазарева Анна Андреевна – старший преподаватель Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, кандидат филологических наук. E-mail: anna-kadabra@mail.ru

Лапина Мария Светлановна – стажер-исследователь научно-учебной лаборатории социогуманитарных исследований Севера и Арктики НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: marinaeva@gmail.com

Леонова Елизавета Евгеньевна – преподаватель НИУ «Высшая школа экономики», к.п.н. E-mail: izaleonov@yandex.ru

Лицарева Александра Федоровна – преподаватель ГБПОУ «Московский колледж управления, гостиничного бизнеса и информационных технологий “Царицыно”». E-mail: ALYA-ALYSA@yandex.ru

Медведева Марина Александровна – доцент, старший научный сотрудник Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского, к.и.н. E-mail: bondarenco21@mail.ru

Мухтарова Руслана Мидхатовна – учитель английского языка ОЧУ «Газпром школа». E-mail: muhtrusm@gmail.com

Никитина Инна Олеговна – студентка кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: solreynе@gmail.com

Орешин Сергей Александрович – научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, к.и.н. E-mail: Oreshin12345@yandex.ru

Осадчая Оксана Александровна – студентка Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. E-mail: okasanochka99@mail.ru

Пасечник Агния Сергеевна – научный сотрудник департамента психологии НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: aspasechnik@edu.hse.ru

Петров Константин Алексеевич – старший преподаватель кафедры всеобщей истории исторического факультета Тверского государственного университета. E-mail: konstantin.al.petrov@gmail.com

Полянцева Елизавета Дмитриевна – студентка Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина. E-mail: liza.polyantseva25@gmail.com

Рабуш Таисия Владимировна – старший преподаватель кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, к.и.н. E-mail: taisarabush@mail.ru

Репина Екатерина Борисовна – научный сотрудник Лаборатории антропологической лингвистики Института лингвистических исследований Российской академии наук. E-mail: erepina@eu.spb.ru

Рублева Анастасия Анатольевна – научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. E-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru

Салахова Лариса Марсовна – доцент кафедры истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета, к.и.н. E-mail: mars62@rambler.ru

Севастьянов Иван Владимирович – научный сотрудник Центра изучения межэтнических отношений Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, к.и.н. E-mail: rushd-al@yandex.ru

Секенова Ольга Игоревна – аспирантка Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. E-mail: jkzkzray@mail.ru

Скрыльников Павел Андреевич – корреспондент ИТАР ТАСС. E-mail: withwings@mail.ru

Смирнова Анастасия Алексеевна – стажер-исследователь научно-учебной лаборатории социогуманитарных исследований Севера и Арктики НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: a.a.smirnovaaa@gmail.com

Струтинский Иван Михайлович – аспирант сектора инструментоведения Российского института истории искусств. E-mail: sevdbrif@gmail.com

Сысоева Мария Эдуардовна – стажер-исследователь отдела Кавказа Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. E-mail: mariasysoeva.kubsu@gmail.com

Тиникова Елена Евгеньевна – старший научный сотрудник отдела международных и межрегиональных связей Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, к.и.н. E-mail: lena.tinikova@mail.ru

Токарева Юлия Алексеевна – студентка Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: juli-008@list.ru

Тюренкова Дарья Олеговна – ассистент кафедры всеобщей истории исторического факультета Тверского государственного университета. E-mail: d.tyurenkova@yandex.ru

Филина Юлия Сергеевна – младший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук. E-mail: juliaphilinaiai@icloud.com

Хархурин Анатолий Владимирович – научный сотрудник департамента психологии НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: tovyharhur@gmail.com

Хлынова Полина Евгеньевна – студентка НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: khlynova.polsha@yandex.ru

Чабиева Танзила Саварбековна – научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, к.и.н. E-mail: chabieva06@mail.ru

Черепанова Софья Александровна – выпускница Томского государственного университета. E-mail: chereshnya.s@yandex.ru

Шепелева Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры истории русской литературы и теории словесности Донецкого национального университета. E-mail: o.shepelyova@gmail.com

Штылева Мария Владимировна – научный сотрудник Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. E-mail: Mariashtyleva@yahoo.com

Ябыштаев Тенгис Степанович – независимый исследователь. E-mail: teng7891@yandex.ru

Научное издание

**Альманах Конференции молодых ученых
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН**

Выпуск II
Том 2

Утверждено к печати Ученым советом Института этнологии и
антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Ответственные редакторы:
С.А. Орешин, П.А. Серин

Дизайн обложки *Е.В. Орлова*
Компьютерная верстка *Н.А. Белова*

Подписано к печати 21.11.2021
Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 17,15
Тираж 500 экз.
Заказ № 216

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, 32а